

Альманах библиофила

*Выпуск
третий*

*«Альманах библиофила»
рассказывает
о
книгах и книжниках
прошлого и современности,
о
библиотеках и библиофилах,
о
поисках и находках
в книжном мире,
о
делах минувших
и
современной жизни книголюбов*

Альманах библиофила

*Выпуск
третий*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
«АЛЬМАНАХА БИБЛИОФИЛА»:

Е. И. Осетров
(Главный редактор)

А. И. Маркушевич

А. А. Сидоров

В. Г. Утков

Л. М. Наппельбаум
(Ответственный секретарь)

Художник
В. Вагин

С. Наровчатов

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО КНИЖНЫМ РЕКАМ

Беседа с писателем

Нынешний, 1976-й год, для всех нас — особенный, необычный. Итоговый и перспективный год. Так уж повелось, что партийные съезды стали рубежами коммунистического строительства.

XXV съезд КПСС подвел и проанализировал итоги деятельности партии и народа за последние годы, рассмотрел и утвердил основные направления и задачи нового пятилетнего плана, наметил перспективы дальнейшего развития страны. Выполнение решений съезда партии, заданий десятой пятилетки стало главным содержанием работы на всех участках экономической, культурной и общественной жизни. Вместе со всем народом творческая интеллигенция отдает все свои силы и способности выполнению намеченных партией задач, прекрасно понимая, что чем выше будет политическая сознательность, образованность и культура советских людей, тем быстрее будет наше движение к коммунизму. «Для истекших лет, — говорил товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС на XXV съезде Коммунистической партии Советского Союза, — характерна дальнейшая активизация деятельности творческой интеллигенции, которая вносит все более весомый вклад в общепартийное, общенародное дело строительства коммунистического общества». Далее товарищ Л. И. Брежнев, характеризуя основные достижения советской литературы и искусства, сказал: «Идет живой, творческий процесс обогащения искусства знанием жизни и, с другой стороны, дальнейшего приобщения многомиллионных масс трудящихся к ценностям культуры».

В этом важном, охватившем глубинные слои нашего народа процессе могучим средством является книга.

Трудно переоценить ее роль в идейно-политическом, нравственном и эстетическом воспитании трудящихся. В десятой пятилетке еще более улучшится качество наших книг, увеличится их выпуск, усилится роль книги в жизни нашего общества.

«Мы убеждены в том, — сказал в своей речи на XXV съезде КПСС первый секретарь Правления Союза писателей СССР Г. М. Марков, — что десятая пятилетка расширит и укрепит материальную базу всей социалистической культуры. Бумажники дадут литературе больше бумаги и лучшего качества, полиграфисты повысят техническую вооруженность своих предприятий, будет расти сеть библиотек и книжных магазинов и год от году их оснащенность будет повышаться».

Потребность нашего народа в чтении не ограничивается только посещением публичных библиотек. Стало массовым, поистине всенародным явлением — создание личных, домашних библиотек. М а с с о в о с т ь возникновения домашних библиотек — отличительная черта нашей эпохи, нашего строя. Это одно из свидетельств идейного и эстетического роста советских людей. Однако массовость личных библиотек несет и определенные трудности, выдвигает новые, ранее незведомые проблемы.

Не случайно, что организованное в годы девятой пятилетки Всесоюзное общество книголюбов ставит одной из своих основных задач оказание методической помощи начинающим книголюбам в создании и оформлении библиотек, в правильном и умелом подборе книг. «Одной из важнейших задач движения книголюбов, — говорится в Приветствии Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Учредительному съезду Всесоюзного добровольного общества любителей книги, — является формирование читательских интересов и вкусов молодежи, воспитание у подрастающих поколений любви к книге, умения работать с ней, бережного отношения к этому замечательному творению человеческого гения».

Всесоюзное общество книголюбов призвано также способствовать тому, чтобы наиболее крупные собрания книг не рассредоточивались, не распылялись, а по возможности (конечно, только по желанию владельцев) поступали в государственные книгохранилища.

Здесь следует, наверное, вспомнить о том, что личные собрания библиофилов на протяжении всей истории Госу-

дарственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина были ее постоянным резервом, пополнявшим ее хранилища как до 1917 года, так и в наше время.

Так что библиофилия, как видно, не только приятное занятие, но и полезное, общенародное дело.

* * *

— Сергей Сергеевич! Сейчас многие собирают личные библиотеки. Говорят, что мода сейчас такая. Но, вероятно, не только мода причина тому?..

— Увы, новое — это хорошо забытое старое. Еще в древности многие были библиофилами из тщеславия, как Тримальхион у Петрония. Еще Сенека издевался над теми, кто не прочел даже заглавий всех книг своего собрания. Лукиан написал против них целый трактат. Так что всегда были тщеславные невежды, для которых книга была модной вещью, и были люди, для которых книга являлась предметом духовной необходимости.

— Сейчас с разными целями и по-разному собирают библиотеки, часто по такому же принципу, как почтовые марки — один коллекционирует марки об искусстве, другой — о спорте, а третий почему-то кубинские марки. Как Вы смотрите на подобное собирательство?

— Если человек собирает библиотеку не ради развлечения и уж тем более не ради престижа, то, конечно, наряду с универсальными, условно говоря, энциклопедическими библиотеками, можно собирать и узкоспециальные, профессиональные библиотеки. И в этом нет ничего дурного.

Свою библиотеку я тоже начал собирать как чисто рабочую. Со справочников и словарей. Было это давно.

Купил толковый словарь Даля, энциклопедический — Брокгауза и Ефрона, потом к словарям прибавились энциклопедии гуманитарного характера.

Естественно, что одним из первых приобретений были собрания Сочинений Маркса, Энгельса, Ленина; без них мне трудно было строить свою повседневную работу. Затем купил собрания сочинений Горького, Шекспира. Нельзя же все время обращаться в библиотеку! Начальный период собирательства книг был отмечен практической необходимостью. Постепенно тематика моего книжного собрания расширялась. Сейчас у меня большая библиотечка поэзии, в ней около 1300 книг, не считая 1800 подаренных, с автографами авторов.

Есть у меня почти полные серии первого и второго издания «Библиотеки поэта», Большая и Малая (третье издание) серии, есть «Библиотека советской поэзии», «Библиотека избранной лирики».

Кстати говоря, серийность — большое достоинство библиотеки. Основательно изучив такую библиотеку, можно получить *систематическое, фундаментальное* представление обо всей русской поэзии. Одно дело, когда случайно покупаешь книги: сегодня Пушкина купил, завтра Демьяна Бедного, послезавтра — Сологуба (хотя, если б не «Библиотека поэта», еще вопрос — удалось бы «случайно» купить Сологуба), словом, что купил, что увидел, что нашел, то и прочитал. И совсем иное дело, когда выходит серия.

Сейчас для издательства «Детская литература» я составляю «Антологию русской советской поэзии». И я, заметьте, работаю полностью на материале своей библиотеки. Вернее, только благодаря ей я и могу составлять антологию.

— *Вы сказали, что у вас много книг с автографами. Чьи подарки вам особенно дороги? Книги с автографами друзей? Такие книги, наверное, о многом вам напоминают, это как бы посланцы от них на полках вашей библиотеки?*

— Мне особенно дороги книги, подписанные А. Твардовским, А. Ахматовой, Я. Смеляковым, А. Прокофьевым, Ольгой Берггольц... Из ныне живущих — Н. Тихоновым, М. Лукониным. С Тихоновым я впервые познакомился в блокадном Ленинграде. Николай Семенович подарил мне тогда свою книгу с надписью, высоко оценивавшей мои скромные успехи. Тихоновские строки носили характер воспитательный. Потом все время я писал стихи с оглядкой на эту надпись.

— *Сергей Сергеевич! Вы часто выступаете в печати, на поэтических вечерах с воспоминаниями о погибших поэтах, о тех, кто не успел с полной силой развернуть свой талант. У вас как у фронтовика к ним особое отношение...*

— Конечно, особое. Но в очерке «Улица Николая Майорова» я все же разграничиваю стихи, являющиеся просто человеческими документами множества прекрасных молодых людей, сложивших голову на полях сражений, и работу таких поэтов, как Майоров, Кульчицкий, Коган, Суворов, отмеченную божьей искрой истинного таланта.

Без их лирики теперь нельзя представить антологию советской литературы. Как нельзя ее представить без имен Луконина, Слуцкого, Межирова, Самойлова, Ольги Берггольц, поэтов, в чьих стихах война была пережита заново.

Старая поговорка о том, что музы смолкают, когда говорят пушки, никак не подтвердилась опытом моего поколения.

Кто знает, может быть, именно благодаря небывалому испытанию, каким для молодых талантов была война, они так рано возмужали, так быстро созрели. И поэтому просияли так ярко.

Если бы молодые успели развернуть свои таланты постепенно в полную силу, если бы с опытом войны они впитали в себя и опыт послевоенных раздумий, как много, наверное, они могли бы сделать в нашей поэзии!.. Хотя, конечно, любая преждевременная смерть делает жизнь человека более многообещающей...

— Многие владельцы домашних библиотек часто жалуются на то, что им трудно отыскать нужную книгу в своем собрании. И если им вдруг срочно понадобится какая-то книга — они предпочитают взять ее в библиотеке. А у вас, Сергей Сергеевич, я вижу, даже каталог есть, составленный по всем правилам библиотечного дела. Интересно, кто посоветовал вам завести каталог, кто научил профессионально обращаться с книгами и, наконец, кто пробудил в вас любовь к чтению, книгам?

— Что касается любви к книгам, начать придется издавека. Читать я выучился рано — трех лет. С тех пор чтение — постоянная ненасытная потребность. В семье у нас любили и знали книгу, и эта страсть препятствий не встречала. Годам к тринадцати почти вся русская и западная классика была проглочена мною. Именно «проглочена». Ибо переварить «Войну и мир» или «Красное и черное» в детстве было затруднительно.

Наряду с классикой шло бессистемное мальчишеское чтение всего, что попадалось на глаза. Пиратскую повесть Клода Фаррера «Фома-ягненок» я попытался даже иллюстрировать. Так она мне понравилась.

Но если говорить о серьезной, о взрослой любви к книгам, то надо прежде всего упомянуть ИФЛИ. Этот институт расширил круг моего любопытства. Там лекции читали нам такие корифеи, как Д. Н. Ушаков, Ю. М. Со-

колов, Ю. В. Готье, Е. А. Косминский, Н. К. Гудзий, Д. Д. Благой... Там ведь на отделении русского языка и литературы готовили из меня профессионального литературоведа. Правда, одновременно (экстерном) я закончил еще и Литературный институт им. Горького.

Библиотечное дело я тоже знал еще с детства. Дед мой в городе Хвалынске Саратовской области работал библиотекарем, мать — библиографом, в Библиотеке имени В. И. Ленина. Так что и с библиотечными карточками я знаком почти с пеленок.

Но чтобы лучше ориентироваться в своей библиотеке, кроме каталога я завел еще специальную общую тетрадь под названием «Библиотека». Здесь у меня по рубрикам, коих великое множество, дана опись всех книг. Вот видите: здесь у меня философская литература, здесь литературоведческая, а вот здесь — по библиотечному делу (видите, кстати, «Альманах библиофила» записан). А на этой странице — редкие книги: Фонвизин. 1788 года. Впрочем, я вам лучше покажу сейчас полку, где хранятся эти редкие издания. Обратите внимание, — Сергей Сергеевич достает два небольших тома Н. В. Гоголя, — «Вечера на хуторе близ Диканьки» — 1832 года — и «Миргород» — 1835 года издания. «Грамматика» Греча 1830 года. «Герой нашего времени» — прижизненное, хотя и второе издание, — 1841 года... Вот Чехов, которого, кстати говоря, купил довольно дешево. «Пестрые рассказы» 1886 года и «Невинные речи» 1887 года... «Вестник Европы» за 1822 год. «Памятная книжка на 1838 год».

Журнал Мейерхольда за 1914—1915 годы, назывался очень изысканно: «Любовь к трем апельсинам. Журнал доктора Дапертутто». У меня собраны все экземпляры — ровно столько Мейерхольд и успел выпустить.

Есть прижизненный Маяковский. Вот видите — «Облако в штанах». Сейчас в Москве можно найти всего несколько таких книг. Ведь издана была поэма тиражом в двести экземпляров. Досталась мне от Крученых. А вот второе издание. Видите, на обложке написано: «Издание без цензуры». 17-го года. А это — «Человек». «Во весь голос», издано через год после гибели поэта.

Посмотрите, любопытная книжка, хотя и не относится к изящной словесности. Э, какое длинное название: «Описание примечательных кораблекрушений, в разные времена случавшихся. Сочинение господина Дункса. С англ.

лийского перевел и пополнил примечаниями в пользу Российских Мореплавателей флота капитан-командор Головин. В трех частях. 1822 год».

Была у меня и четвертая часть, в которой Головин описал российские кораблекрушения. (Эту часть я подарил своему школьному товарищу, вышедшему в адмиралы.) Интересно, что когда Головин только переводил книгу, его приветствовали, но когда он сам начал описывать кораблекрушения, то у него начались неприятности по службе, ибо он «задел» заинтересованных лиц.

— *Сергей Сергеевич! Вы много путешествовали, бывали в Колымском крае, объездили Курильские острова, Сахалин, Чукотку и Камчатку, посетили европейские страны, а также Египет, Судан... Интересно, что за необычные карты висят у вас над столом? Я что-то таких никогда не видел...*

— Это подлинные карты XVII века. Видите, здесь изображены Южная и Центральная Америка... Малые Антильские острова... Впрочем, давайте перейдем в другую комнату, я вам покажу еще свои старинные путеводители. Видите, сколько их у меня скопилось! Ну, вот, скажем, путеводитель по Волге 1912 года. Примерно года два-три назад я был на Волге, и, вы знаете, все, буквально все переменялось... Ах, я и забыл вам показать, — Сергей Сергеевич приглашает меня вернуться в комнату с «самыми дорогими для владельца полками книг», — я забыл вам показать рукописную книгу.

— Старообрядческая, — говорит он, раскрывая книгу, — называется «Соловецкое сидение». Летом 1668 года за отказ принять «новоисправленные богослужебные книги» царь Алексей Михайлович приказал осадить Соловецкий монастырь. Началась борьба монахов со стрельцами. Монах Феофист осенью 1675 года указал царскому воеводе Мещеринову тайный вход в монастырь. 22 января 1676 года отряд стрельцов проник в монастырь и открыл крепостные ворота. Почти все защитники погибли или были казнены.

— А вот, — усмехается Наровчатов, — нарисованный на Никоне змий символизирует, что в него вселился дьявол и что этого дьявола увидели в нем другие... Есть здесь и вирши. В конце книги. Рукописная книга — удивительное явление. Таковую книгу не то что читать, держать ее в руках великое удовольствие.

— Сергей Сергеевич! Если попытаться сформулировать, что вам дают старинные книги? Ну, хотя бы прижизненные издания классиков?

— Это трудно передаваемое ощущение... Понимаете, устанавливается незримая нить между тем временем и вами. Мы листаем книгу, которую, быть может, в руках держал сам автор. Или пусть даже не автор, но человек того времени, а теперь читаете вы... Рождаются удивительные ассоциации...

В одной из своих книг я писал о единственном сборнике стихов Лермонтова, изданном при жизни поэта. «Какой-то особой притягательностью обладают прижизненные издания. Посланцы издалека, они передают нам живую весть о своем времени. Как случилось, что в николаевской России вышел сборник поэта, находившегося в ссылке? Кто первым развернул эту книгу? Кем он был? Говорила ему что-нибудь фамилия на обложке? Наверное, в девяти из десяти случаев это было так».

Именно прижизненный сборник Лермонтова и навел меня на размышления, которые увенчались кандидатской диссертацией. У меня не было под рукой тогда такого сборника, выручил Иван Никанорович Розанов, дал мне его. Я повторяю, именно это издание натолкнуло меня на мысли, которые, вероятно, не возникли бы, если бы у меня был, допустим, современный четырехтомник поэта. Я пытался прежде всего ответить на вопрос, каким принципом руководствовался Лермонтов, отбирая стихи в свой первый и единственный сборник? У Белинского есть слова о том, что поэзия Лермонтова — это «резко изумительное присутствие мысли в художественной форме». Такое же присутствие мысли я почувствовал и в самом расположении стихов. Ни хронологический, ни даже тематический принцип не удовлетворяли его задаче.

Сейчас современные поэты строят свои сборники циклически: цикл стихов о родине, о войне, о любви и т. д. Подобно тому, как есть штампы сюжетные, встречаются штампы композиционные. Но спрашивается: зачем же вносить в поэзию излишнюю систематичность? Зачем соединять стихи в виде сцепления механических конструкций, а не по законам живого организма?

Прекрасный пример того, как надо составлять стихотворные сборники, дает книга Лермонтова. У Лермонтова вслед за «Бородином» — об этом я пишу в своей книге —

идет «Узник», рядом с «Думой» стоит «Русалка», «Журналист, читатель и писатель» предваряет строки «Воздушного корабля». Таким образом, композиционный принцип сборника совершенно иной, чем в наше время.

— Хотелось бы уточнить: прижизненные издания писателей вам больше дают как литературоведу или же как поэту? Наверное, первое предположение вероятнее?

— В известной мере, да. Хотя когда я писал поэму «Василий Буслаев», мне пришлось перерыть много старых книг. И вот передо мной въяве встал Новгород XII века, в котором протекали события моей поэмы. В стихотворных строчках я не идеализировал, а лишь сгустил сведения о нем, почерпнутые из летописей...

— Однако существует мнение, что книги могут иссушить ум поэта, а его поэзию сделать чересчур ученой, книжной.

— Это придумали невежественные люди. Я не верю в то, что книга может «засушить» поэта. Правда, если сам он будет оторван от жизни, если будет вести только комнатно-кабинетное существование, то наверное, действительно засохнет. Но не из-за книг, а потому, что сам от природы беден... Я читал дневники Блока, он был очень начитанный человек, но в поэзии умел сохранить свежесть. А Пушкин!!!

— Стало быть, проблемы: «Как сохранить поэтов от книг, а их поэзию от книжности?» — не существует. Как говорится, что на роду написано, того не миновать. Но нам не миновать другой проблемы: «Как сохранить сами книги?» Конечно, один способ уже изобретен — это личные библиотеки. Но как сберечь от разрушения книги, что находятся в публичных библиотеках? Я приведу вам такой пример. В Исторической библиотеке, в справочном зале, стоит словарь Брокгауза и Ефрона. Словарь прекрасный, не утративший своей ценности и по сей день: не случайно к нему за помощью так часто прибегают посетители. Но еще несколько лет такого активного пользования, и словарь можно будет по талонам обменять на «Королеву Марго». Как же быть? Дежурная по залу чистосердечно призналась, что для сохранения словарь переставили на полки, менее доступные посетителям, т. е. попросту говоря, за спину дежурного... Есть, конечно, более разумный и надежный способ сохранения старых изданий — фототипическое воспроизведение их текста. Я видел довольно

изящно воспроизведенное «Полное собрание русских летописей». Недавно приобрел «Пустозерский сборник», подготовленный Пушкинским домом. В сборнике также фототипическим способом воспроизводятся автографы сочинений Аввакума и Епифания.

— Есть у меня факсимильное издание «Колокола», осуществленное Академией наук СССР к столетию основания этой легендарной газеты. Мне кажется, что «воскрешение» (пока еще не поздно!) старых книг, журналов и газет таким способом обошлось бы не так дорого.

Подобные издания можно было бы выпускать не очень большим тиражом, в основном для библиотек. Конечно, копия есть копия, она уже не вызовет столько поэтических ассоциаций при чтении, как уникальный оригинал, но ведь важно прежде всего содержание книги, текст ее.

На Украине превосходно изданы «Азбука» 1574 года Ивана Федорова, записные книжки и первое издание «Кобзаря» Т. Г. Шевченко, «Лексикон славяно-росский» Памвы Берынды. Все это, конечно, хорошо. Но это отдельные примеры.

Нужно возродить нашу же добрую старую традицию. Еще в 60—70-х годах прошлого столетия у нас умели делать прекрасные копии. Копия знаменитого Архангельского Евангелия изготовлена с таким искусством, что разве лишь специалист может отличить ее от оригинала.

Как возродить? Это, конечно, вопрос непростой. Может быть, нужна специализированная издательская организация, может быть, еще что, трудно сказать. Но учитывая, что десятая пятилетка еще более должна укрепить нашу полиграфическую базу, повысить техническую вооруженность типографий и издательств, можно смело заключить, что объективные условия для конструктивного, практического решения проблемы: «Как сохранить книжные богатства?», есть или, по крайней мере, будут созданы. Нужно только их умело использовать, сосредоточивая свои усилия на главном — первоочередном и наиболее ценном. И факсимильные издания, на мой взгляд, стоят того. Это надежное средство сбережения и сохранения книг. Словом, нужно приложить все усилия к тому, чтобы возродить нашу старую традицию, чтобы книжные реки не мелели, не пересыхали.

Книга
и
жизнь

А. А. Сидоров
чл.-кор. АН СССР

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ КНИГОВЕДА

Между такими близкими, в сущности, словами нашего богатого оттенками языка, как *библиофил* — *книголюб* (абсолютный перевод с греческого на русский), *библиофилия*, *библиофильство*, *книго-любие*, *дружба с книгой*, *любовь к книгам* — есть все же разница. Есть страстное и прекрасное собирательство книг. Есть «библиомания», болезнь книго-жадности, книго-скупости, книго-тщеславности. Но есть и великое благородное *служение* книжному делу, уважение, жизнь, отданная изучению книг. Здесь, на немногих страницах говоря об этих общих проблемах, невозможно обойти и свой собственный опыт.

«Воспоминание, — писал Пушкин Дельвигу, — «самая сильная способность души нашей и им очаровано все, что ему подвластно»...

* * *

Автора этих строк не столь давно спрашивали, какие «первые книги» определили его книголюбие и предначертали его ученую специальность в дальнейшем. Рос автор в обстановке второстепенной усадьбы теперешней Сумщины, чудесного края, где степь встречала и побеждала все более редкие леса. Воспитывался теткою, последнею в роду давних (еще с XVIII века) выходцев из Грузии на Украину. Была хорошая библиотека. Не «детские», а две очень взрослые и прекрасные книги оставили навсегда отпечаток в памяти, в сердце, в сознании. «Дон-Кихот» с иллюстрациями Доре, в русском, полном издании, которое мальчик перелистывал, любя иные и подлинно боясь

других гравюр, а текста сплошь не читая. Второе книжное событие — два тома Лермонтова издания 1891 г. с иллюстрациями малопонятного еще, но увлекательного Врубеля и более доступными детскому глазу рисунками В. Васнецова, Л. Пастернака и других. Сейчас автору ясно, что его любовь, уважение, пристрастие к книге иллюстрированной, где писатель, поэт и художник — рядом, слиты в единстве воздействия на читателя, — жило в нем всю жизнь, с самого раннего детства...

Годы Первой русской революции — для подростка, уже знающего, что происходит нечто исторически важное, годы складывавшихся убеждений и чувств, первых встреч с лозунгами, зовущими к борьбе, с песнями Революции, с брошюрами, передаваемыми из рук в руки, с самодельными фотооткрытками, — годы героизма и жертвенности. Где искать ответы? Либерально-интеллигентное окружение семьи тети, переехавшей в Москву, приглашения товарищей в «социалистические кружки» (чуть позднее) — и сведения, что есть *библиотеки*, в первую очередь публичная, доступная для всех, в том числе и для гимназистов, «главная», всеобщая, знаменитая. Ее называли тогда Румянцевской.

Любовь к книге, и прежде всего к необъятной области «художественной литературы», родилась во мне с детских лет. Но *потребность знания*, даваемого книгами, воспитывалась — Библиотекой. «Страсть к собирательству», к тому, чтобы иметь книгу-учителя, книгу-друга у себя, рядом с собою всегда, — была для пишущего эти строки третьей, следующей (или высшей?) ступенью все того же комплекса чувств, *книго-любви*.

Много лет спустя, благодаря любезности крупного книговеда, научной сотрудницы старейшей в стране Публичной (петербургской) библиотеки¹, автор этих строк ознакомился с подлинным гимном во славу *библиотек*, принадлежавшим перу обаятельного человека, известного переводчика и поэта М. Л. Лозинского (цитирую с некоторыми сокращениями):

«...Священны книги, ибо в них запечатлена память человечества, и только они хранят неповторимые молнии мысли. Тем, кто среди неверных земных пространств со-

¹ Автор имеет в виду О. Б. Враскую, ст. науч. сотрудника ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, принося ей глубокую благодарность за разрешение использовать цитируемый далее текст.

зидали хранилища для письмен, тем, кто собирал их, изучал и берег, как достойнейшее из всего, что есть на нашей планете — вечная слава и вечная честь... Здесь бережется память человеческого рода... Великие библиотеки уже не принадлежат одному веку, одному народу. Это духовные вершины всех стран и всех эпох, это маяки, которые наша Земля зажгла для других миров, о ней они свидетельствуют перед вечностью...»

Такие высокие слова в голову не приходили гимназисту годов Первой русской революции. Но доступ в Московскую публичную Румянцевскую библиотеку на улице Знаменка (теперь Фрунзе) в прекрасный старинный «Пашков дом», известный всем в Москве, — был разрешен. И по вечерам автор этих строк ходил туда — изучать историю великой французской революции конца XVIII века.

Скромный вход, вестибюль, читальный зал, полутемный, уютный и таинственный, длинные столы и зеленые лампы. При входе — почти никаких затруднений, очереди только днем, вечером легко. Второй этаж, получая заказанные книги от приветливого серьезного человека за загородкой. Я читал толстые тома «Истории Французской революции» Мишле и Тьера...

Как-то я спросил доброжелательно молчаливого служителя читального зала: «Как зовут вашего заведующего?» — «Он Яков Герасимович, фамилия Квасков. Я еще хорошо помню Николая Федоровича...» Я потом узнал, что речь шла о подлинном подвижнике книги, недавно умершем Н. Ф. Федорове, известном своей дружбой и столкновениями с Л. Н. Толстым. О Н. Ф. Федорове ходили легенды и хранилась память как об «удивительном, добродетельном» человеке, отдавшем Библиотеке, Книгам всю свою жизнь...

Любовь к книге как служение людям была для меня следующей и внушающей преклонение ступенью *книголюбия*. Слова «книголюбие», «библиофилия» пятнадцатилетний гимназист стал понимать как синоним помощи, самоотверженной работы в первую очередь библиотекаря: работника, знатока, необходимого посредника между книгами, притаившимися в таинственных лабиринтах хранилищ, и читателями, людьми, тянувшимися к затаенному содержанию книг. Но — как определить «содержание»? И мне указывали на каталоги. Карточками поль-

зоваться было непривычно и трудно. Но были и печатные труды. Перед юношей вставляли книги о книгах. Описания изданий. Справочники. Указатели. Рекомендатели чтения.

Все русские люди с великой благодарностью вспоминают имя Н. А. Рубакина...

Но книги бывают разные! В Румянцевской библиотеке в читальный зал выдавались книги только научные или учебные. А потребность, родившаяся еще раньше, в поэзии, в художественной литературе, непреодолимая жажда чтения беллетристики, романов, повестей, рассказов, необходимость знать классиков и еще более сильная — знать книги современников... Все это Румянцевская библиотека удовлетворить полностью не могла. В Москве существовали частные библиотеки для чтения, абонементы за невысокую плату. Помнится «Новая библиотека» на углу Арбатской площади и Воздвиженки, ныне неузнаваемого проспекта Калинина. Еще дальше — более крупная и старая библиотека Дерягиной (кажется). Оттуда мальчиком еще я брал и приключенческие книги (кто не любил Ж. Верна и А. Дюма?). Еще раньше в семье моей тети для меня стали выписывать «Природу и люди» издания П. П. Сойкина, в приложении к журналу были тонкие — но такие завлекательные! — фантастичные романы Райдера Хаггарда. Дешевые издания с неважными иллюстрациями, но полные действия и тайн.

А жизнь! Первая русская революция, первые общения со старшими товарищами, социалистические брошюры, увлечение историей революции и стремление к участию в событиях, происходящих на глазах. Баррикады 1905 года не изгладятся из памяти навеки. И везде — печатное слово, газета, журнал, книга.

«Происхождение» или «зарождение» книголюбия-библиофилии — всегда сложно. Все сплетается в один узел. Не может ни один человек жить вне событий, интересов окружающей среды, не в силах не желать знания о том, что есть, что было, что будет.

Чтение — особого вида получение информации. Не пассивное восприятие, а творческий процесс! Учились мы все читать даже газетные сообщения «между строк», чувствовать подтекст и у классиков и у любимого нами всеми Чехова и в поэзии кумиров моей юности — Валерия Брюсова и Александра Блока! Понимать скрытую ин-

формацию, искать в любой книге ее тенденцию, порой явно острую, порой замаскированную — всему этому учила нас жизнь.

...Я попросил однажды заведующего читальным залом достать «Историю германской социал-демократии» Ф. Меринга, о которой нам говорили в одном из упомянутых кружков (в них бывали В. Маяковский и И. Эренбург). «Не выдается», — получил я ответ от вполне благожелательного Я. Г. Кваскова. — «Почему?» — «Запрещено». Пожатие плеч. И потребность достать книгу несмотря на «нелзя».

Все это — «преддверие», исток. Быть может начальное, самое первичное книголюбие как любовь к чтению перерождается, становится активным «библиофильством» тогда, когда «читательство» превращается в великую потребность достать, приобрести, иметь *при себе* нужную книгу. Так достал я на первые заработанные репетиторством деньги «Историю французской революции» Минье. Так стал искать и находить брошюры о деятелях той же революционной Франции, издания «Донской речи», и наконец Меринга и Бебеля. Первое знакомство с марксизмом с одной стороны, а с другой — влечение к современной поэзии. Противоречие? И да, и нет. Одним из самых сильных впечатлений моей гимназической юности были стихотворения В. Я. Брюсова «Каменщик» и «Кинжал»: «Поэт всегда с людьми, когда шумит гроза»... Желание иметь книги, которые можно читать и перечитывать всякий час, не только в библиотеке, куда их надо отдавать, — становилось непреодолимым: иметь книги-спутницы на всю жизнь. Начиналось собирание личной библиотеки.

В этом плане «библиофильство» — *культурная потребность*. Собирание как творческий подбор книг для чтения, для знания-информации, но и для «духовного подъема», для высокого наслаждения! «У книги — два крыла», — напишет автор этих строк через много десятилетий, в старости... Коллекционирование — это и благородное стремление найти, сберечь любую культурную ценность (картину, рисунок старого мастера, фарфор, почтовую марку, а в первую очередь — книгу), сберечь ее от случайностей пропажи, порчи, капризов «рынка», — оставив ее у себя для личного общения и любовного изучения, чтобы потом передать ее другим: государству, народу, тому или иному культурному центру, родному го-

роду или специалисту, много лет изучающему ту отрасль, к которой относится это произведение искусства или книга... Коллекционирование — это и радость находки, и высокое наслаждение постоянного общения с тем, что любишь, но и долг — охраны, сохранения и конечного дара людям!

Все эти мысли, естественно, сложились и формулировались значительно позднее. А тогда, в годы после Первой нашей революции, в последние дни гимназии и в университете, личное книголюбие как бы поднялось на вторую степень: после библиотек (перед Румянцевской преклонение сохранялось всю жизнь) наступило время поисков книг по специальным магазинам и особо — по букинистам.

Автор этих строк, если и родился не в Москве, москвичом себя ощущал всегда. Он хорошо помнит книжные магазины дореволюционных лет. Сравнительно «дешевые» на Моховой улице против университета, начиная с самого «интеллигентного» книжного магазина Карбасникова; затем Кузнецкий мост с крупнейшим в Москве книжным магазином Вольфа и с менее посещаемым, но для автора особо притягательным магазином иностранных книг Ланга. Антикварно-букинистическая торговля на Никольской (ныне улице 25 Октября) с центром в дорогом, подлинно «знатном» магазине П. П. Шибанова; и «развалы», где можно было достать случайно все, что угодно; а перед первой мировой войной совершенно «европейского» типа салон любительской иностранной книги Г. Мартинсона в Гранатном переулке... Мое «собирачество» становилось целеустремленным. Я собирал поэзию и «изящные издания», а специализировавшись в университете на истории искусств, книги по живописи и графике в первую очередь. Том «Ранних рисунков» Обри Бердслея достал в магазине Ланга...

Многое в моей еще не осознаваемой до конца любви к книге, превращенной в организованное коллекционерство библиофила, связано с тем, что начинал я как «поэт». В 1910 г. (я — на первом курсе университета) мы с моим другом по гимназии, гораздо более талантливым, чем я, А. А. Барановым (он принял псевдоним «Дмитрий Рем») отпечатали на свой счет в 100 экземплярах книжку стихов «Тога претекста» (название одежды, какую в Древнем Риме начинали носить юноши, становясь взрослыми). В университете я сблизился с группой талантливых и

интересных товарищей, и через посредство умной и обаятельной однокурсницы (были еще сохранены ненадолго права девушкам посещать университет) — Евгении Николаевны Чеботаревской, вошел в «литературные круги». С ними был связан и мой учитель истории по гимназии, И. Н. Бороздин, в советское время — профессор Воронежского университета. У Бороздиных я встречал М. А. Волошина, Ю. К. Балтрушайтиса. Сам Бороздин сотрудничал в журнале московских символистов «Весы». Поразил меня, еще гимназиста, журнал «Золотое руно», воспроизводивший подлинно «роскошно» произведения Врубеля и художников группы «Мир искусства». Все это «влияло». Я дружил с такими же молодыми любителями поэзии: был организован «Кружок по изучению символизма в искусстве», получивший даже официально утвержденный устав. С. Н. Дурылин, С. П. Бобров, Б. Л. Пастернак, Н. Н. Асеев и я в том числе организовали издательство «Лирика», а шефство над «Кружком» приняло более крупное издательство «Мусагет». Андрей Белый, Л. Л. Эллис (Кобылинский), отчасти очень умный и серьезный Э. К. Метнер, основной редактор-издатель «Мусагета» помнятся мне в университетские мои годы (1909—1913) как старшие друзья.

И в этом сплетении поэзии и размышлений, собирания книг поэтических на разных языках (М. А. Волошин читал нам доклады о новой французской поэзии, а я дерзал переводить Гёте) вновь повернулось новою гранью книголюбие. Библиотека открылась мне по-новому. Одним из сотрудников «Мусагета» был Николай Петрович Киселев, имя которого для пишущего эти строки навсегда останется светлым. Под его глазом я стал любоваться старыми западными книгами в коридорах и витринах Румянцевской библиотеки. Витрины синкунабулами имелись, впрочем, и в читальном зале прекрасной библиотеки университета. Я изучал искусство в «Отделении археологии и истории искусств» Историко-филологического факультета, приобщался к миру старой гравюры, а на многочисленных выставках увлекался графикой «Мира искусства» и Московского товарищества. Любовь к книгам для меня была нерасторжима с любовью к искусству, в первую очередь к графическому. Помню, с каким возмущением подлинным узнал я, что знаменитый ученый, гордость русской науки — и собирательства! — Д. А. Ровинский

«выдирал» из старых книг гравюры, какие он коллекционировал, а изуродованные книги складывал в отдельную комнату своего дома, называя ее «мертвецкой». Книга оставалась для меня всегда в первую очередь книгой для чтения. Но понимал я и Д. В. Ульянинского, когда прочел, как он возвращал известному петербургскому букинисту-антиквару Н. Соловьеву выписанные по почте экземпляры, потому что они не удовлетворяли покупателя-библиофила своею сохранностью.

Самое слово «библиофил» узнал я, как мои сверстники тех лет, по журналу «Русский библиофил», издававшемуся в 1910-х гг. упомянутым Н. В. Соловьевым, после смерти последнего — его вдовой. Но четкого определения «библиофилии» или «библиофильства» там не было. Чертою, определявшей и этот журнал, и «Старые годы», орган историко-художественный, импонировавший нам, было исключительное внимание к старой культуре, в первую очередь русской XVIII и первой половины XIX века. В «Каталогах», справочных изданиях, пользоваться которыми меня научили все в той же Румянцевской библиотеке, в книге В. А. Верецагина, в «Материалах», издаваемых Петербургским «Кружком любителей русских изящных изданий», в самом полном из всех указателей «Русских иллюстрированных изданий» Н. А. Оболянинова учет искомых, описываемых, регистрируемых книг доводился разве только до 1860 г. Последний автор объяснял это тем, что с 1860-х гг. издавалась «Летопись» печатаемых в России книг. Но ни я, ни другие мои сверстники-книголюбы не могли этим быть удовлетворены. Я помнил же «Лермонтова» Кушнеревского издания 1891 г., видел же прекрасные издания начала XX века, связанные с «Миром искусства» («Пиковая Дама» с иллюстрациями А. Н. Бенуа!). Во второй половине XIX века становились известными книги с рисунками Н. Н. Каразина, выполненными фотомеханическими способами печати, и книги с гравюрами на дереве по его же композициям, и книги с офортами Павла Соколова («Капитанская дочка»)... А иллюстрированный Башиловым Грибоедов 60-х годов! Или «Мертвые души» в издании А. Ф. Маркса!

Все это хотелось знать, учесть, оценить, зарегистрировать так, как это делали со старопечатными книгами И. Каратаев и А. Родосский — называю только два из славных имен знатоков старопечатной книги! Для библио-

фила-собиранателя становилась необходимою библиография, имевшая многосотлетнюю давность наука книгоописания. При Московском университете в начале XX века возникло Русское библиографическое общество. Еще студентом, познакомившись по университетской библиотеке с ее главным «хозяином», приветливым и осторожным А. И. Калишевским, я получил право посещать заседания общества этого. Честно признаюсь теперь, что они тогда меня не увлекали, как и проповеди «десятичной классификации» Отле, проводником которой был у нас обаятельный Б. С. Боднарский, ставший позднее моим старшим другом. Его, как и Н. П. Киселева, я считаю своими «крестными отцами». Очень разные во многом, подлинными книголюбями и учеными были оба. Но ни «западник» Н. П. Киселев, инкунабуловед, ознакомивший меня с немецкими учеными трудами своего учителя К. Хеблера и со «Знаниями, необходимыми для библиофила» старого Брюме, ни «Библиография библиографий» Б. С. Боднарского не могли полностью удовлетворить моей жадной заинтересованности новой, рождающейся на глазах книгой, изданиями «текущего момента». И Н. П. Киселев, и Б. С. Боднарский увлекали меня к исторической науке о книге, а к общему «книговедению» призывал его пропагандист и методолог, третий из старших моих друзей по книге Н. М. Лисовский. Он первый добился от университета права в качестве «приват-доцента» вести там по «книговедению» специальный курс.

Истоки советского книголюбия, библиофилии, библиофильства были многообразны.

Именно из-за этой их пестроты, взаимной противоречивости изучение раннего этапа советской библиофилии и трудно и интересно. Какой была активная любовь к книге в дореволюционное смутное время?

Если, как писал автор этой статьи,—

Книголюбь — и книгонаслажденье
И радостно-серьезный книго-труд,
Книго-работа, книго-изученье,—

— то эти все стороны книголюбия относятся в первую очередь к библиофилам-библиотекарям, какими были Н. П. Киселев, в Ленинграде — И. А. Бычков, а впоследствии многие подлинные герои, «подвижники», ученые, библиографы и каталогизаторы общественно-государст-

венных крупных книгохранилищ. Н. П. Киселев в ответ на мой вопрос, какую из редкостных книг Румянцевской библиотеки он больше всего ценит, — вынул из витрины том XVI века в чудесном переплете его первого владельца Жана Гролье со знаменитой надписью, вытисненной на коже, — «Гролиерии эт амикорум»: «Книга Гролье и его друзей». Пример бескорыстия библиофилии. Книга воспринималась не как «личностная» собственность, наслаждение ею было открыто друзьям. Ее можно было любовно держать в руках. Хранить с величайшею бережностью было бескорыстным долгом библиотекаря. Но тут же и «книго-труд»: забота о сохранности бесценного уникального экземпляра старой печати, и ее изучение — ее содержания, особенностей, ее точное описание.

Далеко не все книжные каталоги и труды о книгах того времени удовлетворяли нашу пытливость. Автор этих строк рано пришел к убеждению, что *в книге всё важно*. И переплет, и бумага, на которой напечатана книга, и шрифт, каким была она набрана, и все приемы ее построения (теперь сказали бы «структуры», о «конструкции» или «оформлении» заговорили потом), распределение ее текста по главам содержания и по страницам издания, ее «убранство» или декор («орнаментика») и, естественно, ее иллюстрации. Это учитывалось далеко не во всех «книгах о книге» тех времен. «Каталог инкунабулов» Румянцевского музея был Н. П. Киселевым составлен точно, педантично, скупое, «серое» — как сказали бы теперь — для справок только. В книгах о старой печати не было иллюстраций, не учитывалась техника и начертание шрифта, указывалось лишь общее наименование: устав, полуустав; его «калибр» (по-типографски «кегель») измерялся по высоте 10 строк. На заставки, концовки и гравюры обращалось внимание «в общем». Не анализировались пропорции наборных полос («зеркала» печати на странице) и полей. Изучение рукописных книг было четко отграничено от учета книг печатных, не менее жесткая граница проводилась между книгой старославянского и гражданского шрифта. Иллюстрации изучались отдельно от книги как целостного организма.

Лучшая из частных библиотек в Москве — Д. В. Ульяновского — единственная оставила образцово изданный каталог, тщательно выполненный, напечатанный тиражом 300 с лишним экземпляров. И была библиотека эта «про-

стым смертным» недоступна, как и большинство описанных в труде У. Г. Иваска (порою «понаслышке») старых частных библиотек русских. Владельцы их были разобщены. Только по устным рассказам знали мы в Москве о замечательной библиотеке запрещенных царской цензурой книг у Л. И. Жевержеева в Петербурге... А потребности в объединении росли.

Книги, издаваемые в условиях новой технологии печати, распространения цветной репродукции, резко меняли свой облик, настолько, что издатель «Сирина» (Терещенко — «сахарный король»), выпускавший сочинения символистов, принципиально отказывался от участия в книге художников: «Витрина книжного магазина — не выставка пестрых картинок», — передавались его слова. Строго, аскетически, без малейшего внимания к «убранству» издавались знаменитые сборники «Знания» с произведениями М. Горького; контрастом были «Полные собрания сочинений» классиков в издании Брокгауза-Ефрона, в тяжелых переплетах с преизобилием иллюстраций, не выполненных специально для данного издания, а взятых отовсюду — с картин художников различных направлений на темы Шекспира, Шиллера или Пушкина. И во всем этом наше — мое! — книголюбие было обязано, чувствовало себя призванным разобраться. «Библиофилия», библиография, художественная критика сплетались воедино, рождалось новое «книгоизучение», и книголюбие должно было перерасти в иное, сознательное собирательство, в принципиальное «библиофильство».

И было это одновременно и сложнее и проще, чем это здесь изложено по воспоминаниям более чем 60-летней давности...

В начале 1910-х гг. в печати появляются статьи и материалы, определившие во многом мои собственные взгляды на книгу как на *искусство*. В систему взгляды эти складывались потом в течение ряда лет, эволюционировали, жили, живут и развиваются донине. Здесь надо указать более точно на истоки — (нашего!) *искусствоведения книги*. Или *Искусства книги*. Или *Книжного искусства*. Название неважно. Нужны ли «научные» обязательные объяснения или формулировки тех предметов или явлений, которые всем ясны сами по себе? Об этом давно уже спрашивал Блез Паскаль. Но вышло так, что за «Искусство книги» пришлось — бороться. О науке о книге, о ее пре-

делах и природе можно продолжать споры и донныне без конца...

В дореволюционном киевском журнале «Искусство и печатное дело» (хороший журнал менял свое заглавие и просуществовал недолго) опубликована была статья А. Н. Бенуа о «Задачах графики». Я ознакомился с нею позднее, как и с самим журналом «Мир искусства», последний рано кончился (в 1904 г.); складывались мои художественно-критические взгляды скорее под воздействием практики мастеров графики на выставках и в книгах, теоретически — на искусствоведческой иностранной литературе. Я стал «бердслеянцем», а свою статью «В защиту книги» — по предложению Н. П. Киселева — опубликовал в 1913 г. на страницах мало кем читаемого небольшого журнала «Труды и дни». В 1912 г. поднята была в двух статьях проблема книжной иллюстрации, одна из важнейших для всей библиофилии. В предисловии к опубликованной издательством «Пантеон» «Саломее» О. Уайльда с иллюстрациями О. Бердслея авторитетный критик журнала «Аполлон» и всего «пост-символистского» модерна, С. К. Маковский безапелляционно объявил, что цель иллюстрации одна: «украсить книгу». Это противоречило упомянутой статье А. Бенуа; в немногих строчках Бенуа говорил об «искусстве книги» так, как это было принято в Германии (термин «Бухкунст» — заглавие вышедшей в то время небольшой книги Поппенберга — стал для меня лозунгом и предметом детальной разработки). Книга для меня стала и осталась *Единством*. Иллюстрация — только часть этого единства. В книге подлинный Библиофил, друг книги, изучатель ее, должен обращать внимание на все ее стороны, видеть их органическое слияние, оценивать книгу в ее целостности.

Киевская статья Бенуа прошла как бы незамеченной. Интерес к иллюстрации, слитый с любовью к самостоятельной (потом стали говорить «станковой») графике лег в основу статьи друга моих юношеских лет Сергея Боброва, одного из самых парадоксальных поэтов-художников «экстремистов», каких я встречал, прежде чем окончательно уйти из рядов литературных в орбиту истории искусств изобразительных, в музеи. Не выступление С. Боброва на Всероссийском съезде художников, где он прославлял «пуризм» Гогена и объявлял Врубеля «отсталым», — а его послесловие к собственной книге стихов

«Вертоградари над лозами» здесь надо вспомнить, как сделала О. И. Подобедова в своей не столь давней книге о «Природе книжной иллюстрации». С. П. Бобров выдиргал как образец приложенные к его стихам литографии Н. С. Гончаровой, художницы из группы «Ослиный хвост». Меня же интересовало тогда иное.

В 1912 г. в связи со съездом художников была организована выставка «Искусство в книге и плакате». Ее организатор П. П. Вейнер (один из «золотой молодежи» тогдашнего Петербурга, издатель «Старых годов») выступил на съезде с докладом на эту тему. Высоко оценивались «модернисты», «мирискусники». Но: не напрасно, видел я, назывались выставка и доклад о ней «Искусство в книге», а не «Искусство книги». Киевская статья Бенуа игнорировалась. Конечно, и в «Старых годах», и в «Аполлоне», и в типографии «Сириус», созданной для печати таких органов для немногих, как «Гербовед», знали и ценили хорошую бумагу для книги (был популярен тип «верже») и шрифт — только обязательно старого рисунка, «елизаветинский», «бодони» или «дидо» — XVIII века. Художники (укажем на Г. И. Нарбута) выступали как самые изысканные мастера рисованного заглавного шрифта титульных листов, заставок, обложек. Но и это, и литографии Н. С. Гончаровой к книге С. Боброва оставались чаще «искусством» не книги, а «в» ней, иногда «для» нее, жили на выставках самостоятельной жизнью, оценивались критикой (в том числе и мною самим, признаюсь!) как «графика», не как неотъемлемая часть книжного единства. Для введения в книгу литографии Гончаровой складывались пополам, порою разъединялись посередине белой полосой. Цельно напечатанные в сборнике «Ослиный хвост и Мишень», они производили иное впечатление, нежели в книге Боброва — набранной и скомпанованной вполне «классически». Кубофутуристические («лучизм» не был тогда еще изобретен М. Ф. Ларионовым) литографии Н. Гончаровой несравненно лучше, органичнее сливались в малотиражных изданиях с рисованным, напечатанным полусамостоятельно литографским текстом В. Хлебникова или А. Крученых, в книжках «Мирсконца» (в одном слове — три!) или «Игра в аду»...

Что было *лучше*? Правомернее? Или самостоятельная (хорошая или нет — другой вопрос) изобразительно-иллюстративная продукция художника, *не* вошедшая

в нерасторжимое единство с содержанием, шрифтом, набором, строем книги,— а *приложение* к ней, живущее собственной жизнью и вне книги, воспринимаемое как новое торжество графического искусства? Или *синтетическая* слиянность иллюстрации разного качества и техники, рисуночно-графической или какой-либо иной с текстом издания? В первом случае «искусства в книге» торжествовала формула «*А* плюс (или минус) *Б*», во втором, синтетическом, «*А*, помноженное на *Б*». И возникал вопрос, мог ли *современный* художник начала XX века так слиться в нерасторжимое единство с текстом писателя начала века XIX, чтобы их сближение было действительным искусством книги, созданием «*А*, помноженное на *Б*», синтезом в настоящем смысле термина? Мог ли бы Бенуа «слиться» с Пушкиным? В. В. Стасов отрицал это.

Автору данных строк казалось — мог бы, и образцы такой слиянности видел он в изданиях «тонких», безупречно сделанных изданиях «Басен» И. А. Крылова, выпускаемых высококультурным издательством И. Кнебеля в оформлении, с иллюстрациями и с декором Г. И. Нарбута,— а с другой стороны должен был он признать такую же спаянность художника и поэта в изданиях кубофутуристов...

Но как объединить это все в единое целое системы искусства книги, где нашло бы свое место и стилистическое развитие национального образного языка великого русского искусства? Была в те же годы открыта «русская икона как искусство живописи». На пропавшей для нас выставке русского отдела Международной выставки искусства книги («БУГРА») в Лейпциге в 1914 г. были подобраны прекрасные примеры книжного искусства нашей страны от рукописной книги до современности включая начало XX века. Казалось возможным создать общую картину развития русского книжного дела на примерах его лучших достижений. Сделать это не удалось — тогда.

Таким был ранний этап нашего нового книголюбия, книговедения, библиофильства, как было оно пережито в дореволюционные годы одним из немногих остающихся в живых ныне, в 1970-е годы, его современников. Сложное, противоречивое время до 1917 года не знало такой важной отрасли книжного дела, как политическая, партийная книга. Нелегальная партийная печать жила вне поля внимания той молодой художественно-литератур-

ной интеллигентской среды, в которой находился автор, готовившийся к «профессорскому званию» искусствовед. Не было единства, объединений. Но всеми разделялась жажда «великих перемен». Подлинно новое творческое освоение науки о книге, новое книголюбие были рождены только Великим Октябрем.

Москва

Вс. Рождественский

* * *

В старинных книгах, как в цветенье сада,
Как киноварь, заглавный лист горит.
Заставки, буквы — все для глаз отрада,
И вьется, словно лозы винограда,
Извилистый грузинский алфавит.

Побег плюща и легкий скок газели,
Он томно гибок, как девичий стан,
Он ручейком блуждает в горной щели,
Сроднясь с напевом Шота Руставели
И расплетая пряди, как туман.

А там, на знойных склонах Арарата,
В другой стране, в краю орлиных гнезд,
Где почва камениста и щербата,
Писали книги мудрецы когда-то
О судьбах царств и сочетанье звезд.

Пусть непонятна летопись была мне,
Страны, что солнцем выжжена до дна,
Я полюбил в их начертаньи давнем
Твои, как будто выбитые в камне,
Армения, прямые письма.

УВЛЕЧЕНИЕ СТЕПАНА ЧЕРНЫХ

Мой свердловский знакомый, писатель Юрий Курочкин, еще в конце 1950-х гг. рассказывал мне о нижнетагильском рабочем Степане Яковлевиче Черных, который свое свободное время отдает библиографии и раскрытию псевдонимов. Поначалу мне показалось несколько странным такое увлечение. К этому времени уже вышли три тома «Словаря псевдонимов» И. Ф. Масанова, на составление которых автор потратил более сорока лет... Что можно было добавить к этому поистине титаническому труду, да еще в Нижнем Тагиле, где возможности литературных разысканий ограничены?

Потом фамилия Черных мелькнула в книге В. Осипова «Домашняя библиотека», выпущенной в 1959 г. издательством «Искусство». Осипов писал о тагильском рабочем, собравшем более 1000 книг, среди которых много словарей, справочников, пособий по литературоведению, и называл С. Я. Черных «рабочим-библиографом».

В 1960 г. вышел четвертый, последний том «Словаря псевдонимов». Он содержал новые дополнения к алфавитному указателю псевдонимов. В предисловии я прочитал: «Большое количество дополнений к словарю сообщил, в частности, С. Я. Черных, которому Всесоюзная книжная палата приносит благодарность...» После этого появилось более десятка различных заметок, статей, очерков в местных и центральных изданиях о С. Я. Черных. Порой они содержали невероятные сведения. Уже потом сам С. Я. Черных писал мне об этом: «Один из репортеров утверждал, что мною собрано 50 тысяч псевдонимов, хотя в ту пору у меня их было не более 5 тысяч. Репортер оправдывался, что кто-то подставил ноль в редакции... Второй любитель сенсаций оповещал, что я владею шестью европейскими языками. Третий сообщал, якобы с моих слов, что Владимир Лидин — это псевдоним Ильи Эренбурга... Все это было бы смешно, если бы не злило и не портило настроения...»

И вот наконец мы встретились — Степан Яковлевич в очередном походе за псевдонимами приехал в Москву и появился у меня... Он прежде всего знакомится с моей библиотекой. По тому, как он берет книгу в руки, сначала оглаживая ее ладонью, словно лаская, как перелистывает, беря лист не снизу, а сверху, осторожно отделяя от другого, я вижу в нем человека любящего и знающего книгу.

Сначала разговор наш шел об общих знакомых, о книжных новинках, о том, как трудно достать нужную книгу, особенно справочник. Потом мы перешли на псевдонимы и их носителей.

Я говорю о давних, забытых теперь псевдонимах моих знакомых писателей. Например, Леонид Мартынов в молодости печатался под псевдонимами Александр Гинч, Эльм, Аттик Тьюро, Захар Жукон, а сельский учитель из Омской области Иван Семенович Коровкин, создатель школьного литературного музея и автор нескольких фольклорных сборников, печатал свои стихи под фамилией Иван Купалов... Говорю и о том, что в «Указателе содержания «Сибирских огней», выпущенном в Новосибирске в 1967 г., — издания превосходного и совершенно необходимым для исследователей советской литературы, — пародии, подписанные псевдонимом Тиль Уленспигель, ошибочно отнесены к писателю Владимиру Вихлянцеву, их настоящий автор — поэт Сергей Марков...

Степан Яковлевич записывает. Почерк у него мелкий, четкие буквы опрокинуты налево. Пишет быстро, убористо...

Невысокий, темноволосый — фамилия Черных! — худощавый, с неулыбчивым серьезным лицом. Взгляд внимательный, настороженный. Черных как бы все время чего-то ожидает, впитывает в себя окружающее, сразу же отсеивая ненужное.

Он напоминает мне двух человек — одного реального, другого — литературного героя: сибирского охотника и лесковского Левшу.

Я встречал в Сибири таких — с виду неприметен, на слова скуп, а зорок необыкновенно, все видит... Степан Яковлевич в своей неутомимой страсти раскрыть тайну имени-маски напомнил мне такого таежного следопыта: когда идет по следу, не укроется от него ни шшевеленный лист, ни шерстинка зверя на коре дерева... А Левшу напоминает умение держаться с достоинством в любой обстановке, взвешенное слово, скупой и точный жест — черты русского мастерового, мастерового в лучшем смысле этого понятия, сноровистого, талантливого человека, что называется, соль земли.

Нижний Тагил издавна славился талантливыми мастеровыми. Среди них широко известны создатели первого паровоза Ефим и Мирон Черепановы, гидротехник Климентий Ушков, изобретатель «самобеглой коляски» — велосипеда Ефим Артамонов, создатель листопркатной машины Федор Шептаев и многие другие. Славу тагильских умельцев умножили в наше время рабочие заводов и предприятий Нижнего Тагила. Степан Яковлевич Черных — слесарь-наладчик вентиляционных систем Нижнетагильского металлургического комбината имени В. И. Ленина — из той же породы...

Голос у Степана Яковлевича тихий, рассказывая о себе, он не выделяет какие-либо выгодные для него эпизоды, случаи жизни... Нет, жизнь шла ровно, ничего особенного не происходило, работал, воевал, много читал, накапливал знания...

Степан Яковлевич сибирских корней, о чем, кстати, говорит и его фамилия с характерным для Зауралья окончанием. Родился он в конце декабря 1921 г. в деревне Попатовой, Алапаевского района, что стоит на восток от главного Уральского хребта. Рос в большой крестьянской семье с крепкими устоями, сохранившимися еще со времен пращура, ермаковского дружинника Леонтия, первопоселенца деревни. Детство прошло в сельском труде, юность началась на заводе, а кончилась на полях Великой Отечественной войны. Черных воевал под Мурманском, в Карелии, на Дону, под Одессой, в лесах Белоруссии, на берегах Вислы, форсировал Днепр, штурмовал прусские твердыни. Всю войну прошел солдатом и младшим командиром в пехоте, артиллерии, войсках связи. Несколько раз ранен, награжден. Тяжелый ратный труд кончился для Черных в марте 1945 г. под Кенигсбергом, после ранения, сделавшего его инвалидом.

Здесь-то и проявился его характер — он не выбрал легкого пути, хотя имел на это право, а пошел работать на завод. Болело разбитое плечо, мучительны были последствия контузии, но Степан Яковлевич не сдавался, продолжал лечить себя трудом, не давал себе поблажки, как бы трудно ни приходилось. Он вышел победителем — инвалидность была снята врачебной комиссией... В эти же годы он кончил вечернюю десятилетку. Ну, а потом, — без особых подробностей говорит Черных, — занялся расшифровкой псевдонимов, увлекся этим. Сейчас собрано и расшифровано более 20 тысяч псевдонимов, не вошедших в масановский четырехтомник...

Беру с полки том «Словаря псевдонимов» и прикидываю — получается, что тагильский умелец собрал дополнительно пятый том! И это не прерывая работы на заводе, урывая часы от сна и отдыха, отказываясь от развлечений, проводя отпуск в тиши библиотек и архивов Москвы, Ленинграда, Свердловска, Воронежа... Поистине подвижник! Подвижник по Далю — «человек, славный великими делами на каком-либо поприще; доблестный деятель». Именно таков мой собеседник...

Уже по-новому мне видится Степан Яковлевич, после многих испытаний не утративший главного — веры в свои силы и в необходимость жить не только для себя, но и для людей... Какую же огромную нагрузку взвалил на свои не слишком широкие плечи тагильский мастеровой! Как же трудно было ему идти по выбранной дороге, на которой нельзя быть дилетантом, любителем, а нужно быть мастером, знатоком истории, литературы, печати, обладать незаурядной цепкостью памяти, уметь мыслить ассоциативно, связывая воедино, казалось, несоединимое, наводя прочные мостики между вымышленным именем и подлинной фамилией...

В тот день мы расстались поздно. Потом Степан Яковлевич заходил ко мне еще, мы подолгу беседовали, я вспоминал все известное мне о псевдонимах, а гость записывал, знакомился с книгами моей библиотеки и каждый раз уходил довольным — удалось обнаружить новые, нераскрытые еще псевдонимы... Он говорил, прощаясь со мной перед отъездом в Нижний Тагил, что поездка была удачной, в московских библиотеках и у знакомых удалось собрать богатый «урожай» псевдонимов. Шутливый девиз — «Ни дня без псевдонима!» — был не только выполнен, но и переполнен...

В беседах со Степаном Яковлевичем, затем в переписке с ним мне еще раз раскрылось великое значение книги в судьбе человека... Много есть примеров того, как книги, прочитанные в детстве, заронили семена будущей деятельности человека. Однако влияние книги нельзя понимать прямолинейно. Воздействие книги, чаще всего художественной, многообразно, образы и мысли книги незримо, исподволь ведут свою сложную работу в юных душах и сердцах, влияние их может проявиться неожиданно, не обязательно сразу и не обязательно только в одном направлении... Так было и у С. Я. Черных.

Зауральская деревня всегда славилась книгочеями, было в ней немало книг, разных, от старинных до современных, от сочинений писателей до журнальных комплектов. Ну, а после революционных лет тяга к чтению стала еще больше, этому способствовали и первые избы-читальни... Черных научился читать рано, еще до школы, от матери, и сразу же сделался, как он сам говорит, «запойным читателем». Читал он все, что попадало под руку, обегал все дома в деревне в поисках книг. Узнавал в романах Мамина-Сибиряка родные места, плакал над страданиями французского новобранца, читая Эркмана-Шатриана... Вскоре у любознательного мальчика появился умный наставник в чтении. Это был, — рассказывает

сам С. Я. Черных, «двоеюродный, или, как у нас говорили, сродный брат моей матери Степан Андреевич Рудаков, скромный деревенский избач, безнадежно больной чахоткой. Сказки Пушкина и «Конька-Горбунка» я прочитал благодаря Степану Андреевичу. «Вот подрастешь,— говорил он,— достану тебе читать Жюль Верна!..» Я рос медленно, а болезнь дяди Степы стремительно прогрессировала и мокрой осенью свела его в могилу. Это был первый человек, перед познаниями которого я благоговел и до сей поры которого вспоминаю с благодарностью...» Свои чувства С. Я. Черных выразил в стихах, посвященных памяти своего первого книжного наставника. В них есть такие строки:

Мой друг избач — его чахотка съела.
Давным-давно его на свете нет...
В душе моей, пленив ее умело,
Оставил он неизгладимый след.
И, если жить без книги не умею,
То этим только долг ему плачу...
За все, что стало радостью моею,
Я первому обязан избачу!..

«Учиться мне много не пришлось,— говорит С. Я. Черных.— Очно учиться в вузе сразу после войны я не мог, а заочных отделений в ту пору было мало. Оставалось самообразование, чем я и занимался. А это значило — читать, читать, выписывать, конспектировать, запоминать. Такая учеба, хотя и была бессистемной, не проходила даром, давала плоды...»

Как многие из самоучек, С. Я. Черных порой «изобретал велосипед». Он вспоминает, что, читая много и беспорядочно, он пришел к выводу, что нужно как-то систематизировать круг знаний, заключенный в книгах, и, не имея представления о библиографии, решил составить список советской художественной литературы начиная с 1917 г. Сотни карточек он переписывает из каталога городской библиотеки, систематизирует их в домашнем каталоге... Но тут он добрался до работ Н. И. Мацуева и И. В. Владиславлева и понял, что систематизация советской художественной литературы уже выполнена и без него... Тогда он решает составить библиографию советской поэзии, но и здесь сталкивается с работами Ан. Тарасенкова. Словом, библиографа из Черных не получилось, но работа по систематизации русской литературы и поэзии ему дала много, память сохранила сотни и сотни имен, названий произведений, что помогло ему, когда он взялся за псевдонимы.

Многолетняя работа С. Я. Черных над дополнительным словарем расшифрованных псевдонимов не должна пропасть даром. Сделанное тагильским слесарем представляет огромную культурную ценность, незаменимый справочный материал для историков, литературоведов, писателей. Мы надеемся, что выйдет в свет и пятый, дополнительный том «Словаря псевдонимов», автором которого будет С. Я. Черных...

Ну, а как занимается С. Я. Черных расшифровкой псевдонимов, как он начал это сложное и нелегкое дело, рассказывает он сам в небольшом очерке «Зуагзеба и другие», который Степан Яковлевич написал для нашего альманаха.

В. Утков

Москва

ЗУАГЗЕБА И ДРУГИЕ

Жил когда-то литератор, о котором сейчас едва ли кто помнит. В меру своих способностей писал пьески, статьи и театральные рецензии. А подписывался иногда таинственно и звучно: Зуагзеба. Псевдоним интриговал, и не ахти какие содержательные заметки Зуагзебы, должно быть, обязательно прочитывались, в чем не мог быть уверен другой автор с простецкой подписью.

Секрета в этом нет: обычных фамилий тысячи, и они не возбуждают интереса, а редкий Зуагзеба, как яркое пятно на сером фоне, сразу бросается в глаза. В этом психологическое, что ли, отличие многих псевдонимов от рядовых авторских фамилий. Эту особенность в первую очередь улавливают те, кто собирает и исследует псевдонимы.

Зуагзеба почему-то не отражен в «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова, вероятно, не встретился ему. Но через 60 лет после своего возникновения попался на глаза другому собирателю, при близком рассмотрении был вывернут наизнанку и тут же потерял таинственный покров. Изнанка оказалась лицевой стороной и Зуагзеба был водворен на положенное ему место в алфавитном каталоге раскрытых псевдонимов.

Это и будет моим ответом всем, кто спрашивает, как мне удастся раскрывать псевдонимы. Наряду с собиранием уже готовых, расшифрованных, я подвергаю исследованию многие нераскрытые, и зачастую удастся назвать настоящее имя автора.

Сложное занятие? Да. Потому что даже расшифрованный псевдоним, зафиксированный в какой-нибудь

библиографии, не всегда можно безоговорочно принять на веру.

В библиографических изданиях нет-нет да и попадется такой «ляп», что диву даешься. Например, в авторитетном библиографическом справочнике напечатано, что за подписью «Москвич» в «Музыкальном и театральном вестнике» за 1856 г. выступал В. С. Баскин. Позвольте, возможно ли это? Ведь музыкальному критику Владимиру Сергеевичу Баскину в то время не было и года от роду. В словаре Масанова и других справочных изданиях сказано, что он родился 15 июня 1855 г. Просматриваешь другой библиографический труд и наталкиваешься на новую несуразность: распространенный криптоним «М. А.» в популярном издании отождествляется с именем известного фольклориста, умершего за два года до этого. Или автором статьи в театральном журнале назван писатель, который в момент публикации статьи еще бегал в коротких штанишках. Составителей сбил с толку схожий псевдоним «С. Львов».

Из этого видно, насколько осторожен и осмотрителен должен быть библиограф при определении авторства, чтобы не сотворить ошибку, которая потом начнет кочевать по печатным страницам. Я стараюсь узнать о предполагаемом авторе все, что возможно: когда начал литературную деятельность, в каких изданиях сотрудничал, какие вопросы освещал... Полную ясность могли бы внести только редакционные разметки и гонорарные ведомости, но таких документов от давно прошедших лет сохранилось очень мало. Для меня такой давностью являются годы моего раннего детства — первое послеоктябрьское десятилетие, на которое я делаю упор в своих поисках.

Меня спрашивают, чем объяснить мою азартную охоту за псевдонимами. На это я не могу ответить исчерпывающе даже самому себе. Книголюб и книгочей с шестилетнего возраста, очевидно, я должен был чем-то расплатиться за хаос знаний, почерпнутых из книг.

Корни этого увлечения уходят далеко. В деревне, где я родился и рос до десяти лет, были в ходу всего четыре фамилии: Мартыновы, Рудаковы, Чечулины и Черных. Последних было большинство. И в соседних деревнях было по две-три, а то и по одной фамилии: Поповы, Немытовы, Татариновы и т. д. Об этом я знал чуть ли не с пеленок. По фамилии безошибочно судили о человеке, из

какой он деревни или где родился. В каждой деревне было несколько полных тезок. В нашей школе учительница могла обратиться к первокласснику: «Степан Яковлевич, иди к доске!» Никого это не удивляло, так как в классе был еще один Степка с той же фамилией, но с другим отчеством. Всякий заезжий человек с незнакомой фамилией возбуждал во мне любопытство, казался пришельцем из другого мира, таинственным, непонятным. Я бесцеремонно спрашивал приезжего, почему у него такая фамилия.

Когда мои родители переехали в районный город Алапаевск, мне шел одиннадцатый год. С удовольствием разгуливал я по улицам города и читал приколотые на воротах и торцах угловых бревен жестяные указатели с номером дома и фамилией домовладельца. Номера меня не интересовали, а вот фамилии — очень! Особенно необычные, возможно, единственные на весь город, непривычные по звучанию: Пальма, Мужиченко, Винт... Экзотический Пальма вызывал в воображении картины Африки. А Мужиченко приводил в недоумение: как можно иметь такую обидную фамилию? Ведь в деревне у нас, случалось, о ком-нибудь нелестно отзывались так: «Худой мужичёнок!» В то время мне было невдомек, что украинская фамилия Мужиченко к слову «мужик» не имела никакого касания и произносилась без «ё».

Такие «исключения из правил», как Пальма и Мужиченко, застревали в моей цепкой памяти. Еще в начальной школе я любил составлять списки прочитанных книжек и обязательно указывал автора. Фамилии авторов запоминались сразу и на всю жизнь. В конце концов у меня выработалась способность на лету запоминать труднейшие фамилии, географические названия и слова иностранных языков. Чем мудренее название или слово, тем легче оно запоминалось. Поэтому учеба в школе мне давалась легко, кроме, правда, математических дисциплин.

Не эти ли детские игры в ономастику, не эта ли рано развившаяся восприимчивость к звучанию трудных необычных слов и послужила той закваской, на которой выросло увлечение собиранием псевдонимов?

Триста с лишним псевдонимов, посланные мною Ю. И. Масанову и помещенные в дополнениях к 4-му тому «Словаря псевдонимов» И. Ф. Масанова, не были последними. Псевдонимы мне постоянно встречались и после выхода словаря. Я продолжаю их собирать и вот уже много

лет трачу на это занятие свободное от работы время. Изучение ретроспективных библиографий доставляет мне удовольствие, а просмотр старых книг, журналов и газет в поисках неизвестных псевдонимов превратился в ежедневную потребность. В тишине читальных залов заносу на карточки все новые и новые имена, зачастую давным-давно забытые. Для каждого уготовано постоянное место в картотеке псевдонимов, которую один мой приятель прозвал «Ноевым ковчегом» — за разнообразие псевдонимов и лиц, собранных в нем.

Меня спрашивают, как мне удастся установить настоящее лицо, завуалированное псевдонимом. Путей к этому много. Никогда нельзя пренебрегать уже обследованными источниками, где псевдоним дается расшифрованным. Здесь бывают нужны дополнительные сведения, подтверждающие правильность атрибуции. Это могут дать архивные раскопки и свидетельства современников. А если я беру нераскрытый псевдоним, знаю, что это именно псевдоним и в каком издании он употреблен? Что я буду делать? Я постараюсь досконально изучить круг авторов этого издания, устроить «сито», сквозь которое «высыплются» все известные мне авторы с настоящими фамилиями, останутся же те, чьи имена мне встречаются впервые, в том числе явные и предполагаемые псевдонимы. Начинается кропотливый поиск — кто есть кто? В ход идут справочные издания и каталоги крупных библиотек. Разыскиваю тех, кто может знать что-либо об этих людях и их псевдонимах. Путем добычи таких сведений, анализа сопоставлений, предположений, догадок, текстологического и идейно-тематического анализа круг все сужается, наконец можно уверенно сказать, кто прячется за псевдонимом... Но не всегда, подчеркиваю, не всегда удастся добиться успеха. Порой убеждаешься, что псевдоним вряд ли будет раскрыт когда-нибудь: тончайший камуфляж, хитрейшая подделка под другого автора, и — неудача...

Иногда меня называют коллекционером. Но родственный по духу, по азарту этому вездесущему и неуемному племени, я себя таковым не считаю. Коллекционер чаще всего наперед знает, что ему нужно отыскать, чем пополнить свою коллекцию. Я же никогда не знаю наперед, какие находки меня ожидают, но я всегда в предвкушении неожиданного открытия, за которым может скрываться

забытое событие литературной, общественной или научной жизни...

Работа эта дает мне духовное удовлетворение, ощущение своей полезности, причастности к научному поиску. За 17 лет мною собрано и описано более 20 тысяч псевдонимов. За это же время получена не одна сотня писем — от писателей, журналистов, ученых, артистов, книголюбов и просто любознательных, доброжелательных, знающих людей. Нередко письма ко мне адресуются весьма просто: Нижний Тагил, собирателю псевдонимов С. Я. Черных.

А по профессии я рабочий, 27 лет проработал на Нижне-тагильском металлургическом комбинате — скреперистом, электролафетчиком, слесарем-киповцем, слесарем-наладчиком промвентиляции. Продолжаю трудиться и дальше. Днем отыскиваю недуги вентиляционных систем, а вечером — ищу псевдонимы. В «Ноевом ковчеге» у Зуагзебы почти ежедневно появляются новые соседи.

Нижний Тагил

Ринчен Йонтебу
академик Академии наук МНР

В СТЕПЯХ МОНГОЛИИ

Многонациональная Россия была, как известно, родиной и монголоведения, ныне ставшего уже мировым. В прошлом веке язык и письменность монголов стали предметом научного изучения на университетских кафедрах Казани и Петербурга; появились первые монголо-европейские словари Шмидта, Ковалевского и Голстунского, первые грамматики монгольского языка на русском, первое печатное издание Библии на монгольском, для которого был отлит специальный шрифт по лучшим образцам монгольского печатного шрифта, и т. д.

Русские, западноевропейские, а затем и монгольские ученые в своих путешествиях собрали огромные коллекции монгольских печатных и рукописных книг, свидетельствующие о большом распространении книжного искусства и грамотности среди монголов. Эти собрания хранятся ныне в академических библиотеках не менее пятнадцати стран четырех континентов Старого и Нового Света — Австралии, Азии, Америки и Европы. Еще не все эти колоссальные собрания описаны, и значительная часть их все еще остается вне поля зрения ученых.

Собирались все эти книги совершенно случайно, без определенного плана и любительски при посещении путешественниками монастырских типографий и стойбищ кочевников. Это, конечно, только небольшая доля того огромного количества рукописных и печатных книг, которые хранились в частных и официальных, а также дворцовых ханских и монастырских библиотеках монголов. Но и то, что собрано стараниями русских и других иностранных ученых и хранится за пределами Монголии, говорит о богатой и древней письменной традиции монголов.

Книгопечатание было известно монгольским народам еще в X в.; монгольская литература XIII—XIV вв., по меткому выражению С. А. Козина — одного из советских академиков-монголистов, представляла собой «заметную величину в сокровищнице мировой литературы»; монгольский читатель читал на родном языке сказание «Калила и Димна», переведенное с персидского на монгольский, роман об Александре Македонском, дошедший до нас в отрывках, легенды и сказания древней Индии, которая была малоизвестна тогдашней Европе, классические произведения философской и художественной литературы Китая. А образованный монгол того времени читал на классическом для монголов санскритском и тибетском, а также на китайском, японском, корейском, непальском, персидском и арабском философские, исторические, медицинские, астрономические и художественные произведения. «Сяо-цзин» («Книга о сыновнем почтении») — одна из книг конфуцианского пятикнижия — дошла до нас не только в рукописных списках, но и в печатном монгольском издании начала XIV в. В библиотеках монгольских книголюбов хранились произведения индийских и тибетских авторов, переведенные и напечатанные в монгольских типографиях за век и два до Иоганна Гутенберга, и монгольский читатель на протяжении по меньшей мере шести веков увлекался знаменитой философской поэмой индийского поэта Шантидевы «Бодхичарияватара» — «Путь восхождения к свету». Она дошла до нас в нескольких монгольских переводах, первый из которых был напечатан в 1305 г., а последний — в конце прошлого века.

Советский академик, монголист С. А. Козин в своих работах отмечал огромное значение перевода «Пути восхождения к свету» для монголов, его научной терминологии и лирической тематики, обогатившей некогда монгольский литературный язык. Первым открыл влияние этой санскритской поэмы на многие произведения монгольской поэзии выдающийся монголовед, академик Б. Владимирцов. Известны у нас и переводы индийского эпоса Рамаяны. Если собирание монгольских печатных и рукописных книг уже закончилось в наши дни, то можно сказать, что начался период изучения накопленного.

В 1921 г., спустя несколько месяцев после Народной революции в Северной Монголии, советский ученый с мировым именем и большой друг монгольского народа, инди-

анист-санскритолог и непреременный секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург обратился к руководителям Народной Монголии с письмом, в котором выразил пожелание об организации высшего научного учреждения страны для развития монгольской науки и культуры, служащей народу. Так ученый страны, в которой зародилось монголоведение и которая первой в мире признала право монгольского народа на самостоятельность, подал нам мысль воспользоваться примером советской Академии наук, служащей строительству новой жизни. Совет академика Ольденбурга был принят. В конце 1921 г. правительственным постановлением была учреждена Академия литературы Монгольского Народного государства, создавшая Национальный Архив, Метеорологическую службу и Национальную библиотеку, для которой первый Президент академии Жамьянсайт неумоимо собирал печатные и рукописные книги. На его призыв откликнулись и монгольские книголюбы, дарившие свои фамильные библиотеки и драгоценные манускрипты, написанные золотом, серебром, кораллами и бирюзой, ляпис-лазурью и другими драгоценными минералами, из которых вплоть до 30-х годов нашего столетия мастера-переписчики книг приготавливали «чернила из девяти драгоценностей».

Основной фонд библиотеки, собранный с 1921 по 1930 г. стараниями ученых, поражает своим богатством иноземных знатоков, имевших возможность ознакомиться с огромным собранием печатных и рукописных книг на монгольском, маньчжурском, тибетском, санскритском и китайском языках. И все же эта Национальная библиотека по количеству единиц хранения может быть приравнена только к одной из тысячи больших монастырских и ханских библиотек страны, существовавших до 1930 г., содержавших уникальные книжные сокровища, не попавшие в национальную библиотеку.

Среди редких рукописей Национальной библиотеки можно отметить уникальную рукопись XVII в. «Алтан Тобчи» — «Золотое сказание», изложение истории монголов, содержащее часть знаменитого монгольского «Сокровенного Сказания» XIII в., переведенного на многие языки народов Востока и Запада, санскритскую рукопись XI в. на пальмовых листьях с цветными миниатюрами и автографами Джанчубдземо — наставника Цзонкавы, основателя секты махаянистского буддизма в Тибете в XIV

столетии и ученика Цзонкавы Хайдуб цорджи, 108-томный тибетский рукописный Ганжур XIV в. с надписью «не выносить за порог» Поталы — дворца далай-лам в Лхассе, но подаренный в XVII в. Ундуру гегену, первому главе желтой церкви Цзонкавы в Монголии, замечательному художнику, скульптору, санскритологу. Огромные тома этого буддийского канона, переписанного каллиграфами старого Тибета, имели посредине листов два круга, очерченных красной киноварью и предназначенных для просверливания дыр — через них продевались вьючные ремни при перевозке томов, зажатых с верхней и нижней стороны в деревянные диски и обвитых специальной тесьмой.

Академия литературы, преобразованная позднее в Академию наук Монгольской Народной Республики, и ныне пополняет фонды своей Национальной библиотеки старопечатными и рукописными книгами на монгольском и тибетском языках. Среди них много уникальных, в том числе книги рукописные и печатные ойратским письмом 1648 г., изобретенным Пандитою Дзая для ойрат и калмыков. Ойратский фонд библиотеки насчитывает свыше 2000 рукописей, многие из которых уникальны.

Гордость Национальной библиотеки — 225-томный монгольский Данжур — энциклопедия науки и литературы древней Индии и 108-томный монгольский Ганжур — оба напечатанные красной киноварью. Библиотека имеет также и тибетские издания Ганжура и Данжура на тибетском языке и рукописные книги на тибетском языке, написанные чернилами из «деяти драгоценностей» и украшенные миниатюрами и чеканными барельефными украшениями. Этими шедеврами монгольских мастеров гордились ханские и монастырские библиотеки. Почти все драгоценные и уникальные книги, писанные «девятью драгоценностями» и украшенные цветными миниатюрами или серебряными рельефными изображениями, хранящиеся ныне в библиотеке, поступили только из одного монастыря Дзун Хуре в Улан-Баторе. А монастырей с такими великолепными рукописными книгами были сотни. Все эти уникальные книги созданы руками монгольских мастеров, писцов каллиграфов, граверов по золоту и серебру, слоновой кости и сандаловому дереву.

Официальные светские школы требовали от учащегося знания языка официального делопроизводства,

а также определенного минимума классических литературных и историко-философских произведений на монгольском языке. По окончании школы ученики зачислялись в списки «знающих делопроизводство» и с тринадцати лет и до шестидесяти обязаны были нести трехмесячную службу в государственных учреждениях.

В свободные от очередной службы девять месяцев каждого года работники министерских, правительственных и прочих канцелярий, владевшие часто и маньчжурским и тибетским и нередко письменным китайским, занимались переводами классической философской и художественной литературы с маньчжурского, тибетского или китайского языков или перепиской книг для заказчиков.

Как правило, по старой традиции уважения к ученым авторам и писателям, переводчики не ставили своих имен, считая, что они только переводят мысль автора на родной язык и, может быть, не совсем точно. И только когда заказчик перевода был высокообразованным человеком и заказывал перевод квалифицированному переводчику, в послесловии отмечалась история перевода: кто был заказчиком, кто переводчиком, кто были писцы, переписавшие или записавшие с уст переводчика текст, дата перевода и пожелание, чтобы труд их послужил на пользу людям. Нередко послесловие писалось в стихах.

Среди заказчиков переводов встречались ученые женщины, имена которых с уважением отмечаются в послесловии. Так, увлекательнейшая биография великого тибетского поэта XI столетия Миларайбы, которого советский академик Б. Владимирцов называл «буддийским Фаустом», была переведена на монгольский по заказу матери Цокту тайджи, как повествует послесловие монгольского перевода. Это произведение, проникнутое духом величайшей активности, было выбрано для перевода на монгольский в эпоху, когда над страной нависала угроза маньчжурского завоевания. Оно пользуется до наших дней большой популярностью среди монгольских читателей старого поколения, и в степи можно встретить старцев, которые наизусть знают эту биографию на литературном монгольском языке и исполняют ее перед слушателями.

Среди переводчиков санскритской литературы, широко известной и в устных версиях, можно найти и ученых индийских пандитов, как например Махапандиту Чулун-

хурут ачарья, который, как повествует колофон его перевода, продиктовал в 1686 г. индийские сказания о радже Викрамадитья с санскрита на монгольский в гобийском урочище Гурбан сайхан писцам по просьбе книголюба Чойнполдандзана. Старый манускрипт этого перевода ныне хранится в Национальной библиотеке при Академии наук, он был найден в Гоби членом монгольской академии литературы Мишиком в 1922 г.

Многие женщины увлекались чтением и пополняли свои библиотеки печатными и рукописными книгами при каждом удобном случае. На книгах монгольских библиофилов часто встречались экслибрисы, обычно на титульных листах. Мастера резчики делали для книголюбов маленькие квадратные или круглые печатки из горного хрусталя, сандалового или пахучего камфарного дерева, слоновой кости или железа. Красный цвет у монголов символизирует радость, и оттиски этих печаток — монгольские экслибрисы — были всегда красного цвета, означая радость читать и иметь книги. Знаки этих экслибрисов также символичны: орнамент Нить бесконечного счастья или Три чинтамани — три сердцеобразных волшебных камня древней мифологии, удовлетворяющие все желания. Число три тоже имело свою символику: Тело, Слово и Мысль или Личность, Слово и Мысль. Три чинтамани означали удовлетворение всех счастливых и благих желаний тела, слова и мысли того, кто обладает хорошей книгой. Часто встречался и знак первой буквы алфавита в кругу — А. Это означало, что с буквы А начинается и умение автора писать и умение читателя читать и понимать круг всего доброго, что дает умение читать и писать. Иногда экслибрис давал имя владельца книг, написанное орнаментальным письмом. Эти печатки употреблялись и в частных письмах к друзьям.

В старой Монголии можно было найти целые стойбища, где никто не умел писать и все были свободны от обязательной трехмесячной службы в феодальных канцеляриях, но в каждой семье были люди, которые умели читать по-монгольски или тибетски и имели библиотеки книг на этих языках. Стойбище, в котором не было книг и никто не умел читать, было редкостью.

По стародавней традиции, скотовод, имеющий двоих сыновей, обязательно отдавал одного в монастырь, чтобы сделать его грамотным и ученым по тем временам челове-

ком и освободить от войсковой службы. Остававшийся дома, обычно младший сын, по древнему, идущему из глубины веков обычаю, должен был наследовать имущество отца и огонь его очага, зажженный далекими предками его рода,— книги.

А в монастырских школах старой Монголии обучали тибетскому языку и письму и устному переводу с тибетского языка на монгольский, так называемый «язык сутр», на который были переведены тысячи индийских и тибетских авторов. По окончании элементарного курса наиболее способные изучали буддийскую философию, работы индийских, тибетских и монгольских авторов, индотибетскую филологию, санскритскую грамматику и поэтику, логику, медицину, астрономию и астрологию, математику, науку составления лунных календарей, науку игогов, искусство индо-тибето-монгольской живописи и архитектуры и т. п. На одной из этих наук они специализировались. Те же, кто проявлял себя каллиграфом, набирались в школы каллиграфов и резчиков ксилографических досок, с которых клишировались в монастырских типографиях книги. Учащиеся такой школы овладевали искусством приготовления разных красок и чернил из так называемых «девяти драгоценностей» — и оформления роскошных печатных и рукописных книг. Резчики специализировались на гравюрах по дереву, серебру, стали, меди и т. д. Художники изучали искусство вышивки и аппликации, литье и гравирование. Те, кто не имел большого желания овладевать специальностями, пройдя элементарный курс обучения, выезжали в степь и жили жизнью простых скотоводов, номинально числясь монахами: звание ламы и покррой одежды освобождало от мирских повинностей перед князем и от несения воинской службы.

Все драгоценные книги с чудесными миниатюрами, золотыми и серебряными чеканными украшениями и изображениями, составляющие гордость Национальной библиотеки монгольской Академии, переданы из библиотеки ургинского монастыря Дзун куреня государству.

МАЛЕНЬКИЙ ШЕДЕВР О ВЕЛИКОЙ СТРОЙКЕ

...Случилось так, что одной из первых книг, которая резко и надолго врезалась мне в память, была книга М. Ильина «Рассказ о великом плане». Вышла она в свет в 1930 г. Впервые я прочитал ее лет одиннадцати-двенадцати, когда жил в городке Зарайске. Это было веселое, боевое время. Наш старинный городок, служивший в прошлом местом ссылки политически неблагонадежных от А. Полежаева до Мачтета, оживал, пробуждался от спячки. В него врывалась новая жизнь — с первым трактором, прогремевшим по булыжной мостовой, с первым автомобилем... Правда, жилось трудно — один учебник приходился на троих, и тетрадей не хватало, и, как сказал поэт, «не то, чтобы голодали, а просто мало было еды». Но на демонстрациях слышалось: «Смело мы в бой пойдем за власть Советов...» А сосед наш — рыжеволосый столяр — с удовольствием напевал марш: «Даешь индустриализацию, даешь великий план!»

А какой он, этот план? И вот в детском отделе районной библиотеки мне попала на глаза книга, на обложке которой было написано — «Рассказ о великом плане». Прочитал я этот рассказ без передышки, прочитал и поразился... Так зримо увидел я на страницах книги огромную работу по перестройке страны. Даже не верилось, что все это передают слова. Казалось, в книге скрыт какой-то неведомый секрет, какая-то непонятная загадка. Из обыкновенных слов создавались ощутимые, грандиозные картины. Сухие цифры пятилетнего плана как бы ожили, обрели конкретную реальность. М. Ильин разворачивает картину того, как осваивается наша страна, как

разведчики открывают богатства недр, как создаются машины, заводы, комбинаты, прокладываются дороги.

Ильин проявил себя в этой книге как подлинный мастер научно-художественной литературы. Образны, неожиданны названия глав: «Торф спасает Москву», «Гора, которая будет съедена», «Фабрика без стен и без крыш», «Пироги из угля и руды». Все это привлекает внимание, запоминается.

Энергично, стремительно показана борьба советского народа за пятилетний план. Тяжелая, упорная борьба за освоение природных богатств. Вот глава «Разведчики пятилетки». Чтобы строить новые города, новые заводы, нужен кирпич, цемент, стекло, железо. «Если из окна вагона вы видите только пустыри, леса и болота, — значит, вы ничего не видите». Оказывается: пустыри — это глина, песок, камень; леса — это балки, стропила, стойки, шпалы; торфяные болота — это электрический ток...

После короткой и очень емкой главы о разведчиках с ее афористичным языком писатель знакомит нас с «завоевателями своей страны».

Великолепна глава о покорении Днепра, о постройке Днепрогэса, о романтике труда, о людях, которые победили стихию.

С необыкновенной выдумкой писатель дает каскад примеров могущества химии: «Из сучьев и опилок она делает шелк. Из сосновых пней — скипидар и канифоль. Из угольной пыли и мелочи — бензин. Из камыша и соломы — картон и бумагу...»

М. Ильин рисует новый тип рабочего, который «...видит перед собой не только станок, но всю огромную машину страны. Он знает, что он хозяин этой громадины. Он чувствует себя великаном...»

Вся книга пронизана пафосом созидания, ритмом первой пятилетки.

Книга прямо-таки ошеломляла читателей.

Многие писали автору восторженные письма. Часть их опубликована в шестом издании «Рассказа о великом плане». Заключительный раздел в этом издании так и назывался «Слово — читателям». Писатель пояснил, что читатели — это герои книги или дети ее героев, дети тех шахтеров, машинистов, комбайнеров, трактористов, инженеров, разведчиков, которые перестраивали страну по великому плану. М. Ильин с большим удовлетворением

отмечал, что в письмах — «гордая радость людей, которые чувствуют себя хозяевами своей страны и своей судьбы». Они, эти юные корреспонденты, не только делились впечатлениями от прочитанного, но подтверждали, что все написанное — правда, что пафос созидания чувствуется всюду, в любом селе, любом поселке, в любом городе — маленьком и большом.

Книгу стали читать не только дети, на которых она была рассчитана. В библиотеках для взрослых за ней выстраивались очереди.

Первое издание книги вышло в Детгизе в 1930 г. И в том же году «Рассказ о великом плане» выходит вторым изданием в «Дешевой библиотеке Госиздата» (в «Серии школьника и пионера»). Это уже само по себе было признанием высоких достоинств книги Ильина. Ведь «Дешевая библиотека» ставила своей задачей продвигать в широкие массы читателей наиболее значительные произведения советской, классической и иностранной литературы, важнейшие социально-экономические труды, а также научно-популярную литературу. Цена каждого номера «Дешевой библиотеки» (64 страницы текста) — 10 копеек. В «Дешевой библиотеке Госиздата» печатались «Железный поток» А. Серафимовича, «Разгром» А. Фадеева, первый том «Тихого Дона» М. Шолохова, произведения Д. Бедного, В. Маяковского, М. Горького, А. Неверова, К. Федина. И вот под номером 332—333 вышла в свет книга М. Ильина «Рассказ о великом плане», отпечатанная в типографии Госиздата «Красный пролетарий» в количестве 100 000 экземпляров. В книге 128 страниц с иллюстрациями.

Вслед за вторым появилось третье издание.

...Когда М. Ильин писал свою книгу, в Госплане еще шли споры о цифрах, в Гипромезе чертежники обводили тушью очертания будущих заводов, в Хибинах строители шли по двухметровому снегу, выбирали место для нового города. Словом, он показывал не то, что есть, а то, что будет. И вот первая пятилетка осталась позади. Как она выполнена? Об этом — глава «Конец рассказа», включенная в четвертое издание (1933) — о том, как план был выполнен; через год вышло дополненное и исправленное пятое издание (1934 г.), в 1936 г. увидело свет шестое издание — и на этот раз дополненное автором. Наконец, «Рассказ о великом плане» был включен в первый том «Избранных произведений» М. Ильина в 3-х томах.

Над каждым новым изданием писатель тщательно работает. Книга насыщается новыми фактами из повседневной жизни, пополняется конкретными эпизодами, рассказами о буднях пятилетки.

Однако дело не только в дополнениях, хотя они очень обогащали книгу. С каждым новым изданием М. Ильин добивался еще большей выразительности повествования, большей яркости и наглядности.

Вскоре после выхода в свет первого издания один из экземпляров книги попал к самому внимательному, чуткому и требовательному читателю — Максиму Горькому. Любопытна первая реакция великого пролетарского писателя: он «читал и смеялся от радости...»

Когда М. Ильин работал над «Рассказом о великом плане», С. Я. Маршак как-то заметил, что «если удастся написать книгу, в которой конкретными, зримыми станут не только цифры, но и сами политические проблемы,— это будет книга на весь мир». Ильин не принял тогда этих слов всерьез, он считал это замечание чисто педагогическим приемом. Но слова Маршака оказались пророческими!

По поручению М. Горького книга была послана в Нью-Йорк профессору Каунтсу — одному из видных деятелей просвещения Америки. Профессор сам перевел книгу и, не дожидаясь выхода ее в свет на английском языке, размножил свой перевод в шести экземплярах, переплел их и отдал библиотеке Педагогического института, директором которого был в то время.

Профессор Каунтс горячо утверждал, что в книге М. Ильина «фактически каждая страница говорит о гении». Это мнение разделяли рецензенты и критики, которые также называли автора «Рассказа о великом плане» «гениальным популяризатором».

Книга вышла в Нью-Йорке и Бостоне в 1931 г. под названием «Азбука новой России» и сразу же получила широкий отклик.

Американский журнал «Сэтердей ревю оф литрэчэр» находил ее «самой очаровательной из всех книг о России», другой журнал отмечал, что «Рассказ о великом плане» — книга очень полезная взрослому иностранцу, для которого пятилетний план до сих пор был только названием. И далее рецензент пояснял, что «Ильин рассказывает о плане с простотой, достоинством и изяществом, которые ставят

эту книгу в ряды лучших литературных произведений. Это поэма в прозе, которой мог бы гордиться Тургенев».

Успех «Рассказа...» в Америке был так велик, что нью-йоркский «Клуб лучшей книги за месяц» выбрал это произведение для своего майского подарка. Затем книга появилась в Англии, Франции, Германии, Чехословакии... В письме из Сорренто от 29 июня 1932 г. М. Горький писал: «Очень радует меня успех «Рассказа о великом плане», огромное значение имеет этот успех».

Большой друг Советского Союза Ромен Роллан в 1932 г., прочитав «Рассказ о великом плане», написал в Госиздат: «Эта книга — маленький шедевр... Ни одна книга не передает так ясно и общедоступно великое значение героической работы Советского Союза». Поль Элюар особо отмечал высокие художественные достоинства «Рассказа о великом плане», называл Ильина поэтом пятилетних планов.

А вот отзыв штутгартской газеты «Зонтаг цайтунг»: «Инженер Ильин создал нечто замечательное: он свел сложный грандиозный пятилетний план к общепонятной формуле. Основываясь на статистическом материале, он рассказывает историю самого великого преобразования части земного шара, когда-либо известного в истории. Этот эпос рассказан просто, сжато, с непрерывающимся ритмом. Это прозаическое произведение полно романтики действительности».

Книга с триумфом шла по земному шару, завоевывая все новых и новых читателей. Так советский писатель стал известен во всем мире как автор необыкновенного, ошеломляющего поэтического повествования о пятилетке. М. Ильин в июле 1932 г. с радостью писал Максиму Горькому, что «Рассказ о великом плане» продолжает свое кругосветное путешествие. Кроме Америки, Англии, Франции, Германии вышли переводы в Японии, Корее, Голландии, в Мексике и Аргентине. Всего книга была переведена в двадцати странах.

«Вас хорошо знают все,— писал М. Ильину А. Фадеев,— знают дети и взрослые, знают люди большие и обыкновенные, знают по всей стране, знают по всему миру. Я лично видел это — и в такой огромной стране, как Китай... и в маленькой Чехословакии. Я постоянно сталкиваюсь с этим во время своих поездок — в беседах с библиотекарями, в записках из зала во время докладов-

поездок по Украине, по Уралу, Сибири, центральным областям».

Высоко оценила произведение Ильина Надежда Константиновна Крупская — внимательный, взыскательный и очень заинтересованный в детской литературе читатель.

Обращаясь к авторам научно-популярных книг, Н. К. Крупская рекомендовала им писать «сжато, содержательно, увлекательно». Вот одно из ее замечаний: «Важны не общие рассуждения на социальные темы, а конкретные живые картины, насыщенные социальным содержанием» («Об оценке детской книжки»). Такой книгой, в которой давались «конкретные живые картины», и был «Рассказ о великом плане». Выход в свет этого произведения Н. К. Крупская считала «большим сдвигом» в улучшении создания «деловой книжки для среднего возраста». Она отметила серьезность темы, избранной М. Ильиным, простоту, яркость изложения и прекрасное оформление.

В полной мере оправдывала книга М. Ильина и замечание Н. К. Крупской о том, что детей надо увлечь романтикой техники, раскрыть ее перспективы, показать достижения науки в различных областях.

Каждый раз, когда М. Ильин заканчивал новую книгу, он говорил ей: «Иди, книжка, работай! Я свое дело сделал, теперь ты делай свое». Такими же словами писатель напутствовал свой «Рассказ о великом плане». И книжка, которую Ильин считал для себя «началом всех начал», обойдя весь мир, хорошо поработала. Она имела поистине небывалый успех. Причину его в какой-то мере определил сам автор. В статье «Опыт ученого и мастерство писателя» он подчеркивал: «Книга для детей не должна быть холодной и безразличной. Только тот может увлекательно рассказать о своем деле, кто сам этим делом увлечен и не скрывает своего увлечения... Личность автора — это и есть то, что делает книгу не похожей на другую, что сообщает книге тепло и цвет... Значит, детская научная книга должна быть книгой, написанной просто, непридуманно, искренне, с юмором, с воображением, с лирическими отступлениями, с воспоминаниями о виденном и слышанном». Эти прекрасные принципы и воплощены в книге «Рассказ о великом плане».

КАК ВОЗНИКЛА МОЯ КОЛЛЕКЦИЯ

В одном из самых больших отделений книжной стенки находится дорогая для меня коллекция — работы русских мастеров книжной печатной обложки. Коллекция собиралась долгие-долгие годы.

Как возникло это собрание?

Пожалуй, случайно. В библиотеке техникума, где я помогал разбирать бумажные «завалы», в углу наткнулся я на кучку разрозненных книжных обложек, титульных и текстовых полос, порванных, смятых... Если бы я не взял их к себе в общежитие, наверняка уборщица выбросила бы этот «хлам».

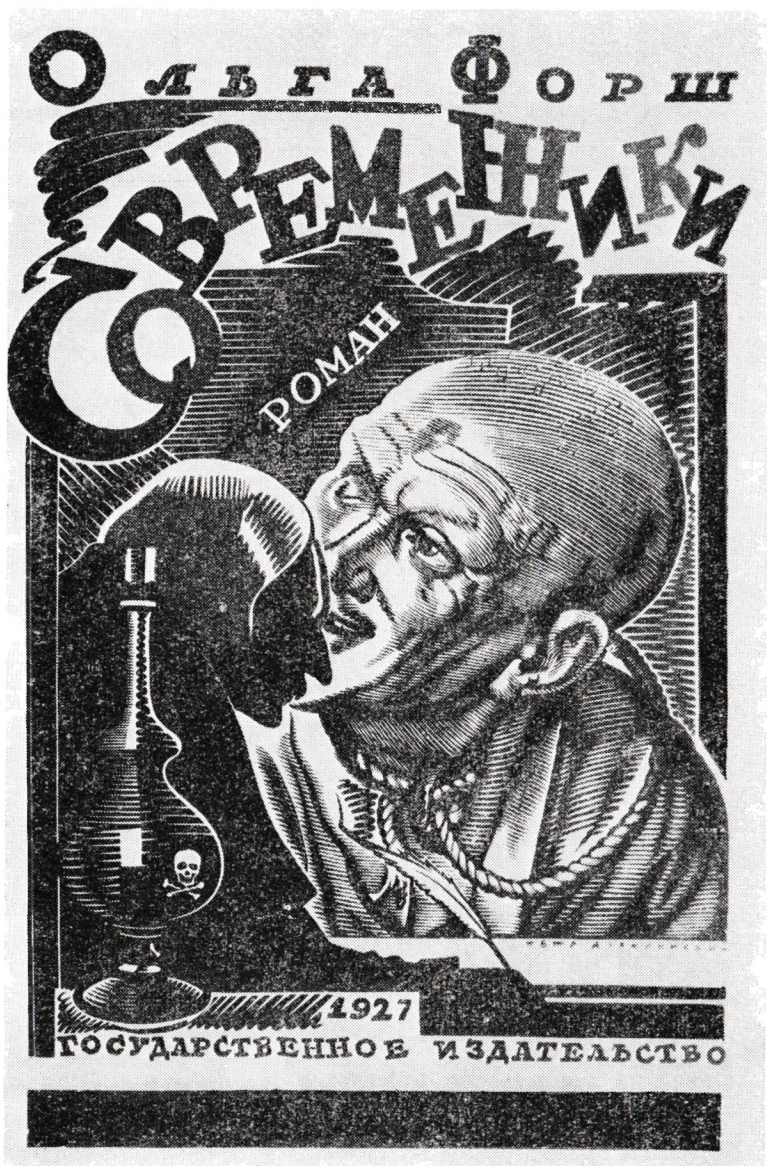
Было это в начале тридцатых годов, в мои студенческие годы.

С этого времени и началось сознательное и непрекращающееся собирательство печатной обложки. Сейчас у меня собрано более двух тысяч печатных книжных обложек.

Зачем же нужна подобная коллекция? Не праздное ли это увлечение?

Нет, это не так! Мне, художнику книги, моя коллекция была добрым помощником и учителем на протяжении более тридцати лет, приносит она бесспорную помощь моим коллегам по работе и призванию...

Неопытные собиратели, как правило, начинают с ошибки — собирают все, что относится к предмету увлеченности. Такая «всеядность» бессмысленна, приводит к захламленности, потере интереса к коллекционированию. Почти в каждой семье дети начинают собирать марки или значки. Вначале, в порыве страсти, собирают все без разбора и цели, и очень скоро наступает охлаждение.

Обложка работы П. Алякринского

Происходит это от отсутствия ясной цели — всего собрать все равно нельзя.

Не избежал этой ошибки и я. Поначалу приобретал все — то, что было издано до революции у нас в России, за рубежом, работы 20-х и 30-х годов. Словом, все, что попадало на глаза.

Все чаще возникало ощущение чего-то неправильного, но пока еще я не понимал бесполезность бессистемного сбора, сбора в навал.

Однажды мне нужно было познакомиться с работами трех известных ленинградских художников книги 20-х годов. Обратился за справкой к своему собранию. К тому времени у меня было не менее полутора тысяч печатных обложек. Казалось, нетрудно получить ответ на вопрос. Но не тут-то было! Во-первых, столкнулся с тем, что не мог сразу найти работ нужных мастеров, нужных годов и точного места издания. Во-вторых, к ужасу своему обнаружил множество «белых пятен» в своей коллекции. Это огорчило, вызвало отчуждение, потерю интереса к коллекции. К счастью, это продолжалось недолго. Стало ясно, что так заниматься собирательством нельзя.

А как же надо? Чему и кому отдать предпочтение? Эта проблема коренная в коллекционировании. Задумался я серьезно. Задал себе вопрос: какие работы из того неорганизованного собрания мне, издателю и книжному художнику, будут более всего интересны и нужны?

Как мучительно и трудно было что-либо выбрать, отказаться от ранее собранного в пользу хотя и направленного, но несомненно зауженного и ограниченного. Если откажусь от обложек зарубежных книжных изданий, то как будут в дальнейшем обеднены мои познания. А если собирать зарубежные издания — будет ли это собрание полным и интересным? При всем желании вряд ли... А тогда оно не принесет мне пользы как специалисту. Ведь собираю коллекцию не ради спортивного интереса. Нет уж, лучше буду изучать эти работы в библиотеках. Так я пришел к отказу от одного из разделов коллекции.

Остается решить: собирать ли обложки русских мастеров дореволюционных или современных? А почему не тех и других? Можно, конечно, но не будет ли это непоследовательно?

Опять и опять, в который раз уже пересматриваю свое собрание и прихожу к выводу, что совсем отказываться

от работ старых мастеров не следует. Собрать их стоит, но избирательно.

Итак, решено — собирать буду прежде всего обложки наших современников!

Двадцатые годы были первым десятилетием становления Советской власти в нашей стране. Новая культура создавалась впервые. Хотелось проследить ее развитие. Поэтому решил собирать книжные обложки мастеров двадцатых годов. Собрание их работ помогает глубже понять последующие искания мастеров, развитие их творчества.

Наибольший интерес представляли для меня работы художников Ленинграда и Москвы. Мастера Ленинграда к тому времени обрели славу самой сильной оформительской школы.

Я не засекречиваю своего «клада», но и не стремлюсь знакомить с ним каждого, кто посещает дом, и совсем не потому, что я скряга. Собрание охотно раскрывается перед тем, кому оно интересно или необходимо. А интересуется оно сравнительно немногих...

Каждый раздел представляет художественную школу или особенности определенного времени.

Печатные обложки распределены по разделам и подразделам. Каждый подраздел собран в обычный почтовый конверт, в который вложены печатные обложки. На конверте написаны фамилия, имя, отчество, даты рождения и смерти художника, автора вложенных в конверт обложек. На некоторых конвертах нет подписи или под знаком вопроса стоит несколько фамилий. Значит, я или сомневаюсь в авторе обложки, или не располагаю сведениями. Это не огорчает меня, создает импульс для поиска, а найденное в поиске — всегда радость.

Обложка работы В. Замирайло

Обложка работы С. Телингатера

Собиратель, какой бы долей скромности он ни обладал, рано или поздно непременно будет искать случая показать кому-нибудь свою коллекцию.

В отличие от накопителей богатств: золота, серебра и т. п., коллекционер всегда нуждается в общении с людьми. Это приносит двойную пользу — и собирателю, и тем, кому демонстрируется коллекция. Общаясь с людьми, проверяешь ценность собранного. Коллекция, которая не приносит или не дополняет познаний, — пустая коллекция.

Такая потребность общения появилась у меня не сразу.

Однажды ко мне зашел давнишний знакомый и коллега — художник книги. Ему-то я и решил показать собранные мною обложки.

Смущаясь и робея, вначале показал немного — думал, что покажется ненужным, неполноценным.

— Ух, как интересно! Жаль только, что мало собрал, — неожиданно услышал я.

Тут меня и «прорвало». На стол выкладывались одна за другой папки моих богатств... Почти все, кто знакомился с моим собранием, давали добрые советы, нередко исправляли мои ошибочные определения: имя мастера, год издания и т. п. Особенно большую помощь оказывали специалисты: художники, искусствоведы, полиграфисты, собиратели.

Чем больше людей знакомились с коллекцией, тем интереснее и направленнее она становилась. Опытные коллекционеры делились своими знаниями, помогали находить источники для дальнейших изысканий, нередко безвозмездно или в обмен делились своими редкостями.

ЖАН ДОРСЕН

НОГОРАИ

Р О М А Н

Жан Дорсен — НОГОРАИ

«ВРЕМЯ»
1927

Обложка работы А. Кравченко

Без общения собирательство всегда пассивно, чаще всего обречено на затухание.

После многих встреч, когда коллекция стала более целостной, направленной и систематизированной, друзья посоветовали мне выступить перед организованными слушателями.

Я долго колебался. Что мешало мне принять это предложение? Все то же: кому, кроме меня, это будет интересно? Долгое время считал я свое собрание чем-то сугубо личным, интимным, не имеющим общественного значения...

Клуб любителей книги Центрального Дома литераторов предложил рассказать о коллекции и показать ее на одном из заседаний. Пришло много народу, большинство — завзятые книжники. Чувство ответственности, невозможность скомкали, как мне показалось, мой рассказ. Однако я ошибался. Многих мое сообщение увлекло — я почувствовал это по вопросам, заданным мне. Были и критические замечания: мало было мною сделано обобщений и еще меньше высказано личных точек зрения. Понял я тогда, что коллекция, которая выносится на общественный суд, требует от собирателя собственных выводов, доказательств ценности и значимости собрания. В последующих выступлениях я все время следил за аудиторией и чувствовал ее реакцию и заинтересованность. Каждое выступление радовало благодарной реакцией слушателей и замечаниями, как правило, полезными для меня. Как много знаний и полезных советов получаю я. Милые и добрые слушатели, я всегда буду чувствовать себя неоплатным должником, благодарным вам за бескорыстную науку.

Москва

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИЖНЫХ ЗНАКОВ

Клуб экслибрисистов в Москве по праву гордится давними традициями. Первая московская организация любителей и коллекционеров книжного знака возникла в 1905 г. по инициативе энтузиаста-книжника, первого русского исследователя экслибриса Удо Георгиевича Иваска, директора Оружейной палаты Владимира Константиновича Трутовского и Александра Карловича фон Мекка, крупного собирателя книжных знаков. Эта организация — Московское общество любителей книжного знака — просуществовала всего лишь год, успев выпустить единственный номер «Известий...». Из пяти его статей четыре принадлежали перу У. Г. Иваска. В общество входило не более десяти человек. То был самый первый, едва заметный шаг в изучении книжного знака в России. Через 15 лет, уже при Советской власти, в пору небывалого размаха культурной работы, было возрождено и Московское общество любителей книжного знака. Тогда, в 1921 г., его возглавил В. К. Трутовский. Видную роль в этой, по существу совершенно новой организации играл известный книговед и искусствовед В. Я. Адарюков. За три года своего существования (до апреля 1924 г.) общество организовало 62 заседания. Среди докладчиков были П. Д. Эттингер, В. К. Трутовский, М. С. Базыкин, А. А. Сидоров, Н. Н. Орлов и др.

После недолгого перерыва московская организация экслибрисистов возобновила свою деятельность, уже как секция Российского общества друзей книги (РОДК). Секция активно работала до 1929 г., т. е. до ликвидации РОДК. Круг участников был близок прежнему составу

Московского общества любителей книжного знака, что обеспечило преемственность в их работе. Вклад этой организации в историю книжного дела — 7 памятков, посвященных отдельным заседаниям, а также каталог выставки «Московский экслибрис».

Необходимо вспомнить и секцию собирателей книги и экслибрисов МОВОФ (позднее — МОВОК), созданную в 1931 г. Секция провела за пять лет 75 заседаний широкой тематики, издала несколько брошюр. Правда, если самые первые московские организации любителей книжного знака видели свою главную цель в исследовательской работе, изучении истории экслибриса в России, то секция МОВОК ставила во главу угла обмен книжными знаками между участниками собраний, устройство аукционов экслибрисов и т. п.

После 30-летнего перерыва усилиями немногочисленных энтузиастов 3 марта 1963 г. была создана секция экслибрисистов при Московском обществе филателистов, впоследствии получившая название Московский клуб любителей книжных знаков.

До начала 1965 г. отсутствие постоянной «крыши над головой» мешало наладить регулярные заседания. Однако сначала Институт востоковедения АН СССР, а потом Дом художника на Кузнецком мосту (вспомним усилия блестящего мастера книжного знака Е. Н. Голяховского) дали приют Московскому клубу экслибрисистов.

Бюро клуба ставило целью «превращение Московского клуба любителей книжного знака в творческую организацию, которая объединяла бы своих членов вокруг важнейших проблем изучения истории и современного состояния книжных знаков». Клуб призван также способствовать созданию новых книжных знаков, поднятию идейного и профессионального уровня мастеров экслибриса. Клуб взял на себя инициативу в организации различных выставок экслибрисов, а также в издании литературы о книжном знаке.

Если в 1963 г. нас было 8 человек, то в 1975 г. — уже 160. В клубе 40 художников и искусствоведов, 9 писателей и журналистов, 3 врача, 4 военнослужащих, 2 архитектора и люди других, самых различных профессий.

За эти годы мы провели 194 заседания разнообразной тематики. 55 раз обсуждалось творчество советских ху-

из книг
Евгения Анатольевича
ГУНСТА

Художник В. А. Фаворский

Художник Ф. Д. Константинов

Художник К. Теодорович

дожников — создателей экслибрисов. Клуб стремился возможно полнее учесть книжные знаки, выполненные тем или иным художником, выявить особенности творческой манеры графиков и тем самым в какой-то мере восполнить пробелы в литературе, посвященной творчеству мастеров экслибриса. Существенно было также вызвать из небытия экслибрисное творчество крупных художников, прославившихся в других формах графики или в живописи. Нередко выполненные ими знаки малоизвестны и находятся в частных коллекциях.

До недавнего времени авторы монографий о художниках, как правило, не упоминали или, во всяком случае,

Художник К. И. Теодорович

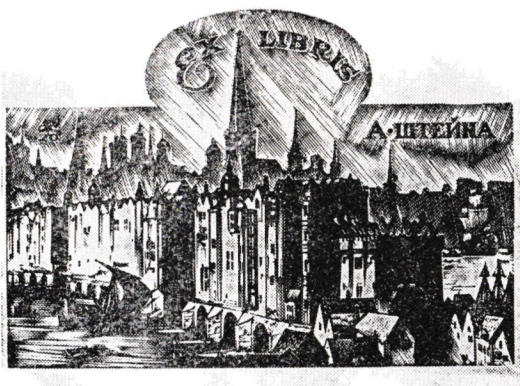
не разбирали подробно книжные знаки, выполненные тем или другим мастером. Между тем этот вид малой графики примечателен не только чисто художественными особенностями, но и своей общественной пользой. Кроме того, книжные знаки, изготовленные по рисункам выдающихся мастеров, дают дополнительный биографический материал о художнике, рассказывают о библиотеках его друзей. Поэтому мы считаем, что наш клуб сделал полезное

дело, установив достаточно точный и полный перечень книжных знаков, созданных такими выдающимися художниками, как В. А. Фаворский, А. П. Остроумова-Лебедева, П. А. Шиллинговский, Н. И. Пискарев, А. И. Кравченко, Д. И. Митрохин, И. Н. Павлов, Е. Е. Лансере, Н. Н. Купреянов, И. Ф. Рерберг, В. Д. Замирайло, М. В. Добужинский, Г. И. Нарбут, Л. С. Хижинский.

Как пример такого «поиска знаков» упомяну о сюите экслибрисов (ранее неизвестной), выполненной Константином Ивановичем Теодоровичем.

К. И. Теодорович родился в 1907 г. в семье революционеров-профессионалов. Его отец Иван Адольфович — член партии с 1905 г., делегат IV и V съездов партии, первый нарком социального обеспечения; мать, Окулова Глафира Ивановна, — член партии с 1899 г., была агентом ленинской «Искры», участницей трех революций, гражданской и Великой Отечественной войн.

Детские годы Константина Ивановича прошли в местах каторги и ссылки в Сибири, Александровском центре и в Тайшете. В 1931 г. Теодорович окончил литературный факультет МГУ. Учась в МГУ и одновременно занимаясь живописью в мастерских Кардовского, Григорьева и Машкова, Константин Иванович работал художником и литературным сотрудником в редакции «Журналиста», а позже в ТАСС, где создал много политических

Художник А. И. Калашников

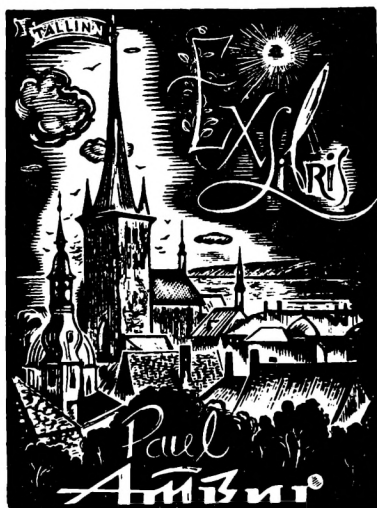
карикатур. Занимался и портретной графикой. А то, что он увлекался искусством книжного знака и создал около 50 миниатюр-экслибрисов для своих близких, родных и знакомых, было известно только тем, для кого они были выполнены. Скончался Константин Иванович в 1964 г., будучи главным художником Музея Революции СССР.

Лишь случайно, от известного собирателя книжных знаков Бориса Афанасьевича Вилинбахова мы узнали, что в его собрании есть несколько экслибрисов работы покойного Теодоровича. И вот по тонкой ниточке начались поиски. Примерно через год удалось разыскать родственницу Теодоровича, у которой были обнаружены 45 картонов оригиналов книжных знаков в очень плачевном состоянии. Но желание вернуть к жизни замечательное творчество художника преодолело сомнения. После сложной реставрации и неоднократной пересъемки удалось восстановить мастерски выполненные экслибрисы и издать для любителей их подборку.

Московский клуб экслибрисистов считает очень важным обсуждение творчества современных мастеров книжного знака. Тем самым мы способствуем творческим контактам художников с собирателями, стимулируем создание новых экслибрисов и, наконец, привлекаем к нашему любимому жанру новые «художнические кадры». В первую

Художник Г. Л. Ратнер

Художник Е. Н. Голяховский

Обложка памятки. Художник В. П. Куров

Обложка памятки.
Художник А. И. Калашников

очередь, естественно, мы провели заседания, посвященные творчеству членов нашего клуба — художников Н. Калиты, В. Фролова, Г. Кравцова, А. Калашникова, Е. Голяховского, П. Кузаяна, А. Могилевского, Г. Ратнера, В. Курова, В. Щербинина, Н. Лапшина, Н. Бом-Григорьевой.

Особый тематический цикл — заседания, знакомящие членов Московского клуба с творчеством мастеров экслибриса. Нам удалось организовать обсуждения работ В. А. Фаворского, П. А. Шиллинговского, А. П. Остроумовой-Лебедевой, А. И. Кравченко, Н. Н. Купреянова, Н. И. Пискарева, Е. Е. Лансере и др.

Не раз Московский клуб экслибрисистов оказывал моральную поддержку молодым, начинающим художникам, пробующим свои силы в жанре книжного знака. Характерный пример — обсуждение экслибрисов художницы из Пятигорска Е. И. Кузнецовой. После нашего заседания ее работы получили достаточно широкое признание и экспонировались на выставках во многих городах нашей Родины.

Большой интерес вызвали семь вечеров, объединенные общей темой «Лениниана в экслибрисе». Были организованы выставки книжных знаков на ленинскую тему, рассказано о книжных знаках Библиотеки В. И. Ленина в Кремле, приведены многочисленные примеры бережного отношения Владимира Ильича к книгам, его заботы о развитии книжной культуры в Советской стране.

Изучаем мы и творчество зарубежных прогрессивных мастеров экслибриса. Было рассказано о книжных знаках Фр. Мазереля (Бельгия), Ф. Бордаша (Венгрия), В. Фила (Чехословакия).

Доклад о трудах одного из пионеров жанра экслибриса — великого мастера эпохи Возрождения Альбрехта Дюрера — сделал член нашего клуба доктор исторических наук Е. Л. Немировский. Позднее он прочитал доклад о книжных знаках современников и учеников Дюрера — Лукаса Кранаха Старшего и Ганса Зебальда Бекама.

С 1967 г. Московский клуб экслибрисистов ежегодно устраивает выставки-отчеты членов клуба, как профессиональных графиков, так и любителей. Художники рассказывают о своих замыслах. С анализом экспонатов отчетных выставок выступают искусствоведы.

Еще один цикл вечеров был посвящен рассказу о наиболее примечательных коллекциях экслибрисов, собранных членами клуба, а также о знаменитых собраниях прежних времен. Наиболее яркое впечатление оставил рассказ чл.-кор. АН СССР, почетного члена нашего клуба А. А. Сидорова о своей коллекции.

Истории книжного знака, теоретическим и другим проблемам развития малой графики были посвящены за эти годы 5 заседаний.

Клуб уделяет внимание библиографической роли экслибриса, его связи с общими проблемами библиофильства и истории библиотек. Среди этого цикла особенный интерес вызвали два доклада В. В. Кунина о библиотеках Соболевского и Бутурлина.

Жизни и творчеству председателя общества друзей книги (РОДК) В. Я. Адарюкова, немало сделавшего для библиографии искусствоведения, истории книги и исследования книжного знака, посвятили совместный доклад профессор, чл.-кор. АН СССР А. А. Сидоров и кандидат искусствоведения П. Е. Корнилов.

Об Иване Ивановиче Лазаревском — большом энтузиасте книги, активном члене РОДК, авторе книг по искусству книги и русскому собирательству — сделал доклад на совместном заседании Клуба любителей книги ЦДРИ и МКЭ А. Ф. Иваненко.

Своим достижением мы считаем то, что ко всем заседаниям на творческие темы мы выпускаем специальные памятки — краткие тезисы докладов и иллюстрации. Таких памяток до середины 1975 г. выпущено 140. По словам одного польского исследователя книжного знака, это малая энциклопедия экслибриса.

Немалая доля организационной работы клуба — переписка и творческое общение с периферийными клубами любителей книжного знака. Мы давно уже безвозмездно снабжаем многие периферийные организации экслибрисами, литературой, делимся своим опытом. География наших связей с коллегами расширяется из года в год. Наш клуб объединяет людей, серьезно увлеченных коллекционированием и созданием книжных знаков. Шефствуем мы над школьными клубами и другими объединениями юных экслибрисистов.

Конечно, о деятельности клуба судят и по характеру изданий, которые он подготовил и выпустил в свет.

Помимо памяток, мы с дружеской помощью издательства «Книга» выпустили подборки редких книжных знаков известных мастеров: Н. С. Бом-Григорьевой, Г. А. Ечеистова, И. Н. Павлова, А. Д. Силина, В. И. Соколова, К. И. Теодоровича, П. М. Кузаняна, З. И. Горбовца.

Выпускается серия «Книжные знаки мастеров графики». Увидели свет брошюры Г. А. Кравцова о В. А. Фаворском, М. Ю. Панова об А. И. Кравченко, В. Д. Королюка о Е. Н. Голяховском и Г. А. Кравцове, Л. Ф. Дьяконичина о В. А. Фролове.

«Библиографию работ о книжном знаке» готовит член нашего клуба Ю. П. Марцевич (это издание уже 4 года выпускается нами по частям совместно с библиотекой им. Н. А. Некрасова).

Итак, за годы своей работы Московский клуб экслибрисистов сделал немало для популяризации любимого многими жанра малой графики, для воспитания уважения к экслибрису у молодого поколения художников и книголюбов, для разъяснения важности коллекционирования экслибрисов и создания новых знаков.

Москва

Геворг Эмин

НАД ДРЕВНИМИ РУКОПИСЯМИ

Приснилось мне: в монастыре Севанском,
Луною полуночной осиянном,
под ливень и далекий звон копыт,
дита рассвета, ненавистник мрака,
я мучаюсь, Геворг из Аштарака,
художник, летописец и пиит.

Себя я знаю — я земной и шалый.
Я первый среди грешников, пожалуй,
и я последний изо всех святых.

Но я молюсь, молюсь сегодня богу.
Его я призываю на подмогу
в неразрешенных сложностях своих.

Писать молитву поручили в прозе,
а я — я написал стихи о розе.
Не розами, а ладаном дышу.
Трактат о древе страшного распятия
на половине бросил и опять я
про древо жизни вечное пишу.

Не знаю, кто меня уж угораздил,
но вместо глаз твоих — о богоматерь! —
глаза Хумар крестьянки молодой
я на листах Евангеля рисую,
и все увещевания впустую!
Ну что ж поделать мне с моей бедой!

Да и беда ли это? Сомневаюсь.
Исправиться совсем не порываюсь,
а порываюсь к жизни. Здесь — тоска.
Благословляю сказочные миги,
когда еретиков читаю книги,
достав их при свече из тайника.

Меня, такого, создала природа
Не для молитв, а для тебя, свобода.
Свод кельи мою душу не согнет!
Ни отлученья не боюсь, ни плахи!
И не пугают ночью меня страхи,
что буду вызван на святой синод.

.
Века прошли в своем движении грозном.
Уже ракет промчалось столько к звездам!
Но до сих пор не сплю, когда все спит,
дитя рассвета, ненавистник мрака,
я тот же все Геворг из Аштарака,
художник, летописец и пиит.

Пер. Е. Евтушенко

Библиотеки
и
библиофилы

О БИБЛИОТЕКЕ В. А. ЖУКОВСКОГО

Можно сказать, что библиотека Томского университета начала складываться раньше, чем был решен вопрос о существовании самого университета. Разговоры и планы создания Сибирского университета возникли еще в начале XIX века, но только через семьдесят с лишним лет, в мае 1878 г. было «высочайше повелено» строить в Томске первый Сибирский университет (императорским Томским он стал называться позднее). Здание университета было заложено летом 1880 г., а открытие состоялось в 1888 г. Книги же для библиотеки будущего университета стали поступать с 1879 г.

В создании этой библиотеки большая заслуга принадлежит В. М. Флоринскому. Несколько лет он был членом комиссий, решавших судьбы университета, а затем ему же было поручено строить здание университета. В науке В. М. Флоринский оставил заметный след. Некоторые его идеи опередили свое время¹. В своих воспоминаниях он писал: «... не через 1000 лет, а спустя четверть века, много — полстолетие, мы не узнаем ни России, ни Сибири...»²

В. М. Флоринский имел обширное книжное собрание, был большим книголюбом. И благодаря этому библиотека Томского университета получила в дар или приобрела ряд ценных личных библиотек.

Одна из них — библиотека Василия Андреевича Жуковского. Это книжное собрание в 1879 г. известный си-

¹ Канаев И. И. На пути к медицинской генетике. — «Природа», 1973, № 1, с. 62—68.

² «Русская старина», 1906, апрель, с. 125.

бирский меценат А. М. Сибиряков купил у сына В. А. Жуковского и пожертвовал только что учрежденному Сибирскому университету. В Томск были привезены 4674 книги, принадлежавшие в свое время Жуковскому. Но это далеко не все книги, когда-то составлявшие библиотеку В. А. Жуковского. В Институте русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР в Ленинграде хранится еще одна часть библиотеки Жуковского — около 600 томов (свыше 300 названий), подаренных П. В. Жуковским известному поклоннику Пушкина А. Ф. Онегину-Отто. Как явствует из заметок А. Онегина, в 1877 г. П. В. Жуковский предоставил ему право выбора книг из библиотеки отца (см. пометки Онегина на третьем издании «Евгения Онегина». Спб., 1837, шифр ИРЛИ 87 $\frac{2}{17}$ и на втором томе «Арабесок» Н. В. Гоголя. Спб., 1835, шифр ИРЛИ 86 $\frac{4}{5}$).

А. Ф. Онегин сохранил не все подаренные ему книги — например, в 1908 г. он подарил музею Мицкевича в Вильно принадлежавший Жуковскому экземпляр «Конрада Валленрода» (парижское издание 1830 г.), после ряда перипетий этот экземпляр в 1958 г. поступил в Государственный музей А. С. Пушкина в Москве.

Какая-то часть книг Жуковского была продана его вдовой. Так, в библиотеке Н. П. Смирнова-Сокольского имеется экземпляр «Новых досугов» Федора Слепушкина, на форзаце которого рукой кого-то из прежних владельцев написано: «Приобретено от вдовы покойного Василия Андреевича Жуковского из его библиотеки»³.

В 1911 г. В. С. Арсеньев, собиратель старины и библиофил, посетил родину В. А. Жуковского, село Мишенское. Там он нашел, что «...в комнатах, где столько лет прожил поэт, ссыпано зерно. По стенам висят несколько портретов Жуковского и его близких, рисунки карандашом и т. п.; в неплотно затворенном шкафу лежат остатки библиотеки В. А. Жуковского и Зонтаг... Среди этих остатков находится собрание сочинений В. А., отдельные его стихотворения с собственноручными посвящениями А. П. Зонтаг; многие из этих книг изорваны, изгрызаны крысами»⁴.

³ Смирнов-Сокольский Н. П. Моя библиотека. Т. 1. М., 1969, с. 432.

⁴ «Старые годы», 1911, декабрь, с. 80—81.

Не в полном объеме сохранилась и привезенная в Томск часть библиотеки В. А. Жуковского. В. М. Флоринский сам занимался разборкой и первичной обработкой книжных собраний; он и раздробил поступившую в Томск часть библиотеки Жуковского. Во вступлении к печатному «Каталогу главной библиотеки Томского университета» перечисляются поступившие личные книжные собрания, и под №3 значится: «Библиотека знаменитого русского поэта В. А. Жуковского, состоящая из 4674 книг, преимущественно из области изящной литературы и педагогики; из них большая часть на немецком (2183), французском (1475) и английском (195) языках. Эта библиотека, получающая особую цену по воспоминанию об ее составителе и первом владельце, приобретена в 1880 г. [так!] для Томского университета А. М. Сибиряковым за 2000 рублей»⁵.

При разборке книг Флоринский следовал таким принципам: «... из книг однородных, хотя бы поступивших от разных жертвователей, оставлялся лучший экземпляр. Дублеты откладывались в особые шкафы и ящики...»⁶

Понимая «особую цену» библиотеки В. А. Жуковского, Флоринский тем не менее не отступил от своего принципа. И зачастую книги Жуковского — в простых переплетах или даже в бумажных обложках — не выдерживали сравнения с переплетенными в цельную кожу и тисненными золотом экземплярами из библиотек Строгановых или Голицына и «откладывались» в дублетный фонд. Иногда, чтобы составить «лучший экземпляр», Флоринский разбивал многотомные издания из разных библиотек. Так, в библиотеках Жуковского и Голицына была «Естественная история» Бюффона, парижское издание 1799—1809 гг. — 70 томов в шестнадцатую долю листа. Экземпляр Голицына — в кожаных переплетах с золотым тиснением на обеих крышках, но первые восемь томов — в полукожаных переплетах — Флоринский взял из экземпляра Жуковского (у Голицына эти тома были без переплета) и записал их в инвентарь вместе с голицынскими томами, а остальные 62 тома попали в дублеты, хотя на многих из них имеются пометки Жуковского.

⁵ Каталог Главной библиотеки имп. Томского университета. Т. 1. Томск, 1889, с. II.

⁶ Там же, с. VII.

Кроме вторых, в дублетный фонд отбрасывались и единственные экземпляры малообъемных или неполных изданий, у Жуковского же их было много.

Из дублетов формировались учебные студенческие библиотеки и библиотеки кафедр и лабораторий. В них попали многие книги Жуковского, особенно много — в кабинет русского языка и литературы и в кабинет всеобщей истории при Томском университете. Все эти вспомогательные библиотеки претерпели ряд превращений, в разное время были ликвидированы, их фонды возвращены в Главную (теперь — Научную) библиотеку университета, но какая-то часть книг, в том числе и принадлежавших Жуковскому, была утрачена.

При записи в инвентарную книгу прежняя принадлежность книги, как правило, не учитывалась. Даже включенные в основной фонд книги Жуковского оказались разбросанными по разным местам хранения.

Библиотеку Жуковского как единое целое попытались выделить только в послевоенные годы. Книги отбирались по печатному каталогу библиотеки, в котором сделаны пометки о прежних владельцах (однако далеко не всегда). Да и сам этот каталог неполон.

В 1964 г. Научная библиотека Томского университета поставила себе задачей выявить с возможной полнотой и описать библиотеку В. А. Жуковского. В этом мог бы помочь рукописный каталог его библиотеки, подобный каталогам библиотек А. В. Никитенко или М. В. Сурина, собрания которых хранятся в Томске. А. Ф. Онегин-Отто в надписи на одной из книг Жуковского (Поэзия Александра Пушкина в переводах Роберта Липперта. Лейпциг, 1840, шифр ИРЛИ 86⁷/₄₂) указывает: «Неполный каталог его книг — составл[енный] позднее его смерти, существовал у П. В. Жук[овского], его сына». Но и этот неполный каталог не обнаружен. Поэтому пришлось прибегнуть к сплошному просмотру старых фондов общего книгохранения.

Экслибриса у Жуковского не было, но на большей части его книг и брошюр наклеен ярлык с характерной рукописной цифрой на нем. Кроме того, поэт делал рукописные пометки на форзацах или заглавных листах своих книг: в ранний период жизни — надпись на французском языке «Basile de Joukowsky», позднее — инициалы

«В. А. Ж.» и некоторые другие. Однако ярлычок-экслибрис сохранился не всегда, да и наклеен он был, по-видимому, не на все книги. Чтобы обнаружить надписи, нужно раскрыть каждую книгу, а изданий, вышедших в свет до первой половины девятнадцатого века включительно, в библиотеке несколько сотен тысяч...

Кроме сплошного просмотра книг на полках, для выявления книг Жуковского изучались его опубликованные дневники и переписка, воспоминания о нем и т. п. Довольно часто этот метод приносил удачу. В 1810 г., собираясь работать над поэмой «Владимир», Жуковский просит А. И. Тургенева прислать книги по древней истории России и делает оговорку: Шлёцера «Северная история» у меня есть⁷. «Всеобщая северная история» Шлёцера, изданная в Галле в 1771 г., хранится в нашей библиотеке. Ярлычка на ее корешке нет, но в книге сделаны характерным почерком Жуковского обширные записи, многочисленные пометки (отчеркивания и подчеркивания строк, крестики на полях и др.), а также рисунок, сделанный самим поэтом.

В сентябре 1838 г., находясь в Мюнхене, Жуковский пишет Д. П. Северину, русскому поверенному там же: «Мой милый Северин, уведошь, как расположен нынешний день; что в котором часу делать? Если мой ящик с книгами у тебя, то пришли его... Чтоб не забыть: за твоего Дарю и за Итинерер [путеводитель] по Италии я пришлю тебе новейшие русские книги...»⁸ Издатель переписки Жуковского делает примечание, что Дарю — это семитомная «История Венецианской республики» Пьера-Антуана Дарю. В научной библиотеке она числится под №2360, но это строгановский экземпляр, в роскошных кожаных переплетах. По генеральному каталогу библиотеки отыскивается еще один экземпляр, тоже в цельнокожаных переплетах, но менее «роскошный». Ярлычков на корешках нет, но на шмуцтитуле первого тома — владельческая надпись Д. Северина, а при сплошном просмотре томов выявляются записи и пометки Жуковского, особенно обильные в первом, втором и пятых томах. В дневнике Жуковского есть записи о чтении сочинения Дарю⁹.

⁷ См.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895, с. 57.

⁸ «Русская старина», 1902, апрель, с. 153.

⁹ Дневники В. А. Жуковского. С примечаниями И. А. Бычкова. СПб., 1901, с. 425.

Таким образом, разнообразными методами было выявлено и описано свыше 3100 томов из библиотеки В. А. Жуковского. Не найдено около полутора тысяч томов. Какая-то часть их, очевидно, безвозвратно утрачена в упоминавшихся вспомогательных библиотеках. Большая же часть их «растворилась» в трехмиллионном фонде библиотеки и со временем, мы надеемся, может быть выявлена.

И действительно, порой отыскиваются очень интересные, ранее неучтенные книги Жуковского. При подготовке юбилейной выставки Адама Мицкевича были обнаружены «Крымские сонеты» в переводе И. И. Козлова (1829 г.). Как отмечал Н. П. Смирнов-Сокольский, это одно из особенно редко встречающихся прижизненных изданий Козлова. На книжке — ярлычок Жуковского, на заглавном листе автограф Козлова «Милому А. Тургеневу», другу Жуковского. В библиотеке Жуковского немало книг, принадлежавших ранее А. И. Тургеневу.

Была выявлена «Государственная уставная грамота Российской империи» (Варшава, 1831). В годы либеральной юности Александра I эта «Грамота...» была подготовлена ближайшим окружением царя как будущая конституция для России. Рукопись ее была обнаружена и издана польскими повстанцами, а после взятия Варшавы русскими войсками большая часть тиража книги была уничтожена.

Свою библиотеку В. А. Жуковский создал собственными трудами и издержками. Сбирать книги он начал еще в годы учения, и его интерес к книге не ослабевал до последних дней жизни.

Переписка Жуковского, его дневники пестрят упоминаниями о книгах — то он посещает книжные лавки и библиотеки, то просит друзей прислать нужные ему книги или возвратить взятые у него издания; очень часто делится впечатлениями о прочитанном. Эти упоминания позволяют восстановить некоторые этапы создания библиотеки Жуковского, а иногда и разыскать ранее неучтенные книги из его собрания.

В пансионе Жуковского содержали Марья Григорьевна Бунина и Петр Николаевич Юшков, но карманных денег ему давали мало. Как пишет его друг и биограф К. Зейдлиц, «...он должен был умножать их своими ли-

тературными трудами»¹⁰. По заказам книгопродавцев Жуковский переводил сочинения популярных тогда Коцебу, Шписа и других авторов, и за свои переводы получал очень высокие по тем временам гонорары. Так, в 1801 г. книгопродавец Зеленников уплатил Жуковскому 75 руб. за перевод романа Коцебу «Мальчик у ручья». Кроме денег, в качестве гонорара получал он и книги.

Когда в апреле 1802 г. Жуковский возвратился из Москвы в Мишенское, в его библиотеке уже имелось «...кроме большой французской энциклопедии Дидеро, множество французских, немецких и английских исторических сочинений, переводы греческих и латинских классиков, стихотворения и другие произведения изящной словесности на иностранных языках, полные издания Шиллера, Гердера, Лессинга и проч.»¹¹. В 1817 г. в его библиотеке было все, что тогда было издано из сочинений Гёте¹². В 1818—1819 гг. Д. Блудов, поверенный в делах в Лондоне, рассказывает в письмах к Жуковскому о литературных новостях и посылает ему сочинения Байрона и Т. Мура, Сисмонди и Мальтбрена. В 1826—1827 гг. Жуковский ездил за границу — чтобы подготовиться к роли наставника наследника престола и укрепить свое здоровье. Как сообщает П. Плетнев, «... ни одного стихотворения он не написал ни в 1826, ни в 1827 году... Зато портфель его [коллекция гравюр] и библиотека приняли много сокровищ, привезенных из путешествия»¹³.

Особенно часто идет речь о книгах в переписке Жуковского с Дмитрием Петровичем Севериным, русским посланником в Мюнхене в 1837—1863 гг., арзамасским Резвым Котом. В ноябре 1832 г., думая остаться на зиму в Швейцарии и не ехать в Италию, Жуковский пишет: «Я решил остаться, мой милый Кот, но еще не уверен, исполнится ли это намерение... Если останусь, то ты должен будешь помочь горькому сиротству моему книгами.

¹⁰ Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. 1783—1852. По неизданным источникам и личным воспоминаниям. Спб., 1883, с. 21.

¹¹ Там же, с. 22.

¹² Дурылин С. Жуковский и Гёте.— «Литературное наследство». Вып. 4/6. М., 1932, с. 327.

¹³ Плетнев П. А. О жизни и сочинениях Василия Андреевича Жуковского. Спб., 1853, с. 74—75.

Есть ли у тебя Карамзина История? Она будет мне необходима»¹⁴.

В апреле того же 1832 г. он отправляет Северину новые русские книги; в марте 1833 — возвращает взятые у Северина для прочтения мемуары Людовика XVIII и при этом высказывает сомнение в их подлинности; в июле, отправляясь в очередной вояж, поручает заботам Северина «пакет моих книг», по-видимому, достаточно объемистый, так как далее он пишет: «...при случае можешь переслать ко мне в Петербург с [дипломатическим] курьером; если не все за один раз, то по частям в три, четыре раза»¹⁵.

При столь интенсивном дружеском обмене книгами некоторые из них не возвращались прежним владельцам, а оставались у читателей. В библиотеке А. С. Пушкина оказался принадлежавший Жуковскому экземпляр книги Д. И. Хвостова «Прощание поэта с землею»¹⁶, а у Жуковского — книги, принадлежавшие ранее Н. В. Гоголю, А. Ф. Мерзлякову, К. Н. Батюшкову, А. И. Тургеневу, Никите Муравьеву и многим другим, а также книги с экслибрисом воспитанника Жуковского, наследника престола Александра Николаевича.

Авторитет Жуковского — знатока и любителя книги — был непререкаем в кругу его близких. Он руководит чтением своих племянниц Марии и Александры Протасовых, подбирает и приобретает книги для библиотеки наследника — все это на правах родственника или наставника. Но вот А. И. Тургенев, сам образованнейший человек, перед отъездом за границу хочет обеспечить А. А. Протасову-Воейкову и ее детей. Он пишет своеобразное письмо-завещание. Один из пунктов его гласит: «Жуковский должен думать о составлении для А[лександр] А[ндреевны] библиотеки, небольшой, но избранной и необходимой как для собственного ее употребления, так и для детей ее. Он должен уведомить меня о выборе книг, который он для сего сделает. Я бы постарался сперва самые нужные, а потом мало-помалу — и все другие им назначенные доставить ему. Сии книги будут собственностью А. А. и детей ее, но я бы желал некоторое время

¹⁴ «Русская старина», 1902, апрель, с. 141.

¹⁵ Там же, с. 146—147.

¹⁶ «Пушкин и его современники». Вып. 9—10. Спб., 1910, с. 112, № 413.

сохранить право собственности, только для того, чтобы она могла иметь справедливую причину отказывать другим в раздаче книг и сохранить их от растраты...»¹⁷

В. А. Жуковский не был простым накопителем книг, как многие записные библиофилы прошлого, да и не только прошлого. В «Измарагде», одной из любимейших книг древнерусского читателя, имеется «Слово о почитании книжном», т. е. о чтении книг. Оно учит: «...егда бо чтеши книги, то прилежно, всем сердцем внимая, чты, и двократы прочитай словеса, а не тщишь токмо листы обращати, но без лености чты» (т. е. когда читаешь, то читай со вниманием, перечитывай написанное, а не старайся только листы переворачивать). Таким внимательным читателем был В. А. Жуковский. У него почти не встречаются не разрезанные, т. е. не прочитанные им книги. Конечно, не всякая книга оправдывала его ожидания, поэтому некоторые разрезаны не до конца или разрезаны только местами, выборочно. Читал он обычно с карандашом в руках, делая пометки по разработанной им системе (подчеркивания и отчеркивания строк и абзацев и т. п.), довольно часто записывал на полях возникшие по ходу чтения мысли и возражения. Кроме «следов чтения», на книгах встречаются записи дневникового характера, числовые выкладки, рисунки и т. д. И наконец, самое интересное — зачастую прямо на книге Жуковский начинал набрасывать перевод какого-либо произведения, вызвавшего отклик в его душе. Большей частью эти черновые наброски ограничиваются несколькими стихотворными строками или строфами, иногда же эти переводы очень обширны.

Библиотека Жуковского отвечала его интересам, у него не было ненужных ему книг.

Совершенно понятно, что среди книг Жуковского первое место занимает «изящная словесность» — сочинения в прозе и стихах русских и иностранных авторов, греческие и римские классики, эпические сказания древних народов, а также книги по теории и истории литературы, фольклору, риторике, теоретические и практические труды по языкознанию.

К 1974 г. в библиотеке Томского университета было выявлено свыше 1700 названий книг Жуковского, из них

¹⁷ «Русский библиофил», 1915, № 3, с. 45.

Его Превосходительству

Василию Андреевичу

Жуковскому

*На совершенный подарок
от издательства и др.*

Воспитатель

ДОЧЬ

КУПЦА

ЖОЛОВОВА.

РОМАНЪ,

ИЗВЛЕЧЕННЫЙ

ИЗЪ

ИРКУТСКИХЪ ПРЕДАНІИ.

Соч. **И. Калашникова.**

ЧАСТЬ I

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ

Издано въ Типографіи Школы Странно-
убиенной въ С.-П.-б.
1833.

Титульный лист романа И. Т. Калашникова
с посвященіемъ автора В. А. Жуковскому

на перечисленные разделы приходится свыше 760, в том числе:

изящная словесность	539 названий
греческіе классики	66 названий
римскіе классики	51 названіе
языковеденіе	54 названія
теорія и исторія литературы	60 названий

Среди произведений русских авторов — сочинения М. Н. Муравьева и Н. М. Карамзина, комедии М. Н. Загоскина, «Ющей Бессмертный, былина старого времени» А. Ф. Вельтмана (М., 1833), первые издания собраний стихотворений Е. А. Баратынского (М., 1827) и А. Н. Майкова (Спб., 1842), стихотворные сборники Гнедича, Бенедиктова, Елизаветы Шаховой, Павла Шкляревского, многочисленные издания стихотворений «крестьянского поэта» Федора Слепушкина и многие другие.

Первый сибирский роман — «Дочь купца Жолобова» И. Т. Калашникова, изданный в Петербурге в 1831 г., —

СТИХОТВОРЕНІЯ

Е. МИЛЬКѢВА.

МОСКВА.

ВЪ РУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФИИ.

1843.

Титульный лист книги Е. Милькеева

имеет надпись «Его превосходительству Василию Андреевичу Жуковскому с совершенным уважением осмеливается поднести сочинитель».

Редкость — единственное издание «Стихотворений» Евгения Лукича Милькеева, поэта трагической судьбы. Книге предпослано «Письмо автора к Василию Андреевичу Жуковскому», который принял участие в судьбе Милькеева. На некоторых страницах сборника — пометки Жуковского. В библиотеке Жуковского есть и «XII сонетов С. Стромиллова» (М., 1837). Книжка примечательна как по редкости, так и по загадочности своего автора.

Пятое издание «Сочинений» Владислава Озерова (Спб., тип. И. Глазунова, 1828) вышло в двух вариантах. Один из них — на особой бумаге, с очень большими полями — был напечатан всего в 50 экземплярах. У Жуковского именно такой экземпляр с необрезанными полями, в издательском переплете-папке. На его страницах, в трагедии «Дмитрий Донской», рукой Жуковского вписаны некоторые строки.

Кроме известного альманаха «Для немногих» В. А. Жуковский выпускал сборник «Собиратель» — для того же узкого круга читателей, тиражом 10—15 экз. В библиотеке Жуковского сохранился только второй выпуск сборника — здесь напечатаны отрывки из Бюффона, изречения древних и новых классиков, стихотворные произведения, в том числе отрывок из «Полтавы» А. С. Пушкина.

Среди произведений зарубежной литературы на русском языке имеются два тома «Избранного немецкого театра» в переводах Александра Шишкова 2-го (М., 1831). В нем напечатаны трагедии Шиллера «Пикколомини», «Смерть Валленштейна» и «Мария Стюарт» и трагедия Раупаха «Князя Хованские». Готический роман Мэтью Грегори Льюиса «Монах, или Пагубные следствия пылких страстей» (Спб., 1802—1803) издан как «сочинение славной госпожи Радклиф», а «Вампир» Шарля Нодье (М., 1828) выдается за «повесть, рассказанную лордом Байроном».

Особо оформлен экземпляр описательной поэмы Жака Делиля «Сады, или Искусство украшать сельские виды» в переводе А. Ф. Воейкова (Спб., 1816). Переводчик предназначал его для своей жены — «Светланы», а потому переплел его в цельнокожаный переплет с золотым тиснением на обеих крышках и золотыми обрезами, на пере-

плете прикреплена позолоченная пластинка с инициалами Александры Воейковой и датой — «А. В. 1816». Кроме того, Воейков на отдельном листке напечатал и вклеил в книгу посвящение «Доброй моей женушке»:

Ты видела мои труды —
И мне труды мои казались забавой;
К ногам твоим кладу окончанны Сады:
Ты Музой мне была, теперь ты будь мне славой!
Дерпт, 1816-го года Ноября 6-го дня.

Греческие и римские классики у Жуковского были большей частью в переводах на немецкий и французский языки, иногда — с параллельными оригинальными текстами. Преобладают дешевые серии издательства И. Метцлера в Штутгарте — «Греческие прозаики в новых переводах», «Греческие поэты в новых переводах» и аналогичные серии римских авторов. В нескольких изданиях представлены Арриан, Вергилий, Саллюстий, Софокл, Цицерон, Эсхил и многие другие. Гомер — в двадцати с лишком различных изданиях, в том числе «Илиада» на греческом языке (Лейпциг, 1822—1823), «Одиссея» на греческом языке (Вена, 1827—1828 и Ганновер, 1837—1842). Сочинения Гомера имеются во французских, английских, итальянских и нескольких немецких переводах. Есть и русские издания «Одиссеи» в переводе Петра Соколова (Спб., 1815) и «Одиссеи» и «Илиады» в переводах Ивана Мартынова (Спб., 1823—1825 и 1826—1828).

Изучению тех или иных сторон творчества Гомера посвящены книги Фёлькера «Итака, или Опыт географически-антикварного описания острова Итака по Гомеру и новейшим путешественникам» (Лейпциг, 1829), Вильгельма Мюллера «О Гомеровской географии и мироведении» (Ганновер, 1830), «Введение в изучение Илиады и Одиссеи» (Лейпциг, 1836) и др.

Пятнадцатитомная «Римская история» Тита Ливия (Париж, 1810—1812), «Сочинения» Саллюстия (Париж, 1808) и «История Александра Великого» Курция Руфа (Париж, 1800,) изданные параллельно на латинском и французском языках, принадлежали Никите Муравьеву, будущему декабристу. В «Сочинениях» Саллюстия, кроме многочисленных пометок Жуковского во французском переводе, находим пометки Н. Муравьева (в латинском оригинале).

I understand you are about now to select a partner for
 your daughter. I am sure you will select a noble person.
 I am glad to hear of your intention to do so. I am
 sure you will select a noble person.

1. The ship "On" arrived at the
2. The ship "On" arrived at the

Ich bin sehr stolz, sagt Horst, der heilige Tag ist nur, wenn heiteren; denn ich kenne nicht Schöneres, als so recht viel und ungeschrien durch einander zu empfinden, und deutlich zu fühlen, wie der Kopf und Herz gleichsam goldene Sterne sind, und den schweren Menschen wie mit einer leuchtenden Wohlthaten Stimme durchleuchten. Wir sollten täglich recht viele Schwärmungen und solche Anflüge zu erleben haben, statt uns aus Trägheit in uns selbst und die allgütige Gerechtigkeit zu verlieren.

Der Schluß Deines heutigen Trunkes
des ~~anständigen~~ ^{anständigen} ~~Trunkes~~ ^{Trunkes} hat mir nicht gefal-
len, ~~so~~ ^{es} ist doch immer unerlaubt, auf diese
Art mit dem ~~Trunk~~ ^{Trunk} zu scherzen.

O mein Freund, sieh Rudolf aus, wie

[illegible][illegible]

heißt Du denn heute so gar schmerzhaft ge
 worden, daß Du es mir einer Augenblick
 der Vergeßlichkeit so ernst und streng nimmt
 Laß doch die unschuldigen Pfeile ihren Gang
 nehmen der kleine Pöbel sich einmal ergeht,
 der Schmerz soll in nichts weiter als Schmerz be
 deuten; müßt Du ihn aber für eine Verwei
 hung des Gewissens und Erbarmen neh
 men, so thust Du Dir selbst in nahe, Long
 dafür lieber mit mir die Dred.

Er mußte das vorige Lied wiederholen, und Hildesheim begleitete ihn mit seiner Flöte; als er geendet war, sagte Rudolf: Ich habe diesen Schatz heute Nachmittag aufgefunden, als die Abendröthe anfang heraufzuckte, ich hörte eine Flöte aufspielen, und der Ton des Instrumentes gab mir diese Reize ein-

Das ist ein Vortrag zu jenen Liedern,
sagte Ehrenbold, die Du mit vor Anwesenden
(S. 23.)

1847
 1848
 1849
 1850
 1851
 1852
 1853
 1854
 1855
 1856
 1857
 1858
 1859
 1860
 1861
 1862
 1863
 1864
 1865
 1866
 1867
 1868
 1869
 1870
 1871
 1872
 1873
 1874
 1875
 1876
 1877
 1878
 1879
 1880
 1881
 1882
 1883
 1884
 1885
 1886
 1887
 1888
 1889
 1890
 1891
 1892
 1893
 1894
 1895
 1896
 1897
 1898
 1899
 1900
 1901
 1902
 1903
 1904
 1905
 1906
 1907
 1908
 1909
 1910
 1911
 1912
 1913
 1914
 1915
 1916
 1917
 1918
 1919
 1920
 1921
 1922
 1923
 1924
 1925
 1926
 1927
 1928
 1929
 1930
 1931
 1932
 1933
 1934
 1935
 1936
 1937
 1938
 1939
 1940
 1941
 1942
 1943
 1944
 1945
 1946
 1947
 1948
 1949
 1950
 1951
 1952
 1953
 1954
 1955
 1956
 1957
 1958
 1959
 1960
 1961
 1962
 1963
 1964
 1965
 1966
 1967
 1968
 1969
 1970
 1971
 1972
 1973
 1974
 1975
 1976
 1977
 1978
 1979
 1980
 1981
 1982
 1983
 1984
 1985
 1986
 1987
 1988
 1989
 1990
 1991
 1992
 1993
 1994
 1995
 1996
 1997
 1998
 1999
 2000
 2001
 2002
 2003
 2004
 2005
 2006
 2007
 2008
 2009
 2010
 2011
 2012
 2013
 2014
 2015
 2016
 2017
 2018
 2019
 2020
 2021
 2022
 2023
 2024
 2025
 2026
 2027
 2028
 2029
 2030
 2031
 2032
 2033
 2034
 2035
 2036
 2037
 2038
 2039
 2040
 2041
 2042
 2043
 2044
 2045
 2046
 2047
 2048
 2049
 2050
 2051
 2052
 2053
 2054
 2055
 2056
 2057
 2058
 2059
 2060
 2061
 2062
 2063
 2064
 2065
 2066
 2067
 2068
 2069
 2070
 2071
 2072
 2073
 2074
 2075
 2076
 2077
 2078
 2079
 2080
 2081
 2082
 2083
 2084
 2085
 2086
 2087
 2088
 2089
 2090
 2091
 2092
 2093
 2094
 2095
 2096
 2097
 2098
 2099
 2100
 2101
 2102
 2103
 2104
 2105
 2106
 2107
 2108
 2109
 2110
 2111
 2112
 2113
 2114
 2115
 2116
 2117
 2118
 2119
 2120
 2121
 2122
 2123
 2124
 2125
 2126
 2127
 2128
 2129
 2130
 2131
 2132
 2133
 2134
 2135
 2136
 2137
 2138
 2139
 2140
 2141
 2142
 2143
 2144
 2145
 2146
 2147
 2148
 2149
 2150
 2151
 2152
 2153
 2154
 2155
 2156
 2157
 2158
 2159
 2160
 2161
 2162
 2163
 2164
 2165
 2166
 2167
 2168
 2169
 2170
 2171
 2172
 2173
 2174
 2175
 2176
 2177
 2178
 2179
 2180
 2181
 2182
 2183
 2184
 2185
 2186
 2187
 2188
 2189
 2190
 2191
 2192
 2193
 2194
 2195
 2196
 2197
 2198
 2199
 2200
 2201
 2202
 2203
 2204
 2205
 2206
 2207
 2208
 2209
 2210
 2211
 2212
 2213
 2214
 2215
 2216
 2217
 2218
 2219
 2220
 2221
 2222
 2223
 2224
 2225
 2226
 2227
 2228
 2229
 2230
 2231
 2232
 2233
 2234
 2235
 2236
 2237
 2238
 2239
 2240
 2241
 2242
 2243
 2244
 2245
 2246
 2247
 2248
 2249
 2250
 2251
 2252
 2253
 2254
 2255
 2256
 2257
 2258
 2259
 2260
 2261
 2262
 2263
 2264
 2265
 2266
 2267
 2268
 2269
 2270
 2271
 2272
 2273
 2274
 2275
 2276
 2277
 2278
 2279
 2280
 2281
 2282
 2283
 2284
 2285
 2286
 2287
 2288
 2289
 2290
 2291
 2292
 2293
 2294
 2295
 2296
 2297
 2298
 2299
 2300
 2301

Тик Л. Странствия Франца Штернбальда. Ч. 2. Берлин, 1798.

Из новых литератур по числу названий на первом месте стоит немецкая. Многотомными собраниями сочинений представлены Виланд (в 37 томах, Лейпциг, 1794—1805, с многочисленными пометками Жуковского и в 6 томах, Лейпциг, 1797—1798) и Гердер (33 части, Тюбинген, 1805—1810). «Стихотворения» Бюргера (2 части, Геттинген, 1789) подарены Жуковскому Вацлавом Ганкой с надписью на русском языке: «На память Бюргера тебе я посылаю».

Во многих изданиях имеется Ф. Ламотт-Фуке, ряд книг Клопштока, Кристофа Августа Тидге, И.-Г. Фосса, Г. Рабенера, К. В. Рамлера, Фридриха Рюккерта (в том числе «Рустем и Зураб», издано в Эрлангене в 1838 г., с многочисленными пометками Жуковского), Цедлица и других. Из нескольких книг Людвиг Тика особого внимания заслуживает второй том романа «Странствия Франца Штернбальда» (Берлин, 1798). На заглавном ли-

сте надпись «Подарено автором. Дрезден, 12 июня 1821 года», а на страницах 1—146 обширные вставки в текст — записи на полях, а также вычеркивания слов, строк и целых абзацев, т. е. очевидно, следы авторской переработки романа для очередного издания. Имеется и собрание сочинений Тика в 15 томах (Берлин, 1828—1829).

В «Поэтических опытах» Готлиба Конрада Пфеефеля (8 томов, Тюбинген, 1802—1805) на многих страницах Жуковским записаны черновые переводы стихотворений Пфеефеля, которые в изданиях произведений Жуковского фигурируют как оригинальные. Например, во втором томе на с. 180 находим перевод пфеефелевского «Плюща». Это знаменитая «Дружба»:

Скатившись с горной высоты,
Лежал на прахе дуб, перунами разбитый,
А с ним и гибкий плющ, кругом его обвитый...
О дружба, это ты!

(*Стихотворения В. А. Жуковского. Т. 2. Спб., 1824, с. 235*).

В числе нескольких книг Э. Раупаха — трагедия «Крепостные, или Исидор и Ольга» (Лейпциг, 1826). Автор провел в России долгие годы, ценность его трагедии «... состояла не столько в сентиментально-романтическом сюжете, сколько в изображении бесправия крепостных в России»¹⁸.

Есть в библиотеке Жуковского и «Стихотворения» Фердинанда Фрейлиграта (Штутгарт, 1840) и четвертое издание «Стихов живого человека» Г. Гервега (Цюрих, 1842). Революционные идеи авторов сочувствия у Жуковского не вызвали, если судить по его пометкам на книге Гервега («набор слов без смысла» и т. п.).

Разнообразны в библиотеке произведения немецкой народной литературы: «Песнь о Нибелунгах» в нескольких переводах — на современный немецкий и французский языки; «Бедный Генрих», изданный И. Бюшингом, с великолепными гравюрами сепией Франца Хеги (Цюрих, 1810), издания легенд и сказок, народные книги (о прекрасной Мелюзине и т. п.).

Французская и английская литература в библиотеке Жуковского представлены с меньшей полнотой. Среди

¹⁸ Данилевский Р. Ю. «Молодая Германия» и Россия. Л., 1969, с. 121.

французских авторов — Шатобриан (5 томов, Париж, 1840), Мармонтель, Флориан, Гюго, Мериме, Дюма, Нодье и другие.

Замечателен экземпляр еще одного, французского, издания «Садов» Делиля (Париж, 1801). По этому экземпляру Воейков переводил поэму на русский язык. Кроме многочисленных следов переводческой работы, Воейков оставил на страницах книги дневниковые записи, в них упоминается и Жуковский. Записи Воейкова позволяют в чем-то уточнить не только позднейшие работы А. Н. Веселовского и Модеста Гофмана о Жуковском, но даже дневниковые записи самого Жуковского.

Как курьез можно назвать «Адский словарь, или Исследования и рассказы о демонах, о духах, о фантомах, о призраках...», изданный в двух томах в Париже в 1818 г. и украшенный двумя гравюрами-фронтисписами.

Английская литература представлена сочинениями Фильдинга в 12 томах (Лондон, 1783); фронтиспис-портрет к первому тому гравирован на меди Тэйлором по рисунку Хогарта. Есть книги Байрона, как в оригинале, так и в переводах. Среди последних выделяются знаменитые «Мемуары» (5 томов, Брюссель, 1830—1831). Многочисленны издания произведений Вальтера Скотта, нравоучительных романов и повестей популярной в свое время английской писательницы Марии Эджворт.

«Российская антология» Джона Боуринга (Лондон, 1823) положила начало более полному знакомству англичан с русской литературой. С ее помощью Энгельс изучал русский язык и литературу. В антологии напечатаны переводы стихотворений Ломоносова, Державина, Дмитриева, Жуковского, Карамзина, Батюшкова, Мерзлякова, Вяземского и других русских поэтов, а также переводы некоторых народных песен («Ах, кабы на цветы да не морозы»; «На восходе красна солнышка»; «Ты, душа моя» и др.). Знакомила английскую публику с русской литературой и книжка Джорджа Борроу «Таргум, или Метрические переводы с тринадцати языков» (СПб., 1835). В этой книге с отдельным заглавным листом были напечатаны переводы «Талисмана» и других стихотворений Александра Пушкина.

Из итальянской литературы имеется «Божественная комедия» Данте на итальянском языке, а также в нескольких немецких и французских переводах; Сочинения Голь-

Д а в Е р б е и.

2 Freundschaft! dich erkennt mein Herz, in diesem
Bilde.

Schiller
 sagende: Steynors ^{unipolar} es Bicomite
 Aesthet ~~unipolar~~ syde parabol
 Act nunt u ludi' isten, ~~unipolar~~ es
 o ludi' --
 O ludi'! No me!

Пфеффель Г. Поэтические опыты. Т. 2. Тюбинген, 1802.
Автограф В. А. Жуковского — черновой перевод стихотворения «Плющ»

дони; прекрасно изданные «Трагедии» Витторио Альфиери (на итальянском языке, 6 томов, Париж, 1787—1788) и др.

Были у Жуковского некоторые книги датских, чешских, польских, испанских и других авторов. Среди них — сочинения Кальдерона; «Дон Гуан Тенорио. Религиозно-нравственная фантастическая драма» Хозе Сорилья-и-Морала, изданная в немецком переводе в Лейпциге; «Ши-Цзин, китайская книга песен...», переведенная Рюккертом (Альтона, 1833).

Из сочинений по теории и истории литературы выделяется монументальный «Лицей, или Курс древней и новой литературы» Лагарпа (16 томов, Париж, 1799—1805), досконально изученный Жуковским. Так же основательно проработаны пять томов «Принципов литературы» Ш. Баттё (Париж, 1777). Напротив, лекции Августа Вильгельма Шлегеля «О драматическом искусстве и литературе» (3 тома, Гейдельберг, 1817) имеют немногочисленные пометки Жуковского только в первом томе.

Среди работ русских авторов можно назвать курсы литературы Шевырева и Греча, «Опыт о русском стихосложении» А. Х. Востокова (Спб., 1817) и «Замечания на Опыт о русском стихосложении г-на В. и нечто о Просодии древних» Н. Гнедича, изданные анонимно и без указания места и года. Вероятно, это отдельный оттиск из № 10 и 11 «Вестника Европы» за 1818 г., где впервые был напечатан этот отклик Н. И. Гнедича на «Опыт...» Востокова.

Книга Кёнига «Картины литературной жизни в России» (Штутгарт, 1837) в библиотеке Жуковского имеется в двух экземплярах. Кёниг написал ее в сотрудничестве с русским писателем Н. А. Мельгуновым, в 1820-х гг. близким кружку «любомудров», а впоследствии сотрудничавшим в изданиях Герцена. Книга вызвала яростные нападки Греча. В ответ Мельгунов в 1839 г. напечатал «Историю одной книги» (Москва). Она также есть в собрании Жуковского. М. Азадовский указывал, что именно в книге Кёнига впервые был употреблен термин «сибирская литература».

Среди довольно большой группы теоретических и практических трудов по разным языкам, учебников и словарей выделяется книга Ф. С. Шимкевича «Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками», изданный в двух частях Академией наук

в 1842 г. Книга Шимкевича имела такой успех, что даже для наследника престола не могли найти экземпляра в продаже. Очевидно и Жуковский не смог купить его, экземпляр его библиотеки принадлежал Гоголю — на обложке надпись «Николаю Васильевичу Гоголю».

Сочинений по философии в библиотеке Жуковского свыше 70 названий. Здесь также преобладают немецкие авторы, некоторые из них представлены многотомными собраниями сочинений — уже упоминавшийся Гердер в 33 частях, сочинения Иоганна Якоба Энгеля в 10 томах (Берлин, 1801—1805). Имеется ряд хрестоматий и обзорных курсов немецкой философии.

Большое влияние на Жуковского оказал Христиан Гарве, представитель так называемой популярной философии, пропагандист идей Просвещения. В собрании Жуковского 9 разных сочинений Гарве, все со следами внимательного чтения.

Представлены труды английских и французских мыслителей — «Сочинения милорда графа Шефтсбери» во французском переводе (3 тома, Женева, 1769); «Теория нравственного чувства» Адама Смита в немецком переводе (Лейпциг, 1791); «Сочинения по естественной истории и по философии» Шарля Бонне (18 томов, Невшатель, 1779—1783) и некоторые другие.

Сочинения по истории, археологии, мемуары, современная Жуковскому публицистика составляют значительную часть его библиотеки — около 140 названий, не считая исторических сочинений греческих и римских авторов. По всеобщей истории — многотомные сочинения Ансильона, Мармонтеля, Эйхгорна, книги Архенгольца, К. Л. Блюма, Дж. Гэста, Г. Хэллама и многих других; мемуары Франклина, Гизо, мадам Ролан.

Углубляясь в русскую историю, Жуковский изучает «Русскую летопись по Никонову списку», изданную Академией наук в 8 частях в 1767-1792 гг.; «Летопись Несторову с продолжателями по Кенигсбергскому списку», изданную также Академией наук в 1767 г. как первый выпуск «Библиотеки российской исторической...» С эпохой Алексея Михайловича и Петра I Жуковский знакомится по книгам В. Н. Берха «Царствование царя Алексея Михайловича» (Спб., 1831) и В. Бергмана «История Петра Великого» (6 томов, Спб., 1833—1834). Событиям русской истории посвящены и сочинения иностранных авторов.

Жуковский живо интересовался новейшей историей. Ей посвящены «Заметки о важнейших событиях французской революции» мадам де Сталь (Париж, 1820); книга Г. Капеля «О происхождении и развитии революционного духа» (Гаага, 1833); «О демократии во Франции (январь, 1849)» Франсуа-Пьера Гизо (Париж, 1849); «Конституционный вопрос» де Баранта (Париж, 1849) и др. Не прошли мимо Жуковского и идеи социализма и коммунизма — книга Л. Штейна «Социализм и коммунизм современной Франции» (2 тома, Лейпциг, 1848) хранит следы внимательного чтения; были у него и три тома сочинения Л. Рейбо «Этюды о реформаторах или современных социалистах» (Брюссель, 1844).

Не так много книг по вопросам государства и права (28 названий), по политической экономии и практической экономике (18 названий). Тщательно изучено Жуковским сочинение К. Галлера «Реставрация науки о государстве» (6 томов, Винтертур, 1820—1825), в котором критикуется учение Руссо о договорном происхождении государства и доказывается, что неравенство в человеческом обществе — естественное состояние. Есть в собрании Жуковского экземпляр книги «Законы... и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича», изданной К. Калайдовичем и П. Строевым в 1819 г.; уставы о цензуре 1804 и 1828 гг. и др. Экземпляр «Статистических сведений о ссыльных в Сибири за 1833 и 1834 годы», напечатанных «по высочайшему соизволению» в типографии II отделения в 1837 году, разрезан частично, без помет.

Из сочинений русских экономистов можно назвать книгу декабриста М. Ф. Орлова «О государственном кредите», изданную анонимно в 1833 г. Это первое в мировой литературе изложение буржуазной теории государственного кредита. Одно из главных сочинений адмирала Н. С. Мордвинова «Рассуждение о могущих последовать пользах от учреждения частных по губерниям банков» в библиотеке Жуковского представлено третьим, дополненным изданием 1829 г.

«Новые принципы политической экономии» — основной труд Ж. Сисмонди, основоположника нового направления в политической экономии, экономического романтизма; в собрании Жуковского хранится второе издание (Париж, 1827).

Очень большое место в библиотеке Жуковского — свыше 200 названий — занимают книги по географии, путевые записки, описания путешествий, путеводители и т. д. Многие из путеводителей сопровождали Жуковского в его многочисленных странствиях, на них — обильные пометки, записи и даже зарисовки. Так, в «Путеводителе по Флоренции и ее окрестностям» А. Булгарини (Флоренция, 1838) — многочисленные пометки в тексте, набросанные Жуковским схемы развески картин в знаменитых флорентийских галереях и перечни имен художников, а на чистом листе перед началом книги Жуковский сделал детальный набросок — вид Флоренции.

Читая книгу Г. Шуберта «Путешествие по южной Франции и по Италии» (Эрланген, 1827—1831), Жуковский сделал ряд пометок и в первом, и во втором томах сочинения. Отчеркивая с излишним усилием несколько строк на стр. 375 второго тома, Жуковский обломил карандаш, вложил его между стр. 376—377 и больше к этой книге не возвращался — карандаш Жуковского сохранился до наших дней.

Многочисленную группу в библиотеке Жуковского образуют издания по педагогике, семейному воспитанию, учебные пособия, описание некоторых учебных заведений и т. п. — около 120 названий. Среди них «Собрание сочинений» знаменитого педагога Иоганна Генриха Песталоцци (12 томов, Штутгарт, 1819—1824) и большая группа учебных пособий, составленных Жуковским и его коллегами для занятий с наследником престола, — «Обозрение геометрии», «Начертание плоской тригонометрии», «Грамматические таблицы русского языка», «Хронологические таблицы древней истории», «Начертание христианского учения» и пр. Эти пособия печатались очень ограниченным тиражом (от 10 до 50 экземпляров), не имеют обозначения года и места печати.

По естественным наукам в библиотеке Жуковского около 80 названий: «Естественная история» Бюффона и Ласепеда (70 томов, Париж, 1799—1809), книги дерптского профессора, друга Жуковского Г. Ф. Паррота, «Химические письма» Юстуса Либиха (Гейдельберг, 1844) и т. д.

Встречаются у Жуковского также книги по библиографии (в том числе знаменитый «Опыт российской библиографии» В. Сопикова), по военному искусству, медицине,

жизнеописания, похвальные и надгробные слова и т. д. — около 80 названий.

Немногочисленна группа периодических изданий (12 названий), но среди них некоторые замечательны по своему содержанию или редкости. Старейшее из них — «Новая библиотека словесности и свободных искусств», выходившая в 1766—1780 гг. в Лейпциге. В седьмом томе этого издания напечатано «Известие о некоторых русских писателях» — первый сравнительно подробный обзор русской литературы XVIII в. Автором его одни исследователи называют А. А. Волкова, другие — С. Г. Домашнева. «Известие...» оказало несомненное влияние на «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова.

В Ревеле (современный Таллин) Карл Кнорринг издавал «Русскую библиотеку для немцев». У Жуковского хранились три выпуска этого издания за 1831 г. В первых двух выпусках напечатаны «Борис Годунов» Пушкина, «Три пояса» и «Марьяна роца» Жуковского, «Семен Кирдяпа» Н. Полевого. В третьем же выпуске опубликован немецкий перевод «Горя от ума» А. С. Грибоедова — на два года раньше и в более исправном виде, чем первое русское издание.

Немного в библиотеке Жуковского рукописных книг — 9 на русском и 4 на немецком языках. Преобладают летописи или сочинения по русской истории, а также повести и стихотворные сочинения — сборник с записками А. Матвеева о стрелецком бунте и сочинениями Стефана Яворского; «Книга чиновная. Писаны походы... под царство великое град Казань»; «Описание о построении городов и острогов в Сибири»; «Проигранный заклад, или Полчаса испытания», комедия в вольных стихах крепостного поэта Ивана Сибирякова и др.

Рукописная книга Х. Г. Манштейна «История, политические и военные записки о России от 1727 по 1744 год» подробно описывает придворную жизнь и внутреннее положение России. Это свидетельство очевидца: Манштейн состоял на русской службе. В конце книги запись: «Конец запискам господина Манштейна, переведенным на российский (язык) старанием Никиты Никитича Демидова числа 27 июля 1773 в Санкт-Петербурге». Возможно, это автографическая рукопись переводчика (в тексте книги и на вшитых после переплетения листах внесены

исправления). Во времена Жуковского книга издавалась дважды (в 1810 и в 1823 г.), перевод рукописи не идентичен ни одному из печатных изданий.

Рукописная повесть Ф. А. Гебгарда «Арина» (на немецком языке) поднесена Жуковскому к новому 1837 году. Действие ее происходит в Крыму, в имении Давыдова. Гебгард был актером и режиссером немецкого театра в Петербурге, в 30-х гг. гастролировал по Германии, затем возвратился в Россию и жил в Москве на пенсии.

Большая группа (185 названий) — книги религиозного, духовно-нравственного и мистического содержания — издания и комментарии библейских текстов, священная история, сочинения некоторых мистиков, старых и новых. Среди них можно упомянуть «Сочинения» Мартина Лютера в 10 томах, изданные в Берлине в 1840—1841 гг. и «Историю святых ангелов» Иоганна Зильберта (Эльберфельд, 1843).

Изучение библиотеки В. А. Жуковского продолжается. Оно позволит по-новому осветить некоторые стороны формирования взглядов и творчества Жуковского.

Томск

ИЗ «ЗАМЕТОК БИБЛИОФИЛА»

В 1932 г. в Тарту вышла книга «Заметки библиофила». Она построена в основном на воспоминаниях недавнего прошлого, поэтому многие имена в ней зашифрованы. Сам автор укрылся под инициалами Ю. Г., которые, впрочем, легко разгадать — Юлий Генс.

«Заметки» вышли ограниченным тиражом (200 экземпляров) и давно стали библиографической редкостью.

Еще меньше, чем «Заметки библиофила», известен книголюбам сам автор. Между тем это очень интересная личность. Он оставил определенный след в художественной жизни Эстонии.

Юлий Борисович Генс (1887—1957), уроженец старинного Дерпта — Юрьева — Тарту, происходил из зажиточной семьи и получил хорошее образование. Окончив юридический факультет Юрьевского университета, он из адвокатуры, однако, «сбежал». Ю. Генса с детства тянуло к искусству. Он изучает творчество любимых художников в галереях Германии и Италии. С 1912 г. Генс живет в Москве, не пропускает ни одного вернисажа, встречается с Маяковским. С этого времени Ю. Генс становится приверженцем и страстным пропагандистом многогранного русского искусства.

Возвратившись в Эстонию, Ю. Генс со свойственной ему энергией участвует в культурной жизни Тарту и Таллина. Он много делает для ознакомления соотечественников с достижениями советской культуры, часто бывает в Москве и Ленинграде, присутствует на I съезде писателей. В 20—30-х гг. Ю. Генс организует многочисленные выставки в эстонских музеях, составляет и издает их каталоги, активно печатается в искусствоведческих изданиях. Перу Ю. Генса принадлежит более 20 книг и брошюр, около 150 журнальных и газетных статей (преимущественно на эстонском языке). Но главные труды Ю. Генса остались в рукописи.

Спасаясь от гитлеровской оккупации, Ю. Генс оказался в Ташкенте, где был зачислен в штат Государственной публичной библиотеки. Здесь на основе библиографических и архивных разысканий он создает труд в пяти томах — «Материалы к истории изобразительного искусства и народного творчества Советского Узбекистана».

Вернувшись после войны в Таллин, Ю. Генс решает создать подобный труд по эстонскому искусству, тем более что еще в 1936 г. им были завершены словарь эстонских художников и указатель выставок в Эстонии. К 1953 г. работа представляла собою 14 машинописных томов — более

6000 страниц (личный экземпляр Ю. Генса с различными приложениями и иллюстрациями составляет 28 томов и ныне хранится у его сына). Этот уникальный библиографический труд, к сожалению, не увидел света, но специалисты имеют к нему доступ и часто им пользуются. Имя Ю. Б. Генса заслуженно включено в Эстонскую советскую энциклопедию.

Вращаясь в литературных и художественных кругах, Ю. Генс стал коллекционером. Он позднее скажет о себе: «Собирательство было моим вторым „я“». Ю. Генс увлекался живописью, графикой, произведениями прикладного искусства, но главной страстью всегда оставались книги. Приобретать их он начал в отроческом возрасте. К моменту эвакуации в 1941 г. его библиотеку считали по праву одной из самых выдающихся среди частных собраний XX в. в Эстонии. Она состояла из 6500 названий (8500 томов). Кроме того, имелась коллекция гравюр (5000 экз.) и эскизов, богатейшее собрание выставочных каталогов.

Ценность библиотеки Ю. Генса определялась не столько количеством книг, сколько исключительным их подбором и состоянием. Среди иллюстрированных изданий на многих языках ядро составлял раздел русского искусства. В конце 1930-х гг. владелец задумал выпустить каталог своего собрания. В 1939 г. тиражом 130 экземпляров вышла в Таллине первая часть каталога, где описывались книги по библиографии, книговедению, а также справочники (1348 названий).

На долю этой библиотеки выпала трудная судьба. Еще в 1941 г. Ю. Генса по предложению Наркомата иностранных дел СССР включили на правах эксперта в Смешанную советско-германскую комиссию по переговорам о культурном имуществе. Речь шла об имуществе многих старинных немецких родов, несколько веков господствовавших в Прибалтике. Теперь они в спешном порядке уезжали в фашистскую Германию и увозили с собою награбленные у эстонского народа богатства. Ю. Генс при таможенном досмотре должен был выявлять произведения искусства, имеющие государственную ценность, и препятствовать вывозу их за границу. Деятельность Генса на этом ответственном посту гитлеровцы запомнили ему, когда оккупировали Эстонию. Библиотеку Генса немедленно конфисковали, упаковали в ящики и отправили в Германию.

Незадолго до смерти Генса неожиданно выяснилось, что его книги в качестве военного трофея благополучно возвратились в СССР и оказались в фондах библиотеки АН Белорусской ССР. Часть из них позднее была передана в Таллин, в библиотеку АН ЭССР.

Как любой библиофил, Ю. Генс всегда испытывал желание рассказать друзьям по увлечению о своем собрании. Так возникли еще в 30-е гг. «Заметки библиофила», которые автор рассматривал как начало своих мемуаров. Продолжить их, однако, удалось лишь на склоне лет, в 1952—1956 гг. Записки разрослись и стали по сути дела летописью жизни, насыщенной многими значительными событиями и встречами с яркими людьми из мира искусства. Воспоминания, несмотря на их некоторую мозаичность, вполне заслуживают опубликования. Они вводят в научный оборот новые и оригинальные сведения из истории русского и эстонского собирательства в первой трети XX века.

В предлагаемых отрывках последовательность расположения материала нами несколько изменена, стилистически отредактирован текст.

Фрагменты из второй части «Заметок библиофила» Ю. Генса публикуются с любезного разрешения его детей, искусствоведов, И. Ю. Генс (Москва) и Л. Ю. Генс (Таллин).

О. Ласунский

О КНИГАХ

В предисловии к первой части каталога моей библиотеки, изданной в 1939 году, имеется фраза: «С тех пор я поплыл по безбрежному и бесконечному книжному океану. Плывешь по инерции к недостижимой цели, и захватившее тебя течение сильнее доводов разума. Хозяином положения уже давно стала сама библиотека...»

Выходит, будто я стал рабом книги? Это все же не так. Я всегда оставался господином положения. Я строил искусствоведческую библиотеку, этой программы держался и таковую библиотеку построил. При комплектовании своего собрания я всегда себя ограничивал. В последнее десятилетие я перестал набрасываться на все книги по искусству; понял, что все, что издается, мне не приобрести, и потому ограничил свои покупки почти исключительно книгами по русскому искусству. В 1930 году я составил каталог своего собрания, он сохранился в университетской библиотеке в Тарту. За десять следующих лет собрание мое увеличилось на 2500 названий, и большинство книг относится именно к русскому разделу.

Возникает вопрос: имею ли я право именовать себя библиофилом? О, да! Книгой жил, книгу любил и книгу великолепно знал. В памяти хранились тысячи редких книг, их цены; подержав книгу раз в руках, я ее уже не забывал. Я был ходячим каталогом, справочником редких книг. (. . .)

Книги давали пищу моему увлечению искусством, но они имели и самодовлеющую ценность: помимо автора, у них был художник, переплетчик, был рабочий, создававший особые сорта бумаги. А сколько прелести прибавлял экземпляру чудесный марокен! У меня имелись книги, которые я приобрел исключительно из-за переплета, другие — из-за гравюр, украшающих книгу... При этом я не считаю себя библиоманом, никогда не гнался за количеством изданий, как и за «редкостями», в которых вся ценность сводилась к ошибке типографа или наборщика.

С увлечением собирал гравюры, книжные знаки, заботился о полноте этих собраний, отдавал им часть своего собирательского темперамента. Но книги были прежде всего...

Первую часть каталога своего собрания я отдал «книгам о книгах», твердому фундаменту, на котором покоится моя библиотека. Считал это лучшим способом поделиться своими знаниями и опытом: без нужных справочников знатоком книги сделаться нельзя. В моей библиотеке находилось около полутора тысяч названий, посвященных книговедению, библиофилии, библиографии. Мне помогало изучение тысяч каталогов, ознакомление с результатами книжных аукционов, частично в газетах и журналах, частично в ежегодниках.

Лучшие часы своей жизни я провел, блуждая по антиквариатам европейских столиц, Москвы и Ленинграда, сидя за чашкой кофе в одном из кафе, «Вернер» в Тарту или «Фейшнер» в Таллине, читая очередной, только что полученный букинистический каталог. В дни, когда приходил очередной номер библиофильского журнала («Филобиблон») или какого-нибудь ежегодника, как «Имприматур», у меня было праздничное настроение. Вкуснее казалось кофе, интереснее часы в кафе.

Особенно приятны мне были каталоги «Международной книги» как из Москвы, так и из Ленинграда. Я их переплел в несколько томов. Когда при одном посещении директора «Международной книги» в Москве я рассказал про имеющийся у меня полный комплект всех каталогов, директор сознался, что у него такого нет.

Сколько удовольствия доставляла каждая новая книга! Она просматривалась, потом наступала очередь составления библиографической карточки, иногда и нескольких, так как, помимо алфавитной, имелась еще систематическая картотека. Только после всех этих процедур наступало чтение книги. <...>

Расскажу теперь о своей библиотеке. Чем ближе к нашему времени, тем больше иллюстрированных изданий. Частые поездки в Москву и Ленинград, каталоги «Международной книги» обогащали этот отдел. Я думаю, что советские иллюстрированные издания имелись в моей библиотеке в абсолютной полноте. Моими экземплярами украшались обе выставки советской книги, которые организовывал ВОКС¹ в Тарту и Таллине.

Из русских редкостей уникальной считаю генеалогическое издание К. М. Бороздина, приобретенное через

¹ Всесоюзное общество по культурным связям с заграницей.

«Международную книгу». Даже удивился, когда эту книгу получил. В «Книжных редкостях» Геннади она значится под № 178; Д. В. Ульянинский в описании своей библиотеки говорит, что он сорок лет собирал отдельные издания Бороздина, искал описанное Геннади издание и перестал верить в его существование. Но книга была и соответствовала описанию Геннади.

Желанной книгой каждого собирателя литературы по искусству являются «Византийские эмали А. Звенигородского»: она вышла в свет в 1892 г., на русском языке существовало 200 экземпляров. Ее оформление не отвечает моему вкусу, но книга эта отпечатана со всей роскошью, на которую был способен конец XIX века. Мне удалось купить прекрасный экземпляр, с суперобложкой работы ювелира Сапожникова, с вкладкой, за тысячу рублей. Тогда же приобрел и книгу Стасова с описанием рождения этого издания. Было это в 1934 г. Книгу оставил в Москве на хранение. В следующий свой приезд Звенигородского не нашел: хранителю нужны были деньги, и он издание продал. В 1939 году гулял по Литейному в Ленинграде, заглядывал в окна антикварных магазинов и вдруг увидел Звенигородского, оцененного всего в 400 рублей. Приобрел снова...

У меня хорошо представлена была русская иллюстрированная литература на иностранных языках. Наиболее интересным считаю один из двадцати экземпляров лондонского издания «Пиковой дамы», в котором вся сюита иллюстраций, цветных гравюр на дереве, дана повторно в виде альбома, каждый лист подписан художником. Это единственное издание, упоминаемое П. Д. Эттингером, которое он описывал в своей статье об иллюстрированных пушкинских изданиях за границей не «де визу». Все остальные он перелистывал и просматривал. Такой же редкостью считаю мой экземпляр пушкинской «Гавриилиады» с гравюрами эстонского художника Эд. Вийральта. К каждой из пяти гравюр в книге у меня имелись пробные оттиски в нескольких состояниях, имелся еще один лист в трех состояниях, который издательством не был допущен к печати. Все вместе в индивидуальном переплете работы художника Адамсон-Эрика...

Французское собрание иллюстрированных изданий началось у меня с «Гептамерона» Маргариты Наваррской, изданного в Берне в 1792 г. «Гептамерон» был, вероятно,

последней роскошной книгой из той серии, которую создали откупщики налогов во Франции. Наживая на сборе налогов огромные состояния, откупщики решили выступить в качестве издателей. Популярные произведения французских авторов снабжались гравюрами известнейших мастеров, рисунки изготовлялись лучшими иллюстраторами Франции. Широкой массе экземпляры были недоступны, особенно в переплетах знаменитых художников. Цены были астрономические.

«Гептамерон» я получил как гонорар за составленный мною каталог одной помещичьей библиотеки. Так же в виде дара ко мне перешло четырехтомное издание Блонделя, которое принадлежит к самым роскошным архитектурным увражам. На сотнях гравюр, часто метрового размера, работы большей частью Пикара, нашли свое отражение сооружения эпохи Людовика XIV, дворцы, церкви, особняки его приближенных. В аукционных хрониках, которые помещались в «Старых годах», я нашел сумму в 14 000 франков, уплаченную за экземпляр Блонделя.

Из изданий откупщиков в моем собрании самым эффектным были «Сказки и новеллы» Лафонтена 1762 года, в очаровательном мозаичном переплете Рене Кифера, лучшего переплетчика Франции XX века. К украшению этой книги были привлечены Буше и Эйзен, картины и рисунки которых гравировали крупнейшие мастера того времени. Привлекают внимание прелестные виньетки Шофара. <...>

С начала XIX в. начинается расцвет иллюстрационной техники в гравюре на дереве. Эта эпоха была у меня представлена лучшими своими образцами, к которым причисляю большинство изданий Кюрмера, как, например, «Поль и Вирджиния», «Французы, нарисованные ими самими» в восьми томах. К ним присоединились многие издания Доре, прелесть которого мне раскрылась позже. Достаточно перечислить художников-иллюстраторов, работавших и в литографии, чтобы оценить книги этой эпохи: Домье, Гаварни, Жоанно, Гранвиль и др.

Вторая половина XIX века представлена была у меня слабо, роскошные издания того времени меня не удовлетворяли, отчасти потому так холодно отнесся вначале к Доре. Имелось у меня несколько книг Октава Юзанна, известного библиофила конца прошлого века,

автора ряда сочинений о книгах и книжниках. Более богато представлены были издания XX века, особенно книги с ручной раскраской иллюстраций.

Немецкий отдел редкостей открывался инкунабулой, так называемой 9-й немецкой библией (издатель А. Кобергер). Вторую инкунабулу, также библию, приобрел на рынке в Тарту за несколько крон. Дешевизна объяснялась тем, что последний владелец, безусловно незаконный, не имея возможности таскать с собою тяжелую книгу, вырезал бритвой все иллюстрации, заглавные буквы; вырезывал спеша, неаккуратно; часть некоторых иллюстраций, гравюр на дереве, сохранилась, и по ним мне удалось установить, что это была «Кельнская библия», которой искусствовед Воррингер посвятил специальную монографию.

Так же оригинально попала ко мне третья библия, так называемая «Княжеская». Кто-то стал мне приносить гравюры на библейские темы с текстом на обороте, я покупал их отдельными листами, пока удалось уговорить продавца принести мне библию и сразу получить деньги, но была она некомплектна...

Из немецких старинных изданий упомянул бы еще первый немецкий лексикон художников, автором которого был гравер XVII в. Сандрайт, украсивший словарь сотнями гравюр. Экземпляр мой (второго немецкого издания 1768—1775 гг.) был, как новый, в восьми цельных кожаных переплетах. В антикварных каталогах последних годов словарь оценивался сравнительно дешево. Так же дешево оценивались гравюрные увражи, в фолио, например, о галерее Уффици, о древностях римских: они занимали много места, а времена дворцов прошли. Кстати, этим же объясняется и падение цен на старинные гобелены, их вешать в городских квартирах стало негде, и цена их упала до одной десятой.

Эстонских редкостей было у меня мало. Часто я сам создавал редкости, вплетая в иллюстрированные издания пробные оттиски гравюр, оригиналы иллюстраций, полученные от художников. Из эпохи буржуазной Эстонии выделяю три издания, иллюстрированных Айно Бах, Рихардом Сагритсом и Паулем Лухтейном. Айно Бах иллюстрировала какую-то цыганскую сказку или быль, эта книжка, вероятно, самое роскошное издание на цыганском языке, ее украшают четыре акватинтные гравюры

и несколько гравюр на дереве. Р. Сагритс дал цветные гравюры на дереве. Печатались эти книги по 25 экземпляров и до появления уже были расписаны по владельцам. Гравюры в издании П. Лухтейна немного беспомощны по рисунку. Ему же принадлежат многие писанные книги: как шрифтовик Лухтейн показал себя с лучшей стороны.

К редкостям принадлежат издания, которые являются экзаменационными работами студентов графического факультета художественного института в Таллине. Они набираются, иллюстрируются учащимися, их тираж 25—50 экземпляров. После недавнего приобретения русского шрифта институт выпускает и русские издания; особенно роскошно выпущена одна пушкинская сказка.

Уникальными были несколько фотоальбомов, в которых сняты были все экспонаты выставок, в которых я участвовал, например, миниатюры, показанные на генеалогической выставке в Провинциальном музее в Таллине, или экспонаты на выставке фарфора, мебели и др. <...>

Упоминания заслуживает еще один альбом — двенадцать гравюр на дереве, иллюстрации к двенадцати сонетам Шекспира, работа художника Фридлендера родом из Риги. Художник прислал мне из Нью-Йорка макет предполагаемого им издания, были на отдельных листах отпечатаны и сонеты. Вышло ли задуманное издание в Америке, не знаю, но найдя, по возвращении из эвакуации, эти гравюры, я сделал для них паспарту и заказал соответствующее оформление. У нас в Союзе это единственный экземпляр.

В 1928 году я начал составлять каталог моего собрания, имел он четыре части; один экземпляр, поднесенный мною Университетской библиотеке, сохранился. В третьей части каталога «Искусство: книги русские» (1930) значится около 1200 названий, а в четвертой части «Искусство: книги немецкие и на иностранных языках» (1931) значилось 1900 названий. В 1940 году отдел искусствоведческий содержал 4500 названий, прирост в 1400 названий по сравнению с 1930 годом падает на русские книги. Я уже тогда понял, что «необъятное не обнимешь» и стал приобретать почти исключительно книги, освещающие русское искусство. У меня были подобраны все периодические издания по искусству, от начала XIX века до полного комплекта журнала «Искусство». <...>

В 30 километрах от Таллина находилось имение барона Мейендорфа. Туда я попал по поручению музея — осмотреть копию с картины Рубенса. В помещицьем доме мое внимание было привлечено книгами: часть стояла упакованная в ящики, часть хранилась в огромном шкафу, остальные на полочках. В первой же комнате я обратил внимание на серию книг большого формата, в красных цельнокожаных переплетах: собрание античных авторов на латинском языке. Целая стена занята книгами, которые, по словам хозяйки, являлись военной библиотекой ее деда, генерала от кавалерии барона Мейендорфа; все в зеленом марокене, с суперэкслибрисом — гербом Мейендорфов. В шкафу же были личные книги беседовавшей со мною старушки 83 лет от роду. Она объяснила мне, что эти книги она сама в свое время приобретала, все они русские. Я купил «Думы» Рылеева с его автографом и книжку Бестужева-Рюмина, также с автографом.

Из военной библиотеки я отобрал десятка два книг, все русские редкости, с гравюрами; кроме того, рукопись, описание русско-турецкой войны: автограф — рецензия фельдмаршала Берга подтверждала, что автором рукописи история войны изложена правдиво и что рукопись может быть рекомендована к печати. Обе книги с автографами и рукопись отправил в московский Государственный литературный музей В. Д. Бонч-Бруевичу (несколько раз и раньше посылал ему редкости, которые считал неуместным хранить у себя). В этот же музей позднее отправил архив доктора К. К. Зейдлица, первого биографа Жуковского, содержащий ряд писем поэта.

В Исторический музей направил оригинальные портреты Булгарина и Греча работы В. Тимма (во время моего приезда в Москву на юбилейной Пушкинской выставке на стене висели литографские отпечатки этих портретов).

В Музей В. И. Ленина в Москве передал полный комплект «Правды», со всеми летучками и листками, бывший экземпляр ЦК Германской социал-демократической партии. Приобрел его в берлинском антиквариате «Россика».

Антиквариат «Россика» заслуживает более подробного упоминания. Владелец его был польский подданный Юлий Сигизмундович Вейцман. Человек состоятельный, он антикваром стал из любви к искусству. Он увле-

кался философией, собирал книги по этому вопросу. Когда он в 1937 году напечатал на пишущей машинке свой каталог, в нем содержалось 717 книг по философии. Познакомился я с ним в 1921 году, когда вышел первый номер его каталога; антиквариат находился у него в квартире, я пошел к нему, и началось знакомство, перешедшее в дружбу. Потом он обосновался на Ранке-штрассе. Стали регулярно появляться его каталоги. Печатались они на меловой бумаге, небольшим форматом. Издавал Ю. Вейцман свои каталоги очень тщательно, предлагаемые книги снабжались библиографическими справками и аннотациями. Всего вышло 23 каталога, последний был выпущен совместно с «Петрополисом» в 1932 году, в нем была помещена и книжная хроника. Особенно интересны каталоги Вейцмана за тот год, когда он в Риге сделал большие закупки в книжном магазине Дейбнера из бывшей библиотеки Смирдина.

С приходом к власти Гитлера антиквариат закрылся, книги были сложены в каком-то гараже. Владелец уехал в Лодзь, откуда он был родом. Через несколько лет он оказался в еврейском гетто в Варшаве. Вопрос о судьбе книг, оставленных в Берлине, встал остро. Я предложил переслать книги в Таллин. Книг было около 6000, среди них много таких редкостей, которые в московских антиквариатах давно не появлялись (например, несколько экземпляров первого издания Сопикова). Сперва в ящиках порылись наши библиофилы, остаток откупил таллинский антиквар Булатов, имевший небольшой склад на ул. Пикк; после ликвидации склада Булатов перевез книги к себе в Нымме, где он жил.

Из Варшавы я получал от Ю. Вейцмана грустные письма.

В течение 20-летней переписки у меня набрались сотни его писем. Писал Ю. Вейцман очень живо, с большим юмором. Все, что происходило в мире книг, в жизни русских издательств в Берлине, а она в двадцатых годах была ключом, находило отражение в его письмах. К сожалению, они пропали вместе с моим имуществом. Пропали в моем архиве и большие ценности: письма Моллера к его жене в Курессааре, где они имели имение, письма эти художник отправлял своей жене в течение 20 лет из Петербурга. Пропали письма графини Фикельмон, жены австрийского посла в Петербурге, которые она писала из Петербурга своей сестре...

Еще несколько слов о своей библиотеке. Перед эвакуацией заглянул в свой кабинет. Начал думать, что забрать? Все забрать немислимо, потому решил взять на память лучшие произведения полиграфического искусства. Забрал инкунабулу — библию Кобергера и книгу, изданную Альбрехтом Дюрером; «Жизнь Нимрода» на английском языке, с 35 акватинтами художника Элькина; «Сказки и новеллы» Лафонтена 1762 года; из русских книг — басни Крылова, знаменитое миниатюрное издание, для которого был отлит специальный шрифт — алмазный; взял с собою эстонское издание с гравюрами Айно Бах.

Библия Кобергера нашла себе место в Государственной публичной библиотеке УзССР в Ташкенте; там же остался и томик басен Крылова. Когда думаю об этой самой маленькой книге в России, невольно вспоминается и самая крупная по формату книга: коронационный альбом Александра II. Он печатался в Париже, экземпляры его не продавались. Для этой книги В. Тимм нарисовал ряд иллюстраций; по специальному указанию императорского двора Тимм получил разрешение на зарисовки в Кремле и на Ильинке; альбом, в котором он зарисовывал интерьеры дворца и отдельные предметы, у меня сохранился. Для коронационной книги также был отлит крупный шрифт, использованный только для этого издания. Я был горд, когда прочел, что на выставке, посвященной 200-летию Академии наук в Ленинграде, на отдельном столике лежали рядом самая крупная и самая миниатюрная книги в России. Обе они имелись в моем собрании.

Издание Дюрера продал университетской библиотеке в Ташкенте; английскую книгу — Библиотеке имени В. И. Ленина в Москве; Лафонтена — одному собирателю в Москве, Айно Бах — библиотеке Академии наук в Таллине. Так забранные при эвакуации книги разошлись...

Приобретение книг для меня не являлось самоцелью, покупались книги, нужные мне для работы как искусствоведа. Их были тысячи, внимательно с ними знакомился, но свои симпатии и влечения отдавал другого рода книгам.

Когда я задумываюсь над определением характера своих самых любимых книг, то должен сознаться, что это были книги, имевшие приключенческий оттенок. Про-

чел в своей жизни огромное количество детективных романов. Но разве может Пинкертон, даже Шерлок Холмс сравниться с чтением книги Козлова о находке в Монголии зарытого в песках пустыни города Хара-Хото, или с Ауриелем Штейном, описывающим найденные в замурованных пещерах Индии художественные сокровища и рукописи?

К этой же категории принадлежат отчеты о путешествиях и книги по археологии; они занимают в моем собрании почетное место. Описание Картером находки могилы Тутанхамона или Шлиманом — открытия легендарной Трои заменяют мне сказки 1001 ночи. Что может быть интереснее рассказа французского ученого о том, как он случайно обнаружил в пещере фрески ледникового человека!

Меня всегда интересовала обширная область мемуарной литературы. Во время осмотра европейских достопримечательностей в памяти, как правило, возникали не академические исследования, а записки Казановы или Челлини. Мемуарного типа книга Гогена «Ноа-Ноа», описывающая его жизнь на островах Великого океана, дает больше для понимания его творчества, чем научная монография о нем.

Мемуары антикваров и библиофилов проглатывались в один прием. Невольно проводил параллели с собственной жизнью в мире собирателей, с собственными приключениями и начинал писать...

Таллин

А. Маркушевич

РАССКАЗЫ О КНИГАХ

ОДНА В СССР

Помню, как 15 лет назад я принес из магазина иностранной книги в Москве, помещавшемся тогда на улице Герцена, конволют in folio первой четверти XVI в. Для меня было вполне достаточно того, что второе и третье места в нем (из пяти) занимали великолепные издания известного немецкого математика и предсказателя нового всемирного потопа Михаила Штофлера: «Большой римский календарь», Оппенгейм, 1518 и его же «Трактат об астрологии», там же, 1512 г. На другие сочинения, переплетенные вместе с этими, я бросил лишь беглый взгляд.

Прошло несколько месяцев. Я хотел в часы досуга позабавить мою жену, ныне покойную, рассказом о том, как С. А. Соболевский хотел выудить у Я. Ф. Березина-Ширяева случайно попавший к тому редчайший сборник путешествий, изданный в Нюрнберге в 1508 г. и включавший одно из ранних описаний открытия Америки, о том, какие комические стихи и письма Соболевский по этому поводу сочинял, как он успел в своем намерении завладеть редкостью и как после вскоре последовавшей его смерти книга была с аукциона в Лейпциге продана в США за 6000 долларов, по уверению Березина-Ширяева. Последняя цифра больше всего его огорчала. Но как только я стал цитировать самое первое, наивное и путанное описание книги, сделанное самим Березиным-Ширяевым, я вдруг остановился. Где я видел эту гравюру с изображением земного шара в центре круто извивающейся ленты, на которой было помещено название книги? «Настя, — сказал я, — а ведь я могу показать тебе эту книгу», и после этого уверенно раскрыл конволют. Действительно, четвертое место в нем

занимал полулегендарный сборник путешествий, послуживший в свое время яблоком раздора между двумя известнейшими русскими библиофилами прошлого века. Спешу добавить, что, конечно, это не был тот же самый экземпляр. Экземпляр Березина-Ширяева — Соболевского так и остался в США. Но кроме него во всем мире было еще, по крайней мере, четыре, как утверждают библиографические справочники, и вот один из них, ранее находившийся за границей, попал в нашу страну, чтобы задержаться в моей библиотеке. Краткий очерк об этой книге я поместил в 1964 г. в журнале «В мире книг», озаглавив его: «Одна в СССР». Однако редакция не согласилась с таким категорическим утверждением и вставила частицу «ли». Так и получился не совсем складный, но зато осторожный заголовок: «Одна ли в СССР?».

ИСТОЧНИКИ «СИМВОЛОВ И ЭМБЛЕМ»

Меня давно уже интересовала роль эмблемы в истории человеческой культуры. При этом эмблему или символ я понимаю как предмет или его изображение, которому все общество или только определенные его круги придали смысл, отличный от его непосредственного, так сказать, обыденного, жизненного смысла и выражающий отвлеченную идею или понятие. Эмблемы несут свою службу и поныне. Назову хотя бы серп и молот, голубя мира, красный крест.

Начиная с глубокого средневековья за столетия в Западной Европе вырабатывался своеобразный язык символов, вобравший в себя немало элементов античной культуры. Знание его считалось необходимым для каждого образованного человека и не только для того, чтобы разбираться в гербах, но и для того, чтобы ориентироваться в светской беседе. Я уже не говорю о таких общеизвестных символах, как изображение времени в виде старца с крыльями и с косою в руках, или счастья в виде молодой женщины с завязанными глазами, на ногах у нее маленькие крылышки, она легко скользит, опираясь на колесо или шар. Но вы должны были бы также знать, что изображение ежа символизирует идею: «я покрываюсь своей добродетелью», а при виде скорпиона вспомнить, что он «погибнув, исцеляет нанесенную им рану» и т. д.

Неудивительно, что среди первых книг, напечатанных по желанию Петра I в Амстердаме, было собрание символов и эмблем, переизданное с дополнениями не только при Екатерине II, но и при Александре I. В этой книге проводилось четкое различие между символом и эмблемой, которого мы, впрочем, не придерживаемся здесь: эмблемы — это сами изображения, а символы — их смысловое раскрытие в виде изречений. В западноевропейской литературе эти изречения именовались также девизами. В нашем собрании долгое время было только позднейшее издание этой книги, осуществленное Максимовичем-Амбодиком в 1788 г. (правда, в двух экземплярах). А экземпляр первого издания 1705 г. попал к нам лишь тогда, когда у нас скопилась целая коллекция (около полусотни) западноевропейских сборников символов, изданных по большей части в XVI—XVII веках. Как я уже отчасти говорил, меня интересовала более широкая, вообще говоря, не книговедческая, а историко-культурная проблема — истоки и развитие восприятия мира в символах. Однако я не мог отказать себе в удовольствии непосредственно сравнить петровский сборник с его западноевропейскими предшественниками. Результаты оказались неожиданными: они были опубликованы мною в статье: «Об источниках амстердамского издания «Символы и эмблемата» (1705)» («Книга», сб. 8, 1963). Вкратце они сводятся к тому, что из 840 эмблем нашего сборника 708 были извлечены из сборника девизов и эмблем амстердамского издателя Де ла Фея (первое издание в 1691 г.), а все остальные — из другого сборника, выпущенного в свет тем же издателем в 1696 г. под заглавием: «Любовные девизы и эмблемы». Справедливости ради нужно сказать, что впервые на сборник Де ла Фея 1691 г., как на «подлинник» петровского сборника, указал еще В. С. Сопиков в своем «Опыте». Оказалось, однако, что слово «подлинник» неприменимо к этому изданию, даже в той части, о которой я только что говорил. Сам Де ла Фей на титуле своего издания пояснял, что его девизы и эмблемы заимствованы «у наиболее прославленных авторов». Но он был не до конца искренен. Я обнаружил, не выходя из нашей библиотеки, что все эмблемы и все девизы из первого сборника Де ла Фея перенесены им из вышедшей за шесть лет перед тем в Париже «Книги, интересной и полезной для ученых и художников» мастера-гравера Никола Верьена. Ни к каким другим «прослав-

ленным авторам» Де ла Фею здесь не пришлось прибегать. Любопытно, что когда я делал эти выводы, у меня в собрании было только более позднее издание сборника Верьена, на титульном листе которого был проставлен 1724 г., т. е. дата более поздняя, чем год выхода амстердамского издания «Символов и эмблем». Но я полагался тогда на показания авторитетных западных библиографов, согласно утверждавших, что сборник Верьена не менялся при перепечатке. В этом я сам убедился воочию, когда уже после публикации своей заметки приобрел и первое издание Верьена 1685 г. Наконец, шесть лет назад я приобрел второй, полный экземпляр петровских «Символов и эмблем» 1705 г. (в первом не хватало первой тетради).

ГРАФ СЕВЕРНЫЙ И ИМПЕРАТОР ТРАЯН

Одно из правил для посетителей императорской публичной библиотеки, напечатанных в год ее открытия (1814) гласило: «Они не должны ... писать на полях даже и карандашом». Это «даже» очень выразительно: оно свидетельствует о распространенности карандашных помет на книгах к началу XIX века. Уже в нашем веке Альберт Сим, автор своеобразной пятитомной энциклопедии «Книга» (1905—1908) отмечал, что многие из людей, читающих книгу или работающих с ней, пишут свои заметки на полях, подчеркивают слова или целые строки текста. Он с полным сочувствием приводил одно из высказываний по этому поводу: «...чтение должно осуществляться в некотором смысле с целью делать заметки» (Guyot-Daubès). Сам я не прибегаю к таким заметкам, щадя книги. Однако я отлично понимаю, что книги с заметками становятся важным человеческим документом, закрепляющим детали встречи и общения автора с читателем, общения, в котором последний выступает то как ревностный сотрудник и продолжатель дела автора, пытающийся выразить собственные мысли и чувства словами читаемой книги, то как придирчивый редактор и критик. С этой точки зрения книга с маргиналиями приобретает особый интерес для исследователя не только в тех бесспорных случаях, когда маргиналии эти принадлежат выдающейся творческой личности и расширяют и углубляют наши представления о ней, но и во многих других случаях, когда заметки делают люди заурядные. Изучение маргиналий на достаточно представительном ма-

териале и в определенной системе может позволить проникнуть в те обстоятельства книжной судьбы, которые обусловлены восприятием книги читателем определенной среды и эпохи и в результате пролить, быть может, новый свет и на среду и на эпоху.

Именно с этой точки зрения я и буду говорить сейчас о книжке XVIII в., в двенадцатую долю листа, облаченной в красный сафьяновый переплет эпохи, на крышках которого вытиснены золотые двуглавые орлы, заключенные в овальные рамки, а корешок украшен растительным орнаментом, также оттиснутым золотом. По своему содержанию книжка эта ничем особым не выделяется. Это французский перевод «Панегирика Траяну» Плиния Младшего, изданный в 1772 г. в Париже известным французским типографом Барбу. Купил я книгу в свое время в Ленинграде у частного лица, обратив, однако, внимание на многочисленные карандашные пометы на полях, сделанные нервной нетерпеливой рукой. Извилистые штрихи, короткие или длинные, одиночные, парные или тройные, параллельные или пересекающиеся, они отмечали сбоку от текста отдельные выражения, фразы или целые страницы. Кому принадлежали и что могли обозначать эти немые пометы?

Рассматривая книжку, я обнаружил в конце основного текста, перед подробным предметным указателем, несколько карандашных строк на французском языке, слегка пострадавших при обрезке книги переплетчиком: «закончена эта книга к моменту нашего Вступления в Лорету сего 21 января 1782» и рядом с последней датой другая зачеркнутая: «1 февраля». Конечно, речь шла об одном и том же дне, обозначенном и по старому и по новому стилю (в XVIII веке разница между ними была в 11 дней). Но автора выдает, можно сказать, с головой торжественный оборот «наше Вступление» (*notre Entrée*) да еще «Вступление» с прописной буквы: так говорят о себе только весьма высокопоставленные особы. Удалось обнаружить и почти полностью стертое начало записи на авантитуле книги: «Возобновлено чтение этой книги во второй раз между Сенегальей и Анконой в послеобеденную пору 20/31 января 1782 г.» Эта надпись укрепила меня в предположении, которое пришло сначала в голову как простая фантазия, что отметки на полях могли принадлежать Павлу Петровичу, будущему Павлу I, когда он путешествовал с женой Марией Федоровной за границей под именем графа и графини Се-

верных. Приведу здесь только два факта, подкрепляющие эту гипотезу.

Вернувшись из путешествия, С. И. Плещеев, тогда еще капитан-лейтенант, входивший в свиту знатной четы, издал в 1783 г. в Петербурге на свои средства изящно отпечатанную брошюру форматом в лист: «Начертание путешествия их императорских высочеств. . . предпринятого в 1781 и оконченного в 1782 г.». Ее содержание — не что иное, как поденное расписание мест ночлегов или пребывания путешественников и пройденных ими расстояний. Так вот, на стр. 7, относящейся к январю 1782 г., читаем: 20 Анкона, 21 Лоретто. Как видим, даты, а также названия географических пунктов, расположенных на побережье Адриатического моря, полностью совпадают с теми, что указаны в записи на книге. А вот и другой факт. Графиня Хотек, сопровождавшая со своим мужем супругов Северных на пути в Венецию (до 7. 1. 1781 г.), записала в дневнике: «Перед ужином В. княгиня читала нам вслух некоторые места похвального слова Плиния Траяну. Выбор отрывков и выразительность, с которой она читала, равно говорили в пользу ее ума и сердца». Итак, «Похвала Траяну» Плиния Младшего сопровождала наших путешественников. Свидетельство графини Хотек делает понятным, почему запись на книге, сделанная двумя неделями позднее, говорит о возобновлении чтения во второй раз.

Почему для чтения был выбран именно «Панегирик Траяну»? Да потому, конечно, что в XVIII веке Траян пользовался прочной репутацией идеального правителя. Как для наследника Российского престола, давно вступившего в пору зрелости (во время интересующего нас путешествия ему было 27—28 лет), но волей державной матери и ее фаворитов полностью отстраненного от участия в государственных делах, так и для его верной и любящей супруги сочинение Плиния — одного из сподвижников Траяна, восхвалявшего его государственную мудрость и противопоставлявшего его образ правления несправедливым царствованиям предшественников, могло представлять особый интерес.

В пользу выбора именно нашей книжки говорили и ее французский язык, который и Павлу Петровичу и Марии Федоровне был наиболее близок и привычен как язык литературный и разговорный, и прославленное имя переводчика Луи Де Саси, в свое время осуществившего француз-

ский перевод Библии, наконец, карманный формат, прекрасная бумага и изящный четкий шрифт, отличавшие серию классиков Барбу и чрезвычайно удобные для путешественников.

В статье «Опыт истолкования немых помет на полях книги (Граф Северный и император Траян)», еще не напечатанной, я внимательно рассмотрел пометы, сделанные одной и той же рукой, по моей гипотезе рукой Павла (всего их более 120). Трудно отказаться от впечатления, что Павел Петрович выделял, как правило, те критические суждения Плиния о действиях предшественников Траяна, которые в его ушах звучали как обвинения его матери и ее приближенным. Среди же положительных качеств и поступков Траяна он останавливался на тех, которые смог отнести к себе самому или которыми хотел бы обладать в будущем в качестве как бы Траяна на престоле Российском. Напомним, что еще за 10 лет до знакомства с Плинием, в 1771 г., он писал К. И. Сакену из Риги, где обнаружил «страшный беспорядок» в военном ведомстве: «...для меня не существует ни партий, ни интересов, кроме интересов государства, а при моем характере, мне тяжело видеть, что дела идут вкривь и вкось, и что причиной тому небрежность и личные виды. Я желаю лучше быть ненавидимым за правое дело, чем любимым за дело неправое».

Полтора десятка лет протекли со времени чтения Павлом «Похвалы Траяну» до восшествия на престол, годы, заполненные сознанием унижительного бессилия и деятельностью главы игрушечного двора и игрушечного войска в Гатчине. А ведь и «шести месяцев достаточно, чтобы изменить добрые нравы людей; насколько меньше понадобится, чтобы испортить государей». Кто знает, быть может, не раз вспоминал он эти удивительные слова Плиния, если сознавал, как мельчает его ум и ожесточаются его чувства.

Не знаю, читал ли он сказки Шахерезады, например, в переводе Галлана. Но были они знакомы ему или нет, он, пребывая в запечатанной грозной печатью его матери бутылке, мог, подобно сказочному джину, мечтать сначала о том, как он осчастливит людей, вырвавшись на свободу, а потом, во вторую половину своего заточения, все более отчаявшись, готовить людям все более суровые кары. Пометы на полях «Похвалы Траяну» были нанесены рукой джина, не успевшего еще ожесточиться.

«Артиллерия» ПОТЕРЯННАЯ И ВНОВЬ ОБРЕТЕННАЯ

От книг с пометами прямой переход к рукописям. Большинство библиофилов интересуются только печатными книгами, оставаясь более или менее равнодушными к книгам рукописным. Не составлял исключения и я. Но постепенно — отчасти под влиянием М. В. Нечкиной и В. И. Малышева — у меня открылись глаза, и теперь я полностью воспринимаю обаяние рукописной книги, заключающееся в ее неповторимости и своеобразной подлинности, в том, что она выходила обычно только в одном экземпляре и притом непосредственно из живых, теплых человеческих рук, минуя всякое посредство машины. Но, повторяю, этот процесс сближения с рукописной книгой требовал для меня и времени и преодоления какого-то рефлекса отталкивания себя от рукописной книги. Еще лет 10 назад, когда мне предложили среди старинных научно-технических книг польскую рукопись по артиллерии XVII в., я бегло взглянул на нее холодными глазами и отказался — я уверил себя, что это лишь писарская копия одного из сочинений по артиллерии, довольно хорошо представленных в моей библиотеке. Однако, когда спустя некоторое время, на этот раз у меня на дому, ту же рукопись мне предложили снова, я отнесся к ней более внимательно. В результате рукопись осталась у меня, а уплатил я вдвое больше, чем мог бы уплатить при первой с ней встрече. Заслуженный штраф за недостаточную проницательность!

Нет необходимости повествовать здесь о том, как я постепенно изучал эту рукопись, с трудом продираясь сквозь строчки мало мне знакомого польского языка XVII в. Скажу только, что мне очень помогла монография Тадеуша Новака «Четыре века польской технической книги», изданная в 1961 г. в Варшаве. Новаку я послал позже микрофильм рукописи и оттиск своей статьи о ней «Новоткрытое произведение польской научно-технической литературы ХУП в.». Он же написал весьма сочувственную рецензию об этой статье в специальном польском журнале и, кажется, не расстается еще с мыслью опубликовать всю рукопись полностью в издательстве Польской Академии наук. Ну, а теперь пора коротко рассказать, чем оказалась эта рукопись.

Жил в XVII в. в Великом княжестве Литовском шляхтич-инженер и картограф — Йозеф Наронович-Наронский.

Он получил образование, по-видимому, в радзивилловском протестантском лицее в Кейданах (ныне г. Кедайняй Литовской ССР), а около 1640 г. начал работать у богатых магнатов, прежде всего у Радзивиллов, производя измерения и рисуя планы их обширных владений. В 1655—1659 гг. он написал трехтомное руководство «Книги наук математических», первый том которого был посвящен арифметике, второй — геометрии, а третий — основам перспективы и фортификации.

Вскоре после окончания этого труда Наронский оставил родину — он принадлежал к арианам, а последние по решению Сейма от 1658 г. изгонялись из Польши — и обосновался в Пруссии. Здесь он стал гражданским картографом электора бранденбургского. Умер в нищете, потому что электорская казна не выплатила ему заработанных денег.

Его научно-технические рукописи не были напечатаны в свое время в Польше (вероятно как труды изгнанника) и дошли до нас, каждая в одном экземпляре, писанном рукой самого автора. При этом рукопись первого тома его большого труда — арифметика — погибла во время второй мировой войны. Сохранились только геометрия (библиотека Польской Академии наук в Кракове), начала перспективы (библиотека Варшавского университета) и изданная в 1957 г. рукопись «Военного строительства».

Правда, в середине прошлого века в одном научном польском издании промелькнуло сообщение, что в Петербурге есть рукопись Наронского по артиллерии, но впоследствии это известие ничем не было подтверждено. После второй мировой войны кто-то из польских историков предположил, что рукопись эта все же попала в Польшу после 1920 г., но во время боев за Варшаву сгорела, а Т. Новак, по-видимому, вообще допускал, что петербургской рукописи Наронского никогда не существовало. Вы уже догадались, конечно, что на самом деле рукопись была и что она-то и очутилась в нашей библиотеке. Это книга в лист, написанная рукой Наронского и им же иллюстрированная. Наряду с его собственным произведением «Артиллерией» (она датирована 1665 г. и оставалась до последнего времени неизвестна польским историкам, не считая упомянутой выше ссылки на петербургскую рукопись), в книгу вошли и произведения других авторов, любовно им переписанные в годы изгнания. Среди них «Собрание

пословиц» Анджея Максимилиана Фредо, с краковского издания 1664 г. и «Краткая наука строительства ...», изданная в Кракове в 1659 г. без имени автора. Интересно, что высказанное в польской литературе предположение, что автором последней мог быть польский писатель, маршалок надворной короны Лукаш Опалинский (1611—1662) подтверждается нашей рукописью, ибо в ней есть помета: *autora Oral*^o. «Артиллерия» Наронского составлена с полным знанием литературы предмета, на уровне военной техники своего времени. Хотя автор далеко не чужд математики, как об этом свидетельствуют другие его труды, здесь он ею не пользуется (как, впрочем, и многие другие авторы трактатов по артиллерии XVII в.). О практической направленности сочинения красноречиво свидетельствует обстоятельное его заглавие, каллиграфически выписанное Наронским на титульном листе: «Артиллерия, то есть наука о пушках и о всяком стрелковом оружии, также об их принадлежностях и разных инструментах вообще, относящихся к этой науке, притом о весах, подъемниках, об установке и о всяком порядке, который нужно знать об оружии, а сие из разных авторов и мастеров, владеющих этой наукой, собрано со всей тщательностью, а затем по порядку описано и пояснительными фигурами украшено Йозефом Наронским года 1665». Слово «украшено» следует понимать буквально: многочисленные, искусно сделанные цветные иллюстрации, а вместе с ними хитросплетенные заставки и инициалы, действительно украшают рукопись.

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В ВЕНУ

В магазине иностранной книги, что помещается теперь на улице Качалова, мне иногда показывали книги, принесенные в магазин для оценки, с тем, чтобы я мог сказать, какие из них представляют интерес для меня. «А это что за книжка, вон та, маленькая, покажите, пожалуйста», — попросил я. «Та? Она вряд ли Вас заинтересует. Это рукопись, но она была опубликована в свое время». Но я уже рассматривал изящную книжку размерами с записную (8х13 см) в переплете из желтой кожи с накладными рамками из красного сафьяна, украшенными золотым тиснением. На передней крышке наклейка также из красного сафьяна: «Six lettres ou Journal de mon voyage

(sic!) de St. Petersbourg à Vienne», (т.е. Шесть писем, или Дневник моего путешествия из Петербурга в Вену). На титульном листе — дата: 1792 г. Это рукопись на французском языке, написанная черными, слегка выцветшими чернилами. Почерк четкий, красивый. В ней 106 нумерованных страниц, окаймленных прямоугольными красными рамками, в начале краткое предисловие («Avant-propos»), в конце — заключение (NB) и содержание («Table de matières»). По всему было видно, тот, кто изготовил рукопись, хотел всеми средствами облегчить другим пользование ею.

Никаких следов того, что кто-то когда-то ее опубликовал или хотя бы описывал, ни я, ни сведущие люди, к которым я в разное время обращался, не смогли обнаружить. Пришлось немало потрудиться, прежде чем удалось подготовить публикацию о рукописи, которую я озаглавил «Путевой дневник молодого русского вельможи конца XVIII века». Она напечатана в первом томе нового издания АН СССР: «Еженедельник. Памятники культуры. Новые открытия». (М., 1975). Вот что можно коротко рассказать об этой рукописи.

Автор ее — граф Григорий Иванович Чернышев получил в 1792 г. от императрицы Екатерины поручение отправиться в Вену с поздравлением императору Францу II по случаю вступления на престол. Отправляясь, он обещал некой госпоже графине (имени ее он не называет, но это была жена вице-канцлера, графиня Остерман) описывать все, что с ним будет происходить. Путешествовал он долго, после Австрии побывал, но уже частным образом, в Италии, Швейцарии и даже во Франции (это в революционные-то годы!). Отправил он всего 69 писем, но когда вернулся, то обнаружил, что графиня уже умерла. У него сохранились лишь копии первых 6 писем, которые и были переписаны в эту книжку, по-видимому (судя по бумаге) лет через тридцать после того, как они были отправлены.

В 1792 г. автору писем было 30 лет. Это был очень красивый молодой человек, несколько женственной внешности. Он обладал артистическими способностями, сам писал французские комедии, с легкостью версифицировал. Кроме того, это был один из богатейших людей тогдашней России, расточительный до такой степени, что пятью годами позднее, когда сумма его долгов достигла 3 миллионов рублей, над ним, по повелению Павла, была учреждена опека. Впрочем, сам Чернышев сознается в этих пись-

мах в том, что заслужил прозвище «мотылька». Но этот «мотылек» был не лишен остроумия, наблюдателен, честен, независим в суждениях. Вот, например, как он сообщает о месте и годе своего рождения: «Ибо вы знаете, госпожа графиня, что в 1762 мой отец был послан как чрезвычайный посол на Аугсбургский конгресс, который так и не состоялся, что он остался поэтому в Вене и что в конце 9 месяцев мое появление на свет обнаружило в глазах каждого, что в политических обстоятельствах того времени моему отцу легче было соорудить такого прекрасного ребенка, как я, чем желаемый мирный трактат» (письмо 4).

По дороге в Вену Чернышев наносит визит графу Феликсу Потоцкому — главе реакционной Тарговицкой конфедерации, окруженному блестящим двором в бывших покоях короля Польши. Это зрелище наводит Чернышева на размышления о непостоянстве человеческих судеб. Ведь только 8 месяцев тому назад голова графа Потоцкого была единодушно оценена польским сеймом! Следующее четверостишие Чернышева раскрывает его политические симпатии, явно противоречащие официальной политике тогдашней России: По общей воле изгнанный из своей родины / и снискавший себе опору ценой предательства...! / Сегодня мы видим, как он во дворце королей / собирается диктовать законы, порабащающие его родину! . . Следует вспомнить, что опору граф Потоцкий снискал себе в Екатерине II и что раздел Польши был произведен Россией совместно с Австрией и Пруссией.

А вот — комическое приключение в Варшаве. Бедный польский дворянин (по крайней мере, он так себя представляет) настойчиво предлагает Чернышеву похитить его юную и прелестную сестру, которую жестокие родители будто бы хотят выдать замуж за старика. К Чернышеву брат приводит ее около 4 часов утра, когда хозяин только что вернулся после затянувшейся карточной игры.

«Я увидел, — рассказывает граф, — маленькую, достаточно свежую особу со вздернутым носиком, очень живыми глазками и весьма сомнительными манерами. Маленькая плутовка действительно хотела немедленно быть похищенной. Я сказал ей, что такое предприятие требует столько же энергии, сколько и силы и что я прошу у нее позволения восстановить мои собственные добрым сном. Но что завтра я ее похищу в час, который она мне укажет. «Ну что ж, я согласна, я могу подождать до завтра. Но что мы

будем делать с ребенком?» — «О, небо, мадемуазель, у вас есть ребенок?» — «Увы! Да, сударь, из-за маленькой ошибки в моем поведении». — «Маленькой? Вы слишком скромны! Но разрешите спросить, мальчик это или девочка?» — «Это девчушка 8 месяцев, прекрасная, как душа». — «Тем лучше, мадемуазель, тем лучше, ибо в таком случае мы подождем, пока она подрастет. За мной сохранится честь похищения вас двоих сразу. Вот основания для того, чтобы до той поры заняться ее воспитанием! За сим я прошу позволить мне лечь в кровать, ибо я смертельно хочу спать!» Брат, дожидавшийся за дверью, вполне удовлетворился 5 дукатами, но сестра, удаляясь, не переставала повторять: «Боже мой, боже мой, так кто же меня похитит!»

В этом отрывке виден, конечно, автор французских комедий, сочинявший их для домашнего театра в Гатчине!

Все эти странички из жизни одного из вельмож эпохи заката «екатерининского века» сами по себе ненадолго задержали бы наше внимание, если бы мы не сознавали глубокой жизненной драмы ее героя. Теперь уже трудно в точности установить, какое влияние оказали на воспитание детей его живой и острый ум (об этих качествах свидетельствует позднее в своих записках мемуарист С.Н. Жихарев), независимость его политических суждений и личностных оценок, но ведь он вырастил в своей семье декабристов! Декабристом был его сын Захар Григорьевич Чернышев (1796—1862), женой декабриста Никиты Муравьева была его дочь Александра (Александрина) Григорьевна, последовавшая в Сибирь за сосланным мужем. Мог ли отец, положив руку на сердце, считать себя непричастным к тем надеждам и стремлениям, которые обуревали его детей? Мы уже упоминали, что свою поездку за границу он закончил в 1793 г. Францией, где революция была в разгаре. С кем он встречался там, о чем говорил, что делал и что думал?

Москва

О ЧЕМ ГОВОРЯТ АВТОГРАФЫ...

В Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина недавно поступило уникальное собрание поэтических книг, принадлежавших А. К. Тарасенкову. Известный критик, редактор, литературовед, он был и тонким ценителем и вдумчивым собирателем книг по русской поэзии XIX века. Библиотека Ан. Тарасенкова насчитывает около десяти тысяч томов.

Начав собирать книги с юношеских лет, он посвятил этому делу всю свою жизнь. Коллекционирование не было самоцелью, оно сочеталось с серьезной исследовательской работой. Плод ее — ценнейший библиографический труд «Русские поэты XX века», вышедший в 1966 г., где с исчерпывающей полнотой даны описания всех стихотворных книг, изданных в России и за границей за 55 лет. Среди них — книги, до сих пор отсутствующие в крупных книгохранилищах страны и вышедшие в подпольных большевистских типографиях в России и за рубежом, книги пролетарских поэтов первых лет революции, участников гражданской войны. Описаны издания военных лет, увидевшие свет в городах-героях, в Политуправлениях фронтов и т. д.

Примечательная особенность справочника — Тарасенков впервые привел здесь тиражи дореволюционных книг. Потребовалась огромная работа в архивах, книгохранилищах, Книжной палате, чтобы разыскать эти сведения (раньше в выходных данных тираж не указывался). По тиражу можно определить, каким спросом пользовались стихотворные книги в дореволюционной России, узнать о положении издательского дела в те времена. Например, книги Блока, Брюсова, Бальмонта, Ахматов-

*Вручу книжечку
В. В. МАЯКОВСКИЙ.
в воспоминаниях
и мажор.
Ж. Мамин-Сибиряк*

ОБЛАКО В ШТАНАХ.

Ан. Тарасенков

ТЕТРАПТИХ.

Автограф В. Маяковского неизвестному лицу

вой, Северянина выходили тогда в количестве от 200 до 1200 экз.

Ан. Тарасенков никогда не задавался целью собирать автографы, но в его библиотеке скопилось много дарственных надписей его современников, поэтов и критиков.

Автографы... Огромный интереснейший мир человеческих взаимоотношений, богатый материал для изучения личности собирателя и тех, кто эти автографы дарил. Памятные даты выхода долгожданных книг, радость, а порой и огорчения... «Всякая строчка писателя, — писал некогда А. С. Пушкин, — становится драгоценной

Автограф П. Антокольского на его книге
«Франсуа Вийон. Драматическая поэма в трех частях» (М., 1934)

для потомства, нас невольно поражает мысль, что рука, начертавшая эти смиренные цифры, эти незначущие слова, тем же почерком и, быть может тем же самым пером написала великие творения — предмет наших изучений и восторгов...» Сколько добрых слов было сказано об автографах А. Франсом, Чеховым, Куприным...

Автографы из коллекции Ан. Тарасенкова могли бы составить своеобразную энциклопедию поэтических афоризмов, неожиданных остроумных экспромтов! По дарственным надписям можно проследить дружбу Ан. Тарасенкова с поэтами разных поколений: Н. Асеевым,

К Анастасии Кузнецкой
первыми в руки я пришел
„Не кони меня, зови яр, —
Я счастливый слесарь
Железнодорожник!“

А. Тарасенкову
Н. Асеев

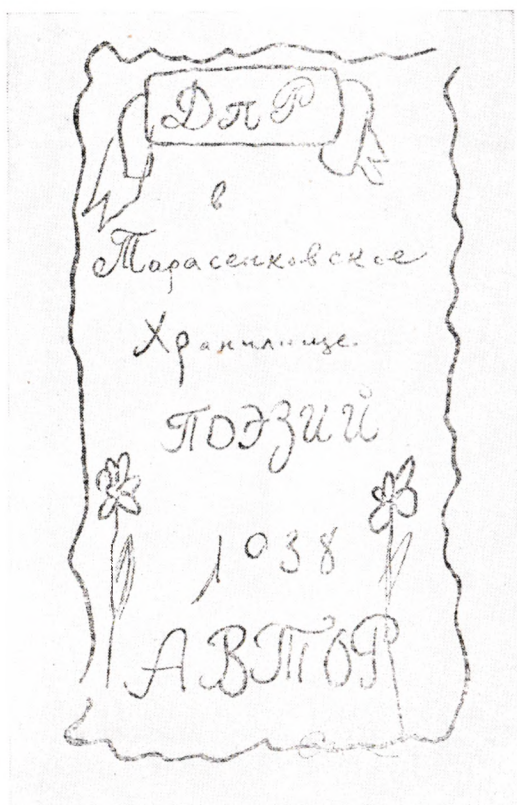
1951.
26. III

Автограф Н. Асеева на его книге
«Избранные стихотворения и поэмы» (М., 1951)

Н. Тихоновым, К. Симоновым, М. Алигер, Ю. Друниной, П. Шубиным, С. Гудзенко. Многие из них тогда были еще начинающими поэтами.

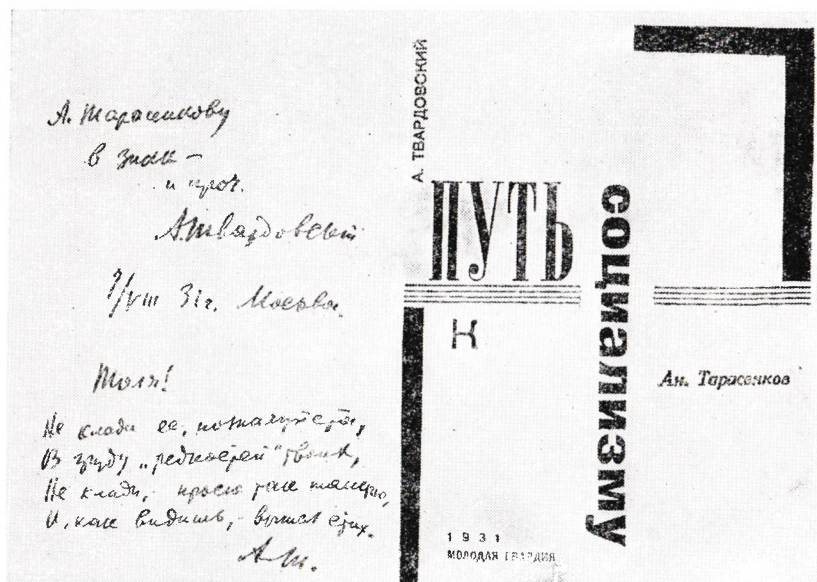
Собрание украшают автографы Д. Бурлюка, В. Маяковского, В. Каменского, Б. Пастернака, С. Кирсанова и многих других.

В библиотеке хранятся две книги поэта и художника, одного из родоначальников русского футуризма Д. Бурлюка — «Стенька Разин» и «Стихи (1898—1923)», вышедшие к 25-летию его художественно-литературной деятельности (1898—1923). Обе книги вышли в 20-х годах. Несмот-

Автограф С. Кирсанова на его книге
«Дорога по радуге. Стихи и поэмы. 1925—1933»
(М., 1938)

ря на то, что Д. Бурлюк находился в то время за рубежом, он связи с Родиной не терял, писал революционные стихи, переписывался с В. Маяковским, Н. Асеевым, В. Каменским, Ан. Тарасенковым. Зная, что Ан. Тарасенков собрал большую коллекцию поэтических книг, прислал ему книги с дарственными надписями. На одной из них — надпись: «Ан. Тарасенкову на добрую, товарищескую память. Из-за океана, от автора и издателя», на другой: «Дорогому товарищу Ан. Тарасенкову посылаю библиоредкость, очень мало лиц могут именем его похвалиться».

Автограф А. Твардовского

В собрании Ан. Тарасенкова имеется автограф В. Маяковского на книге «Облако в штанах» (1918) неизвестному лицу: «Другу Виктора Ивановича и впоследствии и моему».

Интересны автографы С. Кирсанова. Они отличаются выдумкой и изобретательностью. На книге «Четыре тетради» он написал: «Я вопрошаю:— А, на то ли я звонил в звонок и снял пальто, чтоб рифму дать на Анатолия? и отвечаю: Да, на то! С. Кирсанов». И на другой книге: «Примите книгу, Тарасёнков, и можете читать спросонков». В библиотеке имеется несколько автографов С. Кирсанова. Автографы поэта часто заканчивались восторженной строкой *Salut et victoria!*

Последние годы жизни старейший русский поэт В. Каменский провел в Перми. Но каждую свою новую книгу он неизменно посылал Ан. Тарасенкову. Однажды по просьбе Ан. Тарасенкова он прислал ему редчайшую книгу, вышедшую в Тифлисе в 1917 г. На ней размашистая короткая надпись — «Не жалко!».

Теплы, душевны автографы М. Светлова. Их немного. Ведь книги М. Светлова в 50-х годах выходили с большими перерывами. «Один знакомый штурман дальнего плавания, — писал М. Светлов, — сказал мне, что ничто так не сближает людей, как разлука. Думаю, что это относится и к нам, дорогой Толя! Трехлетняя поэтическая разлука сблизит нас еще больше!» На книге «Избранные стихи», вышедшей в 1950 г. в издательстве «Советский писатель», М. Светлов писал: «Дорогой Толя! Пусть эта книга будет для тебя не яркой люстрой, а простым фонарем, освещающим путь...»

За простыми, непритязательными строками часто обнаруживаются самые неожиданные коллизии. Такое радостное событие, как выход книги, оказывается не всегда радостным. Так, М. Исаковский на одной из своих первых книг, подаренных Ан. Тарасенкову, сделал грустную надпись: «Ради науки я, конечно, готов дать эту книгу, хотя мне очень хотелось, чтоб эта книжка и подобные ей вовсе не существовали».

А вот автограф А. Твардовского:

Не клади ее, пожалуйста,
В грудь редкостей твоих,
Не клади — просю так жалостно,
И, как видишь, вышел стих.

Дружба А. Твардовского и Ан. Тарасенкова началась еще в 30-х годах, когда поэт жил и учился в Смоленске, А. Твардовский был частым гостем журнала «Знамя», где работал Ан. Тарасенков. Мне не раз доводилось слушать, как А. Твардовский читал там свои новые стихи. Потом они появлялись в журнале, а затем и в книгах, а книги с автографами — в библиотеке Тарасенкова.

В автографах отражалось расположение поэта к человеку, принимавшему живое участие в его поэтической судьбе. На книге «Поэмы» (1947 г.) — надпись: «Анатолию Тарасенкову с признательностью за все доброе, что он сделал для автора этой книги и, главное, для автора предшествующих книг». А вот и шутливая надпись поэта: «В переплетную мастерскую А. К. Тарасенкова, что по М. Конюшенному в собственном доме». Все книги Ан. Тарасенков переплетал сам в яркий ситец. Внешне они выглядели броско и необычно, хотя первоизданный их вид исчезал.

А. К. Тарасенкову

Для Вашей библиотеки оуракой
 Я приготовил этот полых скруток.
 У Вас поэты собраны различные —
 Районные, столичные, фабричные,
 И пухлые, и совершенно тонкие,
 И средние, и восточные прелеми...
 Коротко, Выч не занимаю учениз.
 И всё-ж, во мне чуждо одно солениз:
 В свои укрупн Вы взятъ готовъ всякого,
 Но отклонение к нам — не одинаково:
 Одних Вы так и оттак величате,
 Других же к парейлсту казнате;
 Вы лично сами тех переплетате,
 Кого совсем оторывилим считате
 И котилу... хилу, тилу у Васе добротиз —
 Мекъ пугает Ваши переплетиз:
 Я воруя стилиз Ваши поладу?! —
 Вильзу ж совершенно пропаду!
 17.2.452 М. Исаковский

Автограф М. Исаковского на его книге
 «Стихи и песни» (М., 1952)

После войны А. Твардовский подарил своему другу прекрасно оформленное художником О. Верейским издание «Василия Теркина» с юмористической надписью: «А. Тарасенкову в его библиотеку вношу это генеральское издание моей солдатской книжки».

Удивительно подчас складываются человеческие судьбы. В годы Великой Отечественной войны Ан. Тарасенков служил на Балтийском флоте. Там же служил известный ленинградский поэт Николай Браун. Оба они в 1941 г. во время перехода наших кораблей из Таллина в Кронштадт были выброшены с торпедированных кораблей

Дорогой Анатолий Кузнец,
Не могу и почитать и почитать,
Потому что тысячи строчек
В книгу две переплетки.

В том издатель один виноват
То прозвучит "Тотемизм".
Если только он автора знает
Он его, так скажут, пригласит!

Я дарю Вам свой избранный том,
Свершено уверенный в том,
Что страницы мал. Вы прочтете
В минуты
и в моменты
Переплетите!

С Маршак

30-15-1952.

Самиздат. Узкое.

Автограф С. Маршака на его книге
«Стихи и сказки». Книга Первая (М., 1952)

в море, и обоих спасло только то, что они были хорошими пловцами. Они продержались на воде в холодном море несколько часов и были подобраны спасательными катерами. В 1954 г. Н. Браун выпустил в издательстве «Советский писатель» книгу стихов, которую редактировал Ан. Тарасенков. На подаренном редактору экземпляре — надпись:

Какне б ветры ни шумели,
Мы высшей дружбой скреплены,
Нас породнили дни войны,
В одной мы крещены купели,
Одним огнем обожжены...

Теплые дружеские отношения сложились у Тарасенкова со старейшими комсомольскими поэтами А. Безыменским, И. Уткиным, М. Голодным. После войны несколько книг А. Безыменского вышло под редакцией Ан. Тарасенкова. В работе над «Книгой сатиры» (1954 г.) между поэтом и редактором часто возникали споры, а в спорах рождалась истина. Книга получилась удачной, появились в печати восторженные отзывы, и несговорчивый поэт благодарил редактора:

Мной создавалась книга эта,
Чтоб четко ведала страна,
Что слитна с должностью поэта
Святая должность драчуна.
Ты был мне кормчим в этом деле,
Спасибо, друг мой дорогой,
Что вел ты книгу к ясной цели
Своей редакторской рукой.
И если нас настигнет злоба
Людей, потворствующих злу,
Ее мы гордо примем оба,
Как комплимент и похвалу.
А. Безыменский, он же Саша.

Дружеские отношения были у Ан. Тарасенкова и с Маршаком. Сблизили их не только общие литературные дела, частые встречи на литературных вечерах, заседаниях, пленумах Союза писателей, но главным образом — неистовая любовь к книгам. Большой знаток поэзии Самуил Яковлевич Маршак часто бывал у Ан. Тарасенкова и знакомился с редкими книгами. Многочисленные автографы на книгах, подаренных Маршаком, свидетельствуют об этой дружбе. Особенно интересны автографы на переводах «Сонетов Шекспира». На первой книге, изданной в 1948 г., Маршак написал:

А. К. Тарасенкову

Две тысячи сонетных строчек
Прими, вернейший из друзей,
Редактор, критик, переплетчик,
В шкафу устроивший музей!

На втором издании этой же книги Маршак посвятил Тарасенкову и его супруге «155-й сонет»:

Ему и ей посвящены сонеты.
Но не щадя восторженных похвал,
Ни друга, ни красавицы воспетой
Поэт в стихах ни разу не назвал.

Он им воздвиг высокий пьедестал,
Чтобы избавить от холодной Леты,
Но имени и явственной приметы
На мраморной плите не начертал,
А если бы сонетами своими
Он обессмертил дорогое имя,
То, может быть, в грядущие века
Друзьям поэта отвела бы главку,
Стараясь насадить их на булавку,
Шекспироведа тощая рука.

На книге Джанни Родари, переведенной С. Маршак-ом,— шутливый автограф:

Я перевел Родари,
Когда я был в ударе.
Теперь же целиком
Я занят Маршаком
И скоро как паломник
Вам принесу двухтомник.

В числе близких и бескорыстных друзей, которые помогали Ан. Тарасенкову разыскивать недостающие в его библиотеке книги, был известный профессор, критик и книголюб Иван Никанорович Розанов. Они вместе «охотились» за редкими книгами. Их можно было встретить в самых отдаленных уголках Москвы и пригородах, где они искали «клады». И какой это был праздник, если удавалось разыскать что-нибудь интересное. Иван Никанорович нередко проявлял щедрость и бескорыстие, а оно не часто встречается среди коллекционеров-книжников, дарил книги Ан. Тарасенкову, сопровождая их трогательными надписями. Так, на книге Вас. Табакова «Утренние звезды», изданной в 1910 г., он написал: «Дорогому Анатолию Кузьмичу, обладателю лучшей библиотеки русских стихов XX века. От его подражателя в этом отношении Ив. Розанова. 9XII 1955».

В 1945 г. он подарил Ан. Тарасенкову собственную книгу стихов «Призраки звезд», изданную в 1916 г. в количестве 100 экземпляров, с надписью: «Эту редчайшую книгу в редчайшую библиотеку Ан. Тарасенкова».

Сейчас обе редчайшие библиотеки двух страстных коллекционеров И. Н. Розанова и А. К. Тарасенкова переданы государству.

Москва

Борис Слуцкий

БОЛЬШИЕ ТОМА

За мгновенье до гибели ковырять
в словаре,
Проверять дотошно и зорко,
чтобы все на вечерней заре,
как на утренней было зорьке,
и, по склону катясь
или рушась с горы,
завершая последние строки,
вспоминать афоризмы, что были остры,
и цитировать дивные строки!
Жизнь под лампой настольной,
за крепким столом,
через Книги навывлет,
стремглав,
напролом,
где событие мысль
и несчастье — мысль,
где от книг
и любви тектонический сдвиг,
и поступки,
и даже улыбки.
Все от них,
от блаженных и пылких вериг,
все решенья, свершенья, ошибки.
Дней страницы листая,
одну за другой,
год за годом,
как том за томом.
Это было и страсти ревущей пургой,
и надежным оплотом,
и домом.
За мгновенье до гибели уточнять,
и на чью-то небрежность ревниво
пенять,
и обвала крови не умея унять,
вдруг какую-то толстую книгу ронять.

Из книги М. И. Венюкова

Скромный номер в отеле Эльзас на рю Боз-Ар в Париже: недалеко Лувр и Пале-Рояль. Большие бульвары и Опера, и, что еще важнее, — недалеко географическое общество, Сорбонна и математический центр Парижа. Тишина. Горит настольная лампа. Над столом склонился пожилой человек. Открытое лицо, высокий лоб, волнистая бородка и густые усы...

Это русский географ и путешественник Михаил Иванович Венюков. Уволенный со службы после резкого и даже дерзкого письма императору Александру II, он уже много лет живет в эмиграции. Он оставил «все, что было дорого сердцу в течение сорока пяти лет» и избрал свободу «с твердой решимостью: оставаясь русским, не возвращаться в Россию иначе, как на службу свободе же»¹.

...Детство. Рязанские раздолья. Белая кипень яблонь и черемух. Тихая речка Лоша. Густая роса на траве, деревьях, соломенных крышах. Это Никитское, здесь 5 июля (23 июня) 1832 г. он родился...

Родители — мелкопоместные дворяне. Отец вынес из наполеоновских войн Владимирский крест с бантом, майорский чин на 26-м году и три огнестрельные раны. С восторгом слушал мальчик рассказы отца о Петре Великом, об изгнании французов из России. Имена Кутузова, Баграциона, Дохтурова, Раевского были родными ему с младенчества...

Кадетский корпус. Не самые лучшие воспоминания связаны у Венюкова с этой «корпусной тюрьмой», куда

¹ Венюков М. И. Из воспоминаний. Кн. 3. 1877—1884. Амстердам, 1901, с. 4.

М. И. Венюков

приняли его тринадцать лет. «Закрытой казенной фабрикой для выделки детей по правительственному шаблону» называет его Венюков. Но именно там, вопреки усилиям начальства, пробуждается мысль будущего ученого. Именно тогда очаровывают его монологи Фауста, философские раздумья Герцена, книги А. Гумбольдта.

Затихает за окном город... Старый ученый встает, подходит к полке с книгами. Вот оно, его богатство, все, что есть у него, его книги.

Окончена Академия Генерального штаба. В декабре 1856 г. уезжает Венюков из Петербурга, мечтает о дальних путешествиях. Он увидит таинственный Амур, может

статься, приобретет известность трудами о нем...

Ранним утром 6 июня 1857 г. Венюков вступил на берег Амура. В 1858 г. он получил предложение обследовать реку Уссури.

Состав экспедиции был невелик. «...Весь труд (топографической.— А. М.) съемки и других подробностей обозрения лег на меня одного. Не желая, чтоб составленная мною карта оставляла в недоразумении тех, которые бы стали впоследствии руководствоваться ею, я не позволял себе определять расстояния на глаз, а прошел все пространство от Уссурийского поста до устья Лифула пешком, ведя счет шагам...»² На планшет легли никем не меренные расстояния, изгибы реки, каждый ее приток, протоки.

Венюков и его экспедиция с суши обозрели русское Приуссурье, нашли перевалы к морю через мощные Сихотэ-Алиньские хребты. Это была первая экспедиция,

² Венюков М. И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970, с. 102.

пересекая Сихотэ-Алинь. Результатом ее стал очерк «Обозрение реки Уссури и земель к востоку от нее», в котором даны физическая география Уссурийского края, быт его крайне редкого населения, установлена фактическая неподвластность этой части Уссурийского бассейна Китаю.

Благодаря путешествиям созданы и книги Венюкова «Путешествие по окраинам русской Азии» (1868) и «Опыт военного обозрения русских границ в Азии» (Спб., 1873, 1876). Это своеобразная энциклопедия географических и этнографических сведений об огромных, тогда малоизвестных краях.

А потом... Кругосветное путешествие. Путешествие по Китаю и Японии, по Азиатской Турции и, наконец, по Европе и книги — «Очерки Японии» (Спб., 1869) и «Обозрение японского архипелага в современном его состоянии» (1871), «Краткий очерк английских владений в Азии» (Спб., 1875), «Очерк старых и новых договоров России с Китаем» (Спб., 1861), «По берегам Норвегии» («Русская мысль», № 11 за 1898 г.).

Двадцать четыре года провел М. И. Венюков за границей. Он много ездил, а с 1881 г. прочно обосновался в Париже. Но все эти годы, живя вдали от Родины, Венюков пристально следит за политической жизнью России. Он узнает из газет о покушениях на Александра II и записывает в дневнике:

«...У меня появляется что-то вроде лихорадки от радостного сознания, что борьба молодого русского поколения с деспотизмом продолжается неустанно, с неумолимой энергией, и от представления ужасов полицейского самовластия, которые должны сопровождать неудачу...»³

Думая о России, заботясь о просвещении ее народа, составляет М. И. Венюков 30 сентября 1881 г. свое завещание. Все свои небольшие средства предназначает он на содержание училищ, на ежегодные премии за наилучшие исследования по географии Азии, а свое самое большое сокровище — библиотеку, «... состоящую более чем из 1200 томов книг научного содержания, преимущественно географических, естествоисторических, исторических и общелитературных, а также собрание карт и атласов

³ Венюков М. И. Из воспоминаний. Кн. 3, с. 65.

жертвую в пользу находящегося на Амуре... селения Хабаровки или вообще того пункта, где будет находиться управление Уссурийским краем. На доставку этой библиотеки по назначению ассигную 500 франков или соответственное им по курсу число рублей из наличных денег, какие окажутся в день моей кончины»⁴.

В своих воспоминаниях Венюков сообщает и о трудностях, с которыми он столкнулся при попытке переправить библиотеку (7—8 ящиков с книгами) в Россию, «хотя бы до Владивостока». В те годы библиотека так и не была отправлена в Россию.

М. И. Венюков умер в 1901 г. в парижской больнице Диона, в нищете и одиночестве. В русских периодических изданиях появились небольшие сообщения о его смерти. Отмечались в основном не заслуги ученого перед отечественной наукой, а «своеобразие характера» и «большие странности и чудачества»⁵.

В 1907 г. библиотека Венюкова наконец поступила в Приамурский отдел русского географического общества. В отчете Николаевской публичной библиотеки (ныне Хабаровской краевой) за 1907 г. сказано: «Прибыла из Парижа пожертвованная умершим отставным генерал-майором Венюковым библиотека в 7 ящиках. Книги в этой библиотеке имеются на русском, французском и английском языках и касаются разных отраслей знания, главным образом географии, истории и социологии. Имеются и рукописи самого жертвователя и большое количество изданий его, которые, однако, по цензурным соображениям не могут стать достоянием публики. Библиотека эта еще не разобрана окончательно»⁶.

Николаевской публичной библиотеке в те годы не доставало средств, теснота делала ее «лишь хранилищем книг, случайно собранных», значение библиотеки как учреждения научного было «сведено почти на нет»⁷. Опись собрания Венюкова или не была составлена, или не сохранилась. Коллекция хранилась недостаточно тщательно.

⁴ Там же, с. 90—91.

⁵ Венюков М. И. (Некролог).— «Ист. вестник», 1901, т. 85, авг., с. 747—748. Умерший географ (М. И. Венюков. Некролог).— «Неделя», 1901, № 28, с. 949—950.

⁶ «Известия Приам. отд. рус. геогр. о-ва», 1908, т. 7, вып. 1, с. 7.

⁷ «Зап. Приам. отд. рус. геогр. о-ва», 1912, т. 8, вып. 2, с. 8—9.

Лишь летом 1937 г. библиограф Хабаровской краевой научной библиотеки заново обнаружил в ее фонде печатные труды Венюкова, его рукописи, дневники, документы⁸.

Подробный анализ архива М. И. Венюкова, переданного в 1955 г. отделу рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, был сделан в статье В. Г. Зиминой⁹, там же приведен наиболее полный библиографический список произведений Венюкова¹⁰. Однако книжная коллекция не была выявлена и затерялась в многотысячном фонде библиотеки. О ней появлялись иногда лишь краткие сообщения.

Только в 1974 г. автору удалось выявить состав коллекции М. И. Венюкова, систематизировать и попытаться проанализировать библиофильские интересы русского ученого, исследователя Дальнего Востока.

В фондах Хабаровской краевой научной библиотеки обнаружено из собрания Венюкова более ста книг на русском языке и примерно столько же на иностранных, преимущественно на французском¹¹. К сожалению, полностью коллекцию Венюкова выявить пока не удалось. Однако и изученная часть позволяет глубже понять, как складывалось мировоззрение ученого-патриота, проследить круг его научных интересов.

Собирал книги М. И. Венюков с середины 40-х годов прошлого века и до конца своей жизни. На каждом экземпляре рукой Михаила Ивановича сделана владельческая надпись. На форзацах почти всех книг автограф: «Из книг М. И. Венюкова», на титульных листах многих книг повторяется: «М. И. Венюков» или «М. И. Венюкова». Помечал он книги и печаткой со своей монограммой «М. В.» или «В». Почти все книги переплетены в прочные картонные переплеты, и на кожаных корешках большинства из них вытиснена монограмма «М. В.», реже полностью — «М. Венюков».

Многие экземпляры библиотеки сохранили следы работы владельца. В книгах встречаются маргиналии.

⁸ Максимов В. Неутомимый исследователь. — «Вокруг света», 1951, № 10, с. 44.

⁹ Зиминая В. Г. Архив М. И. Венюкова. — «Записки отдела рукописей» (ГБЛ), 1960, вып. 23, с. 26—56.

¹⁰ Клевенская В. В. — Там же, с. 57—67.

¹¹ Пайчадзе С. А., Миленина А. А. Свидетели истории. — «Науч. 6-ки Сибири и Дальнего Востока», 1972, вып. 11, с. 70—71.

Переплетая книги, Михаил Иванович вставлял в них чистые листы и делал многочисленные дополнения, вставки. Нами обнаружены в книгах рукописи объемом от одной-двух до сорока пяти страниц.

В коллекции несколько изданий 30—50-х гг. XIX в., преобладают издания 60—70-х гг., времени наиболее интенсивных научных занятий Венюкова. Уехав из России в 1877 г., ученый почти не пополняет коллекцию русскими книгами, среди иностранных преобладают книги 70—80-х гг.

В коллекции — 7 работ самого М. И. Венюкова, научных и публицистических. Среди них учебник «Физическая география» в 2-х частях (1865 г.). Автографа на книге нет, но в тексте много характерных пометок Венюкова. По всей книге через страницу вплетены чистые листы, на них встречаются записи Венюкова. Кроме того, в книге обнаружен листок бумаги с черновым наброском по теме учебника — теории осадочных пород. Частично он перенесен позже на вплетенные в книгу страницы.

Автографами «Мой экземпляр» помечены работы М. И. Венюкова «Путешествия по окраинам русской Азии и записки о них», «Краткий очерк английских владений в Азии» и «Опыт военного обозрения русских границ в Азии». В последней на обороте обложки и форзаце наклеены страницы со списком трудов Венюкова по географии и военной статистике Азии с дополнениями, сделанными рукой автора.

Во всех авторских экземплярах тщательно исправлены все опечатки.

Исторические исследования Венюкова представлены одной из книг его 4-томных «Исторических очерков России со времен Крымской войны до заключения Берлинского договора. 1855—1878», изданных анонимно в Женеве с вымышленными выходными данными (Лейпциг) и запрещенных цензурой в России.

Запрещены были в России и воспоминания М. И. Венюкова, опубликованные в Амстердаме в 1895—1901 гг. в 3-х книгах. Воспоминания охватывают жизнь Венюкова до 23 июня 1884 г. — ученый закончил записи в день своего 52-летия:

«Я поневоле сижу на месте и даже, для восстановления равновесия в бюджете, занимаюсь писанием мелких статей для «Новостей» ради гонорара в пресловутые

пять копеек за строку... Что ж! Не так смешно и жалко, как кажется с первого взгляда. Убеждениями своими я при этом не торгую, а затем всякий честно выработанный кусок ничего кроме удовлетворения не доставляет. К этому тихому удовлетворению присоединяется еще и другое, от сознания, что в 52 года я все еще иду, хоть немного, вперед, а не назад. Точные знания мои растут, понимание природы и ее законов расширяется... Конечно, это не все, что было бы можно сделать, что бы хотелось, но...»¹²

Воспоминания эти публиковались в русских журналах с «цензурными урезками» там, где автор разоблачал тогдашнюю русскую действительность.

В воспоминаниях Венюкова — интереснейшие размышления, раздумья, впечатления о путешествиях и встречах. Он дает характеристики русских царей, придворных и других чиновных особ.

Во время долгих путешествий ученого-географа заполнялись быстрыми карандашными записями, чертежами записные книжки. Две из них хранятся в библиотеке. Одна относится, по-видимому, к 1868—1870 гг., когда Венюков путешествовал по азиатским странам. В ней интереснейшие записи о Японии. Вторая, под заглавием «О русско-азиатской границе», писалась в 1871—1872 гг., когда он готовил «Опыт военного обозрения русских границ в Азии».

В библиотеке М. И. Венюкова преобладают книги по естественным наукам, истории и международному положению России и стран Европы, есть несколько книг по лингвистике. Больше всего научных трудов, много учебной и справочной литературы.

Интересная часть собрания — нелегальные и запрещенные издания. Среди них прежде всего следует назвать первое издание романа А. И. Герцена «Кто виноват?» (Спб., 1847).

Впервые юноша Венюков прочитал роман весной 1851 г. в Серпухове. Здесь, в уездной глуши, где младший прапорщик Венюков учительствовал в батарейной школе, жизнь была скучной и тягостной, живых друзей приходилось заменять книгами. О книге Герцена ученый с волнением вспоминал и в поздней старости.

¹² Венюков М. И. Из воспоминаний. Кн. 3, с. 161.

М. И. Венюкова
КТО ВИНОВАТЪ?

ТОМЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЕХЪ

ИСКЪИДЕРА.

ВЪ КНИЖНОМЪ ИСКЪИДЕРѢ
ПРОДАЮТСЯ ВСЕ БИБЛИОТЕЧНЫЯ ПРЕДМЕТЫ
КАКЪ ИСКЪИДЕРА, ТАКЪ И ПЕРСОНАЛЬНЫЯ
КНИЖКИ И ДОКУМЕНТЫ

САНКТУБЕРГЪ
ТИПОГРАФИЯ ЗАКАЗА ВЪЛА
1847.

Роман А. И. Герцена с владельческой надписью «М. И. Венюкова»

В 1884 г. он делает на экземпляре романа, попавшем позже в Николаевскую публичную библиотеку, запись:

«Вот 33 года прошло с той поры, как я впервые читал эту книгу, и до сих пор не могу я без глубокого сочувствия взять ее в руки. Та ночь, которую я провел за чтением «Кто виноват?» в Серпухове, в доме Соколова, как теперь передо мною. Я начал чтение вечером и кончил, когда утром было уже совершенно светло, но люди в доме еще спали и в моей комнате стояла полная тишина... Эта ночь, с ее слезами сочувствия и восторга, разбудила и создала меня нравственно, как чтение «Космоса» Гумбольдта

и уроки физики и химии, в корпусе, положили основу моему умственному развитию... Я не идолопоклонник, святого в смысле богословском для меня ничего нет; но эти две книги я чту как святыню и желаю, чтобы они сопровождали меня в могилу. 1884 год. Париж».

В Хабаровской краевой библиотеке хранится объемистый экземпляр другой книги А. И. Герцена — «Письма об изучении природы». Она написана мелким четким почерком Венюкова. «Начато в январе 1853 года. Кончена 20 февраля 1854 г.»

Больше года переписывал вольнослушатель Петербургского университета, репетитор физики в кадетском корпусе Венюков книгу Герцена. Это было нелегкое время... В январе 1853 г., чтобы уплатить за квартиру, ему пришлось продать карманные часы, чтобы покупать в Гостином дворе пироги, он спустил на толкучке все свои книги. Да и гардероб его сильно расходился с петербургскими требованиями. Много часов проводил будущий ученый в Публичной библиотеке, читал и переписывал Герцена. «Письма об изучении природы» переписаны,

по-видимому, с томов «Отечественных записок» за 1845—1848 г., так как отдельным изданием книга вышла только в 1870 г. и вскоре была запрещена... Позже Венюков встретится в Женеве с Герценом и будет сотрудничать в «Колоколе».

Книги формировали нравственный и умственный облик будущего ученого. В юности М. И. Венюков «читал много и все, что попало, от Писем о Химии Либиха до Писем об изучении природы Герцена, от Вергилиевой Энеиды (которой не одолел) до Физиологии Валентина... и Картин природы Гумбольдта, от исторических статей Грановского до Астрономии Гершеля...

Кто виноват?, Записки доктора Крупова, переписка Белинского с Гоголем, исторические статьи Грановского, я уверен, сохранились в памяти многих моих сверстников, т. е. русских людей, которых молодость совпадала с самой серединой XIX столетия, и никто не станет отрицать благотворного влияния их на свое развитие, никто не бросит камнем в их авторов, стоявших на таком высоком уровне нравственной чистоты и работавших так неустанно в пользу света среди окружавшей их тени»¹³.

Хранится в коллекции и сборник «Колокол», изданный в 1887 г. «Группой распространения социальных знаний» в «Вольной Русской типографии» «Народной воли» в Женеве. Избранные статьи А. И. Герцена (1857—1869) — посмертное собрание статей писателя. Интересно, что на с. 322 к статье «Сенаторам и тайным советникам журнализма» сделана почерком Венюкова карандашная запись: «Каткову и Леонтьеву», раскрывающая «адресатов» герценовской критики.

К нелегальным изданиям относятся и хранящиеся в коллекции Венюкова «Записки княгини Е. Р. Дашковой, написанные ею самой» и «Записки императрицы Екатерины II», изданные в Лондоне в Вольной русской типографии А. И. Герцена в 1859 г. В Берлине Б. Бером в 70-х гг. выпущено несколько брошюр небезызвестного публициста, славянофила А. И. Кошелева. Четыре из них обнаружены в коллекции, собранные М. И. Венюковым под один переплет: «Наше положение» и «Об общинном землевладении» (1875), и так же вместе: «Общая земская дума в России. Дополнение к книге „Наше положение”»

¹³ Венюков М. И. Из воспоминаний. Кн. 1. 1832—1867. Амстердам, 1895, с. 125—126.

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕКАТЕРИНЫ II

ИЗДАНИЕ ИСКАНДЕРА

Перевод с Французского.

БИБЛИОТЕКА

УЧЕБНО-НАУЧНОГО
ГОС. МУЗЕЯ

ВЕНЕЦ.

TRÜBNER & Co., 60, PATERNOSTER ROW.

1859

«Записки
императрицы Екатерины II»
с владельческой надписью
«М. Венюков»

(1875) и «Что же теперь делать» (1879). На титульном листе последней под названием саркастическая запись Венюкова: «Перестать писать сентиментальные брошюры». Сохранились и четыре выпуска трудов дворянского историка, публициста Ю. Ф. Самарина «Окраины России. Серия первая: Русское Балтийское Поморье» (Берлин — Прага, 1868—1874), посвященные истории социально-экономических и национальных отношений в Прибалтике. Известно, что за 1-й выпуск этого издания по указу Александра II московский генерал-губернатор сделал Ю. Ф. Самарину строгий выговор. Издание было запрещено до 1894 г.

Запрещены были в России для публичных библио-

тек и общественных чтений работы И. М. Сеченова, Карла Фохта (Фогта). Книга И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» (Спб., 1866) была арестована цензурой по требованию Главного управления по делам печати, но запрещение книги не было поддержано Министерством юстиции.

Из книг немецкого естествоиспытателя и философа К. Фогта, лекции которого М. И. Венюков слушал позже в Женеве, в библиотеке сохранилась работа «Человек и его место в мироздании и в истории Земли» (Спб., 1865).

Венюков собирал книги, необходимые ему прежде всего для научной работы, для справок. Его интересует геодезия, минералогия, физика, химия, биология, причем он собирает издания, дающие современную (для тех лет) материалистическую трактовку предмета. Достаточно перечислить имена авторов, чтобы представить себе круг научных интересов русского географа и путешественника. Это труды русских ученых: А. Н. Бекетова, А. П. Боло-

това, Ф. Ф. Брандта, А. И. Герцена, Т. Н. Грановского, Д. И. Менделеева, Д. М. Перевощикова, И. М. Сеченова, А. П. Шидловского и др.; зарубежных: естествоиспытателей Клода Бернара, Джона Гершеля, Александра Гумбольдта, Чарлза Дарвина, Мильна-Эдвардса, Юстуса Либиха, Мэтью Мори, Юлиуса Сакса, Анджело Секки, Маттиаса Шлейдена; историков и обществоведов: Г. Гевинуса, П.-Г. Гизо, М. Мюллера, Эд. Тейлора. На многих книгах ученый делает пометки, записи, дополнения.

В многотомное издание трудов французского зоолога, ученика Кювье, Анри Мильна-Эдвардса «Начальные основания зоологии» (М., 1838—1839) вплетены несколько рукописей Венюкова: «Распределение животных по системе Кювье», «Время прилета ласточек», «Алфавитный указатель раковин слизняков». Много записей, пометок и даже рисунки, сделанные рукой Венюкова, обнаружены в «Очерках астрономии» Джона Гершеля (М., 1861), а между стр. 136—137 вклеена рукопись «О притяжении шаров и эллипсоидов». Делает Михаил Иванович и вклейки из газет: во 2-м томе Д. Гершеля вклеена статья о большой карте — фотографии неба из французской газеты «Temps» от 18 января 1887 г. В «Руководство к геологии» Карла Фохта вклеена рецензия на книгу французского палеоботаника Гастона де Сапорта из французской газеты за 4 февраля 1879 г. Это подтверждает, что Венюков неоднократно возвращается к своим книгам, продолжает их изучать. Вплоть до последних лет жизни он проводит много времени в Национальной библиотеке, посещает лекции в Сорбонне и Коллеж де Франс, считает одной из главных своих целей «следить за современным движением в науках естественных».

Интересные дополнения вносит М. И. Венюков и в книги по общественным наукам. В книгу Л. В. Тенгоборского «О производительных силах России» (М., 1854) Венюков вплетает свою рукопись (45 нумерованных страниц) «Дополнения. Рассмотрение границ России» из 6-ти частей. Эта рукопись связана с позднейшими его работами по обозрению русских границ. Венюков вносит в книги не только фактические, но и библиографические дополнения, описание коллекций. Так «Руководства к минералогии» Э. Гофмана (Спб., 1853) дополняют девять страниц рукописи: «Очерк истории и литературы минералогии» и «О кристаллографических собраниях».

По пометкам на книгах можно проследить и за политическими взглядами Венюкова, его отношением к семейно-бытовым проблемам. Так, интересное само по себе издание «Домострой по рукописям императорской публичной библиотеки» (Спб., 1867) дополнено карандашными заметками на полях, весьма ироничными.

По-видимому, определенное место в коллекции М. И. Венюкова занимали периодические издания. К сожалению, они пока не обнаружены. Можно только утверждать, что интересующие его статьи из журналов ученый переплетал отдельно, делал конволюты. Это подтверждают оттиск из журнала «Русская мысль» за 1898 г. со статьей Венюкова «По Норвегии» и конволют из журнала «Современник» за 1847—1848 гг. — популярные чтения профессора Шлейдена «Растение и его жизнь».

Библиотека М. И. Венюкова выявлена еще далеко не полностью. Ее изучение продолжается.

Хабаровск

СТРАННЫЙ ФЛОРЕНТИЕЦ

Давно хотелось, пусть в коротком очерке, рассказать нашим читателям об Антонио Мальябекки. Его хорошо знает западный библиотечный и книжный мир, но как-то так получилось, что на русском языке о Мальябекки с трудом удастся отыскать хотя бы несколько строк в толстых книгах по истории Италии и по истории библиотечного дела. Между тем, мало сказать, что Мальябекки был национальной гордостью Тосканы, — он принадлежал к числу величайших подвижников книги, к числу тех «святых» от библиотечного дела, таланту, воле и аскетизму которых можно лишь завидовать и подвигом которых — восхищаться.

Важно развеять и обидную для памяти Антонио Мальябекки легенду: сплошь и рядом в английских, американских, немецких и французских трудах по истории книги (библиофильская литература на этих языках поистине необъятна) «странного флорентийца» относят по ведомству библиомании, книжной патологии, безумной, слепой страсти к книге. Но тогда вновь встает старый вопрос: где границы между рядовым любителем, собирателем книг, коллекционером, библиофилом, библиоманом? Не пытаюсь решить его здесь, будем рассматривать все дальнейшее лишь как конкретный пример — из тех, что помогут когда-нибудь книговедческой науке установить достаточно обоснованные определения.

В центральной части знаменитой флорентийской галереи Уффици, как раз под теми залами, где хранятся описанные Вазари сокровища, находится великолепная национальная библиотека. Ее сегодняшние неоценимые богатства накоплены многими поколениями дарителей —

почетных граждан Флоренции. Первым в списке славных имен стоит имя Антонио Мальябекки. «Коллекция Мальябеккиана», некогда представлявшая собой фундамент национальной библиотеки, насчитывала 30 тысяч томов, любовно собранных за долгие годы и переданных в дар родному городу «странным флорентийцем».

Антонио Мальябекки родился 29 сентября 1633 г. Отец его, Марко, небогатый коммерсант, умер совсем молодым, оставив вдову с двумя малолетними сыновьями без всяких средств к существованию. Старшего брата Джакомо ждала юридическая карьера, младший — будущий библиотекарь — начал свой трудовой путь мальчиком на побегушках в лавке зеленщика. Но любовь к книге словно была у него в крови. Еще не умея читать, он с великим удивлением перед чудом, созданным разумом человеческим, вглядывался в таинственные знаки, испещрявшие попадавшиеся ему на глаза бумажные листки. И маленький Антонио сотворил себе кумира, которому всем сердцем поклонялся до конца своей долгой, необычной, трудной и славной жизни. Имя этому идолу — книга. Мальчику довелось еще служить на посылках у художника, потом в мастерской ювелира (флорентийские золотых дел мастера пользовались всемирной славой, но не к этому мастерству лежало сердце Мальябекки), пока, наконец, книготорговец из соседнего магазинчика не обратил внимания на жгучий интерес мальчугана к печатному слову и не взял его к себе в помощники.

Скоро продавец книг уразумел, какое приобретение сделал. Этот маленький, едва разбиравший буквы подмастерье через месяц не только бегло читал, не только находил нужную книгу на полке куда быстрее хозяина, но и проявил необычайную, ни с чем не сравнимую способность: он не умел забывать прочитанное. Прошло немного времени, и случай свел Антонио Мальябекки с библиотекарем Мучио Эрмини, который бесплатно обучал его латыни, греческому и древнееврейскому языкам и снабжал необходимыми рекомендациями по изучению библиографии. Под руководством этого высокообразованного человека Мальябекки сделал такие успехи, что через несколько лет мог, не задумываясь, назвать книгу, главу, и даже страницу, где имеются сведения по любому интересующему кого-либо предмету. За это его прозвали «ораклом ученых».

Антонио Мальябекки. Портрет работы Дандами

Слава Мальябекки была уже достаточно громкой, когда по рекомендации кавалера Марми, одного из придворных великого герцога Тосканского, он был назначен библиотекарем его высочества.

Козимо III, предпоследний герцог из рода Медичи, вступил на престол в 1670 г. и правил 53 года. Это был отнюдь не самый выдающийся представитель династии. Лишенный каких-либо дарований, но донельзя тщеславный, он хотел прослыть покровителем наук и искусств и, оказывая милости ученым, писателям и художникам, рассчитывал как бы «отнять у них для себя частицу мудрости и таланта». Трудно было отыскать лучшего и скромнейшего хранителя книжных богатств герцога, чем Антонио Мальябекки.

Итак, он принял в свое ведение библиотеку, получил 800 ливров жалованья в год и, казалось бы, достиг заветной жизненной цели. Он был теперь на своем месте! Однако книжные сокровища герцогов Тосканских не насытили жажду знаний, обуревавшую бывшего зеленщика. Он легко мог с закрытыми глазами отыскать любой том во вверенной ему библиотеке герцогов и вдобавок все жалованье тратил на покупку книг для себя. Однако и этого ему показалось мало: он мечтал столь же досконально узнать другие крупнейшие книгохранилища Европы. Не выезжая из Флоренции (за всю жизнь Мальябекки лишь дважды покинул пределы города для книжных консультаций по поручению герцога, да и то не удалился от городских ворот далее чем на 10 миль), он изучал рукописные и печатные каталоги различных библиотек, вел беседы с приезжавшими во Флоренцию путешественниками, переписывался с коллегами и таким образом постепенно изучил фонды многих книгохранилищ. Рассказывали, что Мальябекки знает библиотеки других городов лучше, чем те люди, которые в этих библиотеках работают.

В многочисленных жизнеописаниях знаменитого флорентийца неизменно повторяется такой эпизод. Однажды на запрос герцога Козимо III об одной редчайшей книге Мальябекки ответил: «Ваше высочество, я не могу предоставить вам эту книгу, ибо на свете имеется лишь один ее экземпляр. Он находится в библиотеке Сераля в Константинополе. Это седьмой том в первом шкафу справа от входа». Ответ весьма характерный для «флорентийского Диогена», как его иногда называли. Неудивительно, что

ученый монах Анджело Финарди составил следующую анаграмму его имени: «Antonius Magliabeccius — Is unus bibliotheca magna». В переводе, не отражающем, понятно, фонетическую игру, это означает: «Антонио Мальябекки — сам великолепная библиотека». И в самом деле, он был как бы живой библиотекой, способной без каталогов, без механизации и счетно-решающих устройств мгновенно выдавать требуемую библиографическую информацию.

Мальябекки обладал непостижимым умением в считанные секунды прочитывать, поистине проглатывать, любое сочинение (он на три столетия опередил искусство скорочтения, медленно развивающееся в наши дни). Когда в руки ему попадала новая книга, он бросал молниеносный взгляд на титульный лист, на последнюю страницу, на предисловие, на посвящение, на иллюстрации, проглядывал оглавление. И этого было ему достаточно, чтобы составить верное представление не только о содержании самой книги, но и об источниках, которыми пользовался автор — иначе говоря, знать все необходимое! Правда, в такой диковинный талант обыкновенного человека трудно было поверить, и некоторые иезуиты не без презрения называли Мальябекки «*doctor inter bibliothecaris, sed bibliothecarius inter doctores*» («ученый муж среди библиотекарей, но библиотекарь среди ученых мужей»).

И все же ученые со всей Европы приезжали к нему для научных бесед и вступали потом в долголетнюю переписку с ним. Мальябекки стал как бы центром культурной жизни Флоренции.

Уже в нашем столетии была опубликована его переписка с ректором университета в Цвиккау Христианом Даумом. В 39 письмах Антонио Мальябекки отражены широчайшие культурные интересы и глубокие его познания. На тосканском диалекте он сообщал своему корреспонденту новости литературной жизни Вероны, Падуи, Флоренции, Рима. Письма обнаруживают добрую душу и высокий ум флорентийского библиотекаря, его готовность тотчас откликнуться на личную просьбу или научный запрос. Даум отвечал флорентийцу по-латыни. Он щедро снабжал его не только важными библиографическими сведениями, но и новыми каталогами, каждый раз приводившими Мальябекки в восторг и вызывавшими поток благодарностей.

Между тем законы стоустой молвы, несовершенство и легкомыслие человеческой памяти сыграли с Антонио Мальябекки злую шутку. В многочисленных воспоминаниях современников, в книгах и переписке чужеземцев, посетивших его флорентийский дом на улице Вилла делла Скала (северо-западный луч, отходящий от площади св. Марии) преобладает вовсе не восхищение необычайными талантами и титаническим трудом «живой библиотеки», а нечто совсем иное.

В 1686 г. во Флоренции побывал библиотекарь одного из французских монастырей Мишель Жермен. Вот что сообщал он о Мальябекки в письме своему собрату по монашескому ордену: «Вечный холостяк, безобразный, с невероятных размеров толстогубым ртом, с огромными желтыми зубами — великий библиотекарь имеет вид весьма неказистый... Он среднего роста, тщедушный, 48 лет от роду (М. Жермен ошибается: он посетил Мальябекки, когда тому было 52 года. — В. К.). Но на вид ему скорее 55 лет. Одет крайне небрежно, волосы не причесаны, сюртук чрезвычайно короток, рубашка грязная и вдобавок без манжет, которые он надевает лишь по большим праздникам».

Голландский ученый и путешественник Хейман так описывает жизненный уклад Мальябекки: «Вечно находившийся среди своих книг, он ничем другим не интересовался. Единственные живые существа, к которым он чувствовал симпатию, были многочисленные пауки. Утомленный любопытством праздных людей, он часто восклицал, сидя среди своих книжных Монбланов: „Потрудитесь не причинить вреда моим паукам“». Несколько больших помещений в первом этаже его дома, если верить мемуаристам, были забиты книгами до отказа: тысячи томов не только громоздились в три ряда на полках, расставленных по стенам, но и грудami лежали на полу. В комнатах невозможно было сидеть или стоять, не то что прогуливаться вдоль полок. По едва заметным узеньким тропкам между горами книг с превеликим трудом удавалось перебираться из одного помещения в другое. Еще сложнее было подняться на второй этаж: лестничные площадки ломились от книг, да и сами ступени лестницы тоже были покрыты толстыми книгами, так что приходилось на них наступать. Те, кому все-таки удавалось добраться до второго этажа, приходили в изумление, ибо

там их ожидали совсем уж непроходимые книжные чащобы. Две отличные кровати, стоявшие наверху, использовались отнюдь не по назначению: их покрывали несколько слоев разнообразной печатной продукции.

Впрочем, по справедливому замечанию И. Дизраэли, автора знаменитых «Курьезов литературы», «этот первозданный хаос совершенно не мешал Мальябекки отыскать нужную книгу. Он знал своих овец, как пастухи — в лицо». «Есть нечто странное в том, — продолжал Дизраэли, — что столь объевшийся литературной пищей, он сам не приготовил никакого литературного деликатеса или, на худой конец, сэндвича. В сущности это он, Мальябекки, должен был написать „Курьезы литературы“». Следует заметить, что Дизраэли здесь не совсем прав — во-первых, переписка Мальябекки представляет собой непревзойденный в своем роде «литературный деликатес»; во-вторых, следует ли требовать оригинальной литературной продукции от библиотекаря и библиографа?

Трудно представить себе более простой образ жизни, чем тот, который долгими десятилетиями вел Антонио Мальябекки. Он почти совсем не покидал своего жилища, появляясь в герцогском дворце лишь по каким-либо чрезвычайным обстоятельствам, но зато пунктуально отправляя герцогу требуемые книги по письменным запросам. Копченое мясо, кусок хлеба, несколько яиц, кружка воды — вот его обычный дневной рацион. Ящик его стола был всегда открыт, и голландец Хейман собственными глазами видел эти скромные припасы, да еще несколько монеток, предназначенных на ежедневные нужды. Увы, слуги некоторых ученых господ подчас прельщались содержимым открытого ящика, оставляя хозяина дома вовсе без пищи. К тому же, говорили, он по рассеянности употребляет ломтики колбасы вместо книжных закладок!

В дверях дома Мальябекки была прорублена щель, сквозь которую он мог рассмотреть посетителя. Эта предосторожность в последние годы его жизни оказывалась не лишней: слава о нем распространилась так далеко, что туристы, подчас весьма далекие от книжных интересов, воспринимали великого библиотекаря как одну из достопримечательностей Флоренции и отправлялись к нему развлекаться, как отправляются, скажем, в зоопарк. При этом богатые и знатные, но вовсе не всегда образован-

ные гости не столько восторгались духовным богатством хозяина, сколько страдали от духоты, грязи и беспорядка в его жилище. Неудивительно, что потом многие из них с насмешкой рассказывали о маленьком человечке, который спит не раздеваясь на матраце, уложенном прямо на книгах; то машинально греет руки над давно потухшими углями, то ходит с обожженным лицом; беспрестанно нюхает табак, обсыпая им заношенную до дыр рубаху. Он терпеть не может вокруг себя ничего кроме книг. Два поломанных стула (впрочем, это число варьируется до шести) да упомянутый матрац — вот вся его мебель. У него нет даже служанки, и если бы не сострадание соседей, он давно бы умер с голоду. Не раз, утомленный бесконечным чтением, Мальябекки засыпал в своем кресле, оставив непотушенной жаровню, угольки попадали на листы книг, и тогда в доме начинался пожар. Приходилось прибегать к посторонней помощи, чтобы книжные сокровища и их владелец не погибли в огне. Немудрено, что при таком жизненном укладе Мальябекки отказывался позировать художникам. Публикуемый портрет работы Дандами — единственное его прижизненное изображение.

Объективнее других оценил свой визит к Мальябекки в 1692 г. гость из Германии Генрих Барч: «Вооружившись рекомендациями, я побывал во Флоренции у знаменитого библиотекаря Антонио Мальябекки, который принял меня и моих спутников с отменной вежливостью. Три дня он знакомил нас со всеми достопримечательностями библиотеки великого герцога, а затем пригласил в свое собственное книгохранилище. Там я был немало поражен, ибо такого беспорядка никогда не видел и никогда не увижу...» Далее, как догадывается читатель, следуют подробности о засыпанном табаком галстуке, о потрепанной старой шляпе с оборванными краями, о том, что Мальябекки ел на книгах, сидел на книгах, спал на книгах...

Увы, с годами все реже появлялись в воспоминаниях и статьях о «странном флорентийце» реальные оценки его значения в культурной истории Италии и, напротив, все подробнее (и разноречивее!) приводились забавные детали его повседневного быта, все забавнее становились рассказы о его чудачествах, постепенно превращая великого библиотекаря и библиографа в глазах потомства в зауядного книжного червя.

Антонио Мальябекки дожил до 81 года. Незадолго до смерти, больной и одинокий, он получил приглашение герцога переселиться в дворцовые апартаменты, но отверг его и скончался в той самой «книжной келье», в которой провел столько отшельнических счастливых лет и которая к тому времени стала походить на пещеру, полную драгоценностей. Аббат Сальвини, произносивший надгробную речь о Мальябекки во Флорентийской академии в 1714 г., нашел достойные слова, определившие меру одаренности и трудолюбия его знаменитого соотечественника. Он говорил: «Как прилежная пчела перелетал Антонио Мальябекки от одного цветка к другому, от одной прекрасной и мудрой книги к другой, собирая душистый мед учености». По крайней мере восемь томов мадригалов, сонетов и... эпиграмм, связанных с именем Мальябекки, вышли в свет после его смерти. Но еще при жизни он успел получить в дар любопытную книгу. Она полностью состояла из названий других книг, ему же посвященных в разные времена — со всеми восхвалениями в прозе и стихах, адресованными Мальябекки.

Почувствовав приближение конца, он призвал священников и продиктовал им свою последнюю волю. Все 30 тысяч томов библиотеки он завещал городу Флоренции при условии, что книги будут всегда доступны читателям. Кроме того, он оставил небольшую ренту — на содержание библиотеки.

Мальябекки умер голодный, оборванный, одинокий, и все же он провел счастливую жизнь. С его кончиной Флоренция потеряла знаменитого своего гражданина и навсегда приобрела великолепную книжную коллекцию, которая более столетия хранилась отдельно, а с 1862 г., объединенная с библиотекой герцогов Тосканских, составила основу национального книгохранилища, существующего и по сей день. Особым указом герцога было предписано передавать в библиотеку обязательный экземпляр каждой книги, изданной в Тоскане. Уже в 1906 г. «библиотека Мальябеккиана» насчитывала 544 021 печатную книгу, 19 383 рукописи, 702 842 единицы периодики, 3575 инкунабул.

О Мальябекки часто вспоминали с оттенком презрения, как о человеке, который общение с живыми людьми заменил изучением титульных листов и книжных оглавлений. Шутили, что даже подушкой ему служит жесткий

переплет. Но, может быть, ближе к истине был знаменитый английский библиограф и библиофил Томас Фрогнал Дибдин, заявивший, что само существование Мальябекки делает честь истории библиотечного дела.

Кем же все-таки был он, Антонио Мальябекки, о котором говорили: он настолько сроднился с книгами, что сам «набран, отпечатан и переплетен»? Книжным червяком, полубезумным отшельником, оставившим полный красок мир ради бумажных листов, покрытых печатными знаками, — то есть библиоманом?

Или же ученым-эрудитом, библиографом и библиофилом, которого, пожалуй, никто не превзошел по самоотверженности, трудолюбию и любви к книге? И если верно последнее, то стоит ли придавать значение странному образу жизни, странному внешнему облику, странным привычкам Антонио Мальябекки? Ибо, как писал поэт,

...что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?

Москва

Дела
минувшие

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ЗАМЫСЕЛ

С января 1906 г. в Москве стал выходить новый литературно-художественный журнал «Золотое руно». Мало кто знает, что его рождение обрело на гибель одно из интереснейших начинаний И. Э. Грабаря и И. Н. Кнебеля — журнал «Вестник искусства» и в то же время явилось толчком к изданию широко известной и поныне серии иллюстрированных монографий «Русские художники».

В середине лета 1905 г. Игорь Эммануилович Грабарь стал часто бывать в Москве, в Петровских линиях, в книжном магазине Иосифа Николаевича Кнебеля. Там же помещалось и издательство владельца магазина. К тому времени оно хорошо зарекомендовало себя, выпустив в свет собрание гелиографюр с картин Третьяковской галереи и репродукции с лучших полотен Румянцевского музея. Кроме того, Кнебель с помощью Грабаря, выступившего в роли редактора и автора статей, издал в 1904 г. прекрасно отпечатанную в Германии серию цветных репродукций «Картины современных художников в красках».

На этот раз причиной частых наездов Грабаря были переговоры об издании нового журнала, посвященного современному искусству. Потребность в нем остро ощущалась всеми читателями и сотрудниками закрывшегося в 1904 г. журнала «Мир искусства».

Кнебель очень увлекся идеей. Сохранилась обширная переписка И. Э. Грабаря с будущими авторами нового журнала — они с радостной готовностью восприняли его идею.

«Очень рад, страшно рад, что вы будете, наконец, редактором настоящего художественного журнала, — пи-

И. Н. Кнебель

сал Грабарю 16 декабря 1905 г., за несколько дней до смерти, Борисов-Мусатов. — И раз туда переходят все сотрудники «Мира искусства», это значит, наступило, наконец, давно желанное возрождение «Мира искусства».

Сам И. Э. Грабарь после встречи с петербургскими друзьями не без гордости тем же летом сообщал Бенуа в Париж, что «...все, не исключая и Серова, — не скрою, что это мне особенно приятно, — очень довольны, что у нас опять нечто будет». Это «нечто» вначале предполагалось назвать «Свободное искусство» или «Современное искусство» или «Летопись искусства», но, в конце кон-

цов, по совету А. Бенуа и К. Сомова назвали «Вестник искусства». Об оформлении нового журнала Грабарь в том же письме к Бенуа писал, что оно «в противоположность мирискусственному барству и роскоши должно быть скромно, ибо только так может жить».

М. В. Добужинский сделал эскиз обложки и уже разрабатывал шрифт титула, вместе с ним Е. Е. Лансере и В. Д. Замирайло рисовали буквицы, а К. А. Сомов готовил заставку для отдела, в котором намеревались помещать «всякие пригвождения и ехидства».

Программа журнала обсуждалась подробнейшим образом вплоть до 12-го номера 1906 г.

Однако в конце года стало известно, что в Москве с января 1906 г. начнет выходить новый журнал с близкой программой — «Золотое руно», а издавать его будет один из богатейших людей Москвы — Н. П. Рябушинский.

Для инициаторов «Вестника» это был неожиданный удар. Всякое соперничество с нестесненным в средствах издателем было по меньшей мере рискованно.

В июне 1906 г., когда угасла последняя надежда на издание своего журнала, И. Э. Грабарь писал А. Н. Бе-

нуа: «Как ты знаешь, на баррикадах (не пугайся, ради бога!!!) погиб наш «Вестник искусства»... «Золотое руно» выправляется понемногу, но, разумеется, для нас это только суррогат. Комфортабельно устроенный дом, в котором целая дюжина превосходных клозетов, золоченых кроватей (ибо спальни в этом доме не последнее дело), мраморные ванны, «богатые» приемные и залы, но совсем нет той уютной комнатки с камином, о которой нам мечталось, где можно было бы чувствовать себя дома и в своем круже....»

На этом-то «пепелище» и рождается замысел нового большого предприятия, о котором Грабарь сообщал в том же письме: «...Я же, огорчившись гибелью „Вестника искусства“, подбил Кнебеля купить клише „Мира искусства“ и теперь сижу над оборудованием монографий, вроде, скажем, Кнакфуса¹, или вернее, Мутеровской серии «Die Kunst»². Разумеется, только большего, по-неволе, формата, т. к. клише большего размера...»

Вначале серия мыслилась как собрание иллюстрированных монографий, посвященных русским художникам последних двух столетий и современным мастерам. Позже, в отличие от немецких серий монографий, посвященных старым и новым западноевропейским мастерам, издатели решили ограничиться искусством России, о чем свидетельствовало и название серии «Русские художники».

Отдельной серией решено было издавать монографии о древнерусских городах, сохранивших свой неповтори-

¹ Герман Кнакфус (1848—1915) — немецкий искусствовед, художник, иллюстратор. В 1895 г. начал издание и редактирование серии монографий по искусству «Künstler Monographien», где выступал и как автор интересных исследований о западноевропейских художниках. При жизни Кнакфуса удалось выйти более 100 монографий. Закончилось издание в начале второй мировой войны, в 1940 г., на 121-м выпуске, посвященном тирольскому мастеру XV в. Михаилу Пахеру. Отпечатана серия в Лейпциге.

² Рихард Мутер (1860—1909) — немецкий историк искусства, профессор Бреславского университета. В 1902 г. в Берлине стал издавать и редактировать серию «Искусство. Собрание иллюстрированных монографий» («Die Kunst. Sammlung illustrierten Monographien»). В предисловии к 1-му выпуску, посвященному Лукасу Кранаху старшему, Р. Мутер писал: «Программа наша проста: мы должны заглянуть во все уголки великого государства искусства... Не станет ли то, что раньше казалось скучным, теперь забавным, если опишет его живое перо. Исходя из этого мы и строим свои планы». Со смертью Мутера, в 1909 г. серия прекратила свое существование на 59-м выпуске. Отпечатана серия в Берлине.

мый облик. «Что город — то норов» — эта народная поговорка определила характер серии и была вынесена в виде девиза серийной марки, исполненной художником Е. Лансере, на авантитул первого и единственного выпуска (Эдинг Б. Ростов Великий. Углич. Памятники художественной старины. М., [1914], 200 с. с ил.) Предназначались серии широкому кругу любителей искусства.

А. Н. Бенуа поддержал идею создания серий.

Многотомная «История русского искусства», над которой по настоянию И. Н. Кнебеля Грабарь начал работать с января 1907 г., на время целиком захватила Игоря Эммануиловича своим грандиозным замыслом. Связанная же с этим работа как редактора и одного из основных авторов требовала полной отдачи всех душевных и физических сил. Это на время сдвинуло сроки подготовки монографий и как бы переместило их на второй план. В дальнейшем эту серию издатели будут считать «естественным продолжением и пополнением фундаментальной «Истории».

В апреле 1910 г., когда первый выпуск «Истории русского искусства» уже находился в печати, Грабарь вновь обратился к серии монографий, над которой уже трудились несколько авторов (в частности, С. Глаголь собирал материал об И. Левитане, С. Яремич — о М. Врубеле, сам Грабарь — о В. Серове и К. Коровине).

В письме к Яремичу Грабарь предлагал подготовить 3 или 4 печатных листа монографии о Врубеле. Яремич с готовностью откликнулся, предупредив, что «до осени я занят буду собиранием материала, так как если его не собрать теперь, то он будет потерян навсегда...» Такая категоричность была вызвана, по-видимому, смертью М. А. Врубеля (1 апреля 1910 г.).

Позже, в одном из писем, Грабарь высказал свои взгляды на специфику содержания монографий вообще и врубелевской в частности:

«Самым существенным я считаю вот что:

1) Чтобы жизнь и творчество данного лица не были взяты как нечто самодовлеющее, ибо этого никогда не бывает даже и с Микеланджело. Нужно все время ткать фон эпохи, условий встреч, обстановки и пр. и уже на этом фоне рисовать контур лица, которому монография посвящена.

2) Вопрос о влияниях — чрезвычайно важен. Тут, конечно, окажется далеко не один только Ал. Иванов,

ВТОРЪ РЪСЛАНЪ

С. ЯРЕМИЧЪ

РУССКІЕ ХУДОЖНИКИ

МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

Собрание

ВРУБЕЛЬ

иллюстрированныйъ

монографіей

ЖИЗНЬ

и ТВОРЧЕСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВРУБЕЛЬ

Разворотный титул книги С. Яремича

но, например, — и очень! — Чистяков со своей чистотой «цвета» и «мозаикой» и многое-многое другое. Все это желательно привести в систему и отчетливо прорисовать.

...4) Никаких выпадов и драки, окунающих в современные нравы: французы никогда не ругаются...»

Переписка становится все оживленной, письма следуют одно за другим: 23 июня, 8 июля, 13 июля...

Последнее, над чем пришлось потрудиться Грабарю-редактору перед выпуском в свет, — справочно-библиографический раздел монографии. По словам Грабаря, раздел должен стать «до известной степени образцом для всех последующих (выпусков)», а потому пришлось «пообмозговать его характер, приемы, внешнюю форму, т. е. набор, шрифты и пр. ...» Яремич, по его словам, был бесконечно признателен Игорю Эммануиловичу за помощь и, познакомившись с отредактированным вариантом, писал: «Все, что Вы сделали с добавлением списка, превосходно, и я удивляюсь только одному — Вашей энергии!»

В апреле 1911 г. книга С. П. Яремича увидела свет. Она вышла тиражом 15 000 экз. в двух вариантах:

Издательская марка серии.
Художник Е. Е. Лансере

1) в коленкоровом (зеленом или коричневом) переплете с суперобложкой, повторяющей, как и сам переплет, название выпуска и серийную марку, расположенную на авантитуле;

и 2) в картонном переплете, обклеенном обложечной бумагой с рисунком Е. Е. Лансере.

А. А. Сидоров пишет в своих «Записках собирателя» о серийной марке: «...Первая русская революция потерпела поражение, власть была у врагов. Поклоняться «прекрасному», которое было «далеко», не мешали, а на

издательской марке первых художественных монографий, прекрасно изданных И. Кнебелем, значились начертанные рукою прекрасного мастера Е. Е. Лансере гордые слова: «Скована жизнь — свободно искусство».

Книга получила много отзывов в прессе, в кругах художников и любителей искусства. Пожалуй, наиболее авторитетно и веско отозвался на выход книги киевский журнал «Искусство»³.

Начиная с 1909 г. журнал сделался как бы «архивом, посвященным памяти Врубеля»: на его страницах были опубликованы воспоминания о художнике Б. К. Яновского, Е. И. Ге, В. А. Александровой и др., здесь же появился и первый серьезный опыт биографии М. А. Врубеля, написанной А. П. Ивановым. Вот почему мнение этого, по выражению Грабаря, «пресимпатичного журнала» особенно порадовало и автора и издателей. «Главная ценность книги Яремича, — читаем мы в сдвоенном номере 6—7 журнала за 1911 г., — заключается в том, что в ней собрано все более или менее ценное, касающееся мастера... Книга обильно иллюстрирована прекрасными снимками с произведений мастера...»

³ «Искусство» — ежемесячный худ.-илл. журнал. Киев, 1911—1912 гг. Ред.-изд. В. С. Кульженко. В 1909—1910 гг. назывался «Искусство и печатное дело», а в 1913—1914 гг. — «Искусство в Южной России».

Тот же журнал несколькими месяцами раньше критиковал первую монографию о Врубеле, изданную петербургской издательницей Н. И. Бутковской, отметив общий невысокий полиграфический уровень издания.

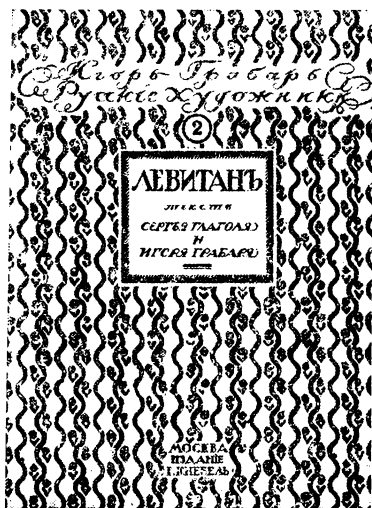
Интересен отзыв И. Е. Репина, хорошо знавшего и ценившего М. А. Врубеля еще со времен его занятий в Академии художеств. В письме К. И. Чуковскому от 12 февраля 1912 г. он писал: «... Прекрасная вещь — умно, интересно и даже с художественностью написана... И Врубеля мне стало еще жальче и еще жальче».

«Первое звено задуманной цепи» — первая книга из серии иллюстрированных монографий стала событием в художественной жизни России тех лет.

Вслед за первым выпуском, в течение трех лет, было напечатано еще четыре, посвященные И. Левитану, В. Серову, А. Рябушкину и М. Нестерову⁴.

Если сравнить монографии, изданные И. Грабарем и И. Кнебелем, с их немецкими прототипами (серии Г. Кнакфуса и Р. Мутера), то легко можно заметить, что при многих чисто внешних параллелях (картонажный переплет с рисованной обложкой, вклейки на темно-сером паспарту, серийная марка и другие схожие элементы) московские издатели пошли дальше своих берлинских и лейпцигских коллег. Тщательно подготовленный справочный аппарат, включающий, помимо хронологического перечня работ художников, летопись их жизни и литературу о них; прекрасно исполненные цветные вклейки («трехцветки»), воспроизводящие основные работы художников; фигурный набор концевых полос и, наконец, нарядная суперобложка — все это придает книге те библиофильские черты, которыми отличались лучшие дореволюционные художественные издания. Хорошо сказано об этом в письме И. Э. Грабаря к С. П. Яремичу (май, 1910 г.): «Задуманная мною серия монографий должна быть Кнакфусовской категории, и от Кнакфусовских

⁴ Глаголь С., Грабарь И. Исаак Ильич Левитан. Жизнь и творчество. М., [1913], 120 с. с ил.; 15 л. ил.; портр. Вып. 2 [15 000 экз.].
Грабарь И. Валентин Александрович Серов. Жизнь и творчество. М., [1913], 300 с. с ил.; 22 л. ил.; портр. Вып. 3 [15 000 экз.].
Ростиславов А. Андрей Петрович Рябушкин. Жизнь и творчество. М., [1914]. 96 с. с ил. Вып. 4 [15 000 экз.].
Глаголь С. Михаил Васильевич Нестеров. Жизнь и творчество. М., [1914]. 126 с. с ил. Вып. 5 [15 000 экз.].

Обложка монографии о Левитане

должна отличаться только тем изяществом и нарядностью, которая заключается в присутствии вкуса и в любви к книге, а не дороговизне. Словом, мне приятнее, что [бы] красоту ее делало творчество человека, которому монография посвящена, и этому всячески содействовали бы мы, а не Голике и Вильборг и Мейзенбах»⁵.

К 1915 г. в издательском портфеле И. Н. Кнебеля лежали готовые рукописи И. О. Дудина («Карл Брюллов»), Я. А. Тугендхольда («В. Э. Борисов-Мусатов»), А. П. Иванова («Н. К. Рерих») и др. И. Э.

Грабарю удалось организовать коллектив авторов, которым были заказаны тексты для 30 выпусков из предполагавшихся 52. Кроме того, негативы и часть клише для них уже были подобраны и хранились на складе издателя. Оставалось лишь издавать по этому плану выпуск за выпуском. Однако этому не суждено было сбыться. В разгар первой мировой войны, 28 мая 1915 г., во время погрома, устроенного черносотенцами, книжный магазин и «Школьный музей» Кнебеля со складом наглядных пособий и клишехранилищем были разгромлены.

Одним из первых морально поддержал издательство журнал «Старые годы». «Нельзя не почувствовать искреннего сожаления, — писалось в сентябрьском номере журнала, — по поводу несчастья, постигшего издательство... деятельность его была безусловно полезна для чтущих историю и искусство России».

До конца оправиться от майской трагедии Кнебель так и не смог.

⁵ Р. Р. Голике и А. И. Вильборг — основатели одного из лучших дореволюционных полиграфических предприятий — «Товарищества Р. Голике и А. Вильборг». Существовало с 1903 по 1918 г. Мейзенбах Риффарт — немецкий полиграфист, владелец типографии в Берлине.

Последнее, что совместно смогли осуществить И. Э. Грабарь и И. Н. Кнебель — это издание 23 выпуска «Истории русского искусства», посвященного московскому зодчеству в эпоху барокко и классицизма⁶. Выпуск увидел свет летом 1916 г. Все последующие годы, вплоть до национализации издательства в 1918 г., Иосиф Николаевич издавал в основном детские книжки и наглядные пособия.

После революции Кнебель активно сотрудничал с советскими издательскими организациями, а в последние годы жизни работал заведующим издательским отделом при Государственной Третьяковской галерее. Умер И. Н. Кнебель 14 августа 1926 г. в возрасте семидесяти двух лет.

ПОСТСКРИПТУМ

В 1922 г. в первом номере журнала «Среди коллекционеров» появилось письмо одного из петроградских читателей, интересовавшегося судьбой монографии о М. В. Нестерове, написанной С. Глаголем еще в 1913 г. В следующем номере журнала некто «N» ответил: «Монография эта отпечатана и была пущена в продажу в Петрограде во временной обложке и без цветных репродукций, подобно монографии Ростиславова о Рябушкине».

Тому, что две эти монографии (даже в таком виде) попали на книжный рынок, а не были уничтожены, можно только порадоваться.

Рад был этому и Михаил Васильевич Нестеров, который в апреле 1923 г. писал П. П. Перцову: «... наконец-то вышла и моя монография, (из серии Грабаря) с текстом Сергея Глаголя, но, к сожалению, без цветных репродукций, они остались в Праге... Внешний вид книги бедный, она в какой-то серой обложке. Текст приличный...»

Монографии о Рябушкине повезло больше — она до сих пор иногда встречается в издательской обложке.

Безусловно интересны и судьбы неизданных монографий, тексты которых сохранились у авторов. Чаще всего

⁶ Из задуманных 9 томов (40 вып.) «Истории» было издано 5 полных томов (I, II, III, V и VI) и начало IV тома (23-й вып.)

они, в конце концов, попадали в печать, правда, в виде отрывков или отдельных статей в сборнике или журнале⁷.

Так случилось и с рукописью М. А. Волошина, посвященной В. И. Сурикову. По предложению И. Э. Грабаря автор начал работу над ней еще в 1913 г. и закончил спустя три года. Вскоре в журнале «Аполлон» (№ 6—7 за 1916 г.) появилась первая публикация отрывка из работы Волошина: «Суриков. Материалы для биографии». В прикнижном объявлении нестеровского выпуска, в перечне осуществленных и задуманных монографий, рукопись Волошина была восьмой по счету. Однако революция, а затем гражданская война надолго отодвинула ближайшие планы издателя, и разговор о рукописи зашел лишь в 1922 г., спустя семь лет после сдачи ее в издательство. На этот раз по просьбе Волошина, жившего в то время в Коктебеле, с Кнебелем встретился В. В. Вересаев. Он сообщил ему, что взялся помочь Максимилиану Александровичу в издании монографии и уже договорился с Госиздатом о публикации рукописи, которая переслана ему автором. Иосиф Николаевич не стал возражать против этого, так как самому ему уже было не под силу продолжать издание своей серии.

Волошин писал своему другу, художнику К. В. Кандаурову, в июле 1922 г.: «...Я вовсе не хочу роскошных иллюстрированных изданий. Я хочу видеть, наконец, свою книгу напечатанной хотя бы в самом простом виде. Мне надо только это...» И все же в конце письма, вспоминая, по-видимому, о предыдущих кнебелевских выпусках, Максимилиан Александрович откровенно признается: «Мне очень жаль, что Кнебель прозевал мою монографию...»

Отдельным изданием монография так и не была напечатана. Отрывки из рукописи М. А. Волошина два-ж-

⁷ Так, например, известны работы Я. А. Тугендхольда «Молодые годы Мусатова» — в журнале «Аполлон», 1915, № 8—9, с. 19—26; П. И. Нерадовского «Акварели и рисунки А. Иванова». — В сб.: «Материалы по русскому искусству», т. I. Л., Гос. Рус. музей, 1928, с. 234—254; А. М. Эфроса «Вакханка А. Венецианова» — в журнале «Среди коллекционеров», 1921, № 11—12, с. 1—8 и «Венецианов в письмах художника и воспоминаниях современников». М.—Л., «Academia», 1931. (Вступительные статьи и примечания).

В Научной библиотеке ГТГ хранится экземпляр рукописи И. О. Дудина «Карл Павлович Брюллов. Жизнь и творчество» — 73 стр. верстки или сверки, наклеенные на листы плотной белой бумаги альбомного формата. Рукопись подарена библиотеке вдовой автора.

И. Н. Кнебель был не единственным издателем монографий о художниках. Однако незаурядный авторский коллектив, великолепное полиграфическое исполнение и научный подход к подготовке монографий делают кнебелевскую серию «Русские художники» одним из наиболее замечательных художественных начинаний своего времени.

Новелла Матвеева

ЖИЗНЬ КНИГИ

I.

Философы, вникайте в Суть!
Художники! блистательное племя,
Чья жизнь — мечта, надежда, подвиг,
бремя!
На ваш пример мне страшно и взглянуть,

Чтоб «книжной» не прозваться как-нибудь...
Почтенней вас выходит даже семя
Крапивы, презираемое всеми:
Его-то ведь не грех упомянуть!

Что! Даже черт (не к ночи будь помянут!)
Опять-таки звучит при свете дня.
А скажешь «Кант» — и днем их уши вянут...

Стою без слов над тайной непостижной:
За то ль зовусь «нежизненной» и книжной,
Что буквы книг так живы для меня?

II

Я не с листа писала на листок,
Я не из книги в книгу заносила!
Но знаю: книга — жизненный исток.
Пресс Гутенберга — жизненная сила.

Я на рембовском «Пьяном корабле»
В цитатный порт ни разу не являлась.
Но я «литературностью» Рабле,
Я «книжностью» Эразма вдохновлялась.

«Оторваны» мои учителя
От «гущи жизни» — как никто на свете!
Гомера ворошат чего-то для,
За тогу римлян держатся, как дети.
Смешно сказать! — им слышится из книг
Такой же — человеческий! — язык.

III

Живой да будет каждая строка!
Из жизни черпай злато размышлений!
Но жизнь — помилуй! — разве так ярка
И так сильна, как выраженный гений?

Не хмурь многозначительно бровей,
Не покрывайся складками страданий!
Всего полней (не спорь!), всего живей
Жизнь гения и жизнь его созданий.

А нет, оспорь Шекспира. Вот где зло!
...За окнами бушует Лондон ярый;
Там — лязг и грохот, Джонсон и Марло...
А он корпит над летописью старой.

Не в жизни взял: с пергамента «списал»!
Но кто нам сердце глубже потрясал?

«КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» В ПАРИЖЕ

Передо мной на стол легла небольшая пачка гравюр, с изящной монограммой, слегка схожей с начертанием некоторых монограмм В. А. Фаворского. Разбирая гравюры, я никак не предполагал, что за этим последует длительный и интересный поиск.

Вдова французского художника Ле Кампиона, почетная гостя XIII Международного конгресса экслибрисистов в Будапеште, высказала пожелание, чтобы с творческим наследием ее мужа ознакомились на его родине, в Москве, и прислала в дар Московскому клубу экслибрисистов авторские оттиски гравюр, относящиеся к различным годам его творчества.

Мне поручили атрибутировать гравюры, дать предложения, куда их определить на постоянное хранение, и подготовить доклад о жизни и творчестве этого интересного художника.

Куда определить гравюры — не вызывало никаких сомнений! Иллюстрации к «Капитанской дочке» и все, что связано с именем Пушкина, следовало передать А. З. Крейну, в музей А. С. Пушкина. Иллюстрации к Анатолю Франсу, Овидию, экслибрисы и все остальное надо передать в отдел графики Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Так и решили.

Ну, а как быть с докладом? Французский период творчества художника можно установить по каталогам и по статьям во французских журналах, но вот о пребывании в Москве неизвестно ничего... Его имя в нашей литературе нигде не встречается. Кто же он, этот загадочный москвич Ле Кампион?

Добываю один из каталогов его выставки во Франции. В нем дата рождения (26 сентября 1903 г.) и упоминание о том, что до 1927 г. он жил и учился в Москве. Это уже какой-то ключ к дальнейшим поискам! Перелистываю за несколько лет справочники «Вся Москва», но в них фамилия Ле Кампион не встречается.

Прикидываю, где Ле Кампион в те годы мог учиться ксилографии. Решаю обратиться к старым вхутемасовцам. Прежде всего обращаюсь к Андрею Дмитриевичу Гончарову. «Нет, что-то такой фамилии не помню», — отвечает он и тут же диктует одну за другой фамилии своих однокашников, к которым советует обратиться. Еле успеваю записывать их адреса и телефоны. Составляю список ветеранов московской ксилографии и почти две недели обзваниваю их. Увы! Эта фамилия никому из них неизвестна.

Еду к замечательным друзьям, всегда готовым прийти на помощь, сотрудникам ЦГАЛИ. Майя Михайловна Ситковецкая и Муза Ильинична Крылова заботливо приносят мне стопки старых дел — архив Вхутемаса. Листаю страницу за страницей, проходят факультет за факультетом, мелькают хорошо знакомые и такие близкие имена прославленных мастеров нашей графики, ставшие теперь достоянием истории советского искусства. Но имени Ле Кампиона не нахожу! Заканчиваю многодневный поиск просмотром толстого тома «исключенных», но и здесь его нет.

Вновь возвращаюсь к гравюрам. Обращаю внимание на то, что на одной технически несовершенной гравюре вместо монограммы награвировано «Bitt». Что это за подпись? Гравюра другого художника в эту подборку вряд ли могла попасть. А вдруг это его подлинная фамилия, а в Париже он ее сменил на французскую? В те годы так поступали многие художники, жившие во Франции.

Вновь звоню в ЦГАЛИ, прошу подготовить вторично дела графического факультета, попутно высказываю свои предположения. Обещают подготовить через два дня. Спустя 20 минут после разговора звонит Майя Михайловна Ситковецкая, говорит лукаво, с паузами, интригуя: «Для Вас сюрприз! Приезжайте! У меня на столе личное дело студента Вхутемаса Валентина Николаевича Битта! Ну! Приедете?»

Немедленно еду в ЦГАЛИ. Гляжу на пожелтевшие листки личного дела. Вот первая страничка — заявление в приемную комиссию, в нем указан домашний адрес:

«Малый Гнездниковский пер., № 12, кв. 8». Следующая страница — анкета. Читаю и глазам не верю! Отчим — Александр Карлович Метнер. Его имя мне хорошо известно. Это заслуженный артист республики, композитор и дирижер Московского Камерного театра со дня его основания по день закрытия. К сожалению, он умер лет десять назад. Мать — Ольга Федоровна Гедике, тоже знакомое имя, солистка оперы Зимина, сестра прославленного московского органиста, народного артиста РСФСР Александра Федоровича Гедике. Но она тоже умерла лет пять назад. Однако этого уже достаточно для меня. Так вот кто ты, Ле Кампион!

Семья, в которой рос и воспитывался будущий художник, состояла из людей выдающихся. Дядя — Николай Карлович Метнер, знаменитый композитор, близкий друг С. Рахманинова. Другой дядя — Эмилий Карлович Метнер — философ, литературный и музыкальный критик, руководитель издательства московских символистов «Мусагет», редактор журнала «Труды и дни», сотрудник «Золотого руна». Человек, близкий к А. Блоку. Сразу вспомнилась история издания «Стихов о Прекрасной Даме», связанная с именем Э. К. Метнера.

Еду в Гнездниковский переулок. Беседую с жильцами. Метнеров помнят, а Валентина нет. Въехали в дом после отъезда Валентина. Называют женщину, жившую в той квартире очень давно, еще при жизни деда Валентина. Но ее сейчас нет.

Звоню к известному московскому искусствоведу Ксении Степановне Кравченко: «Ксения Степановна, Вам имя Валентина Битта ничего не говорит?» — «Говорит! Приезжайте завтра, покажу фотографии».

Надо ли говорить, с каким нетерпением я ждал назначенного часа встречи. «Да! Знаю его хорошо, — говорила назавтра Ксения Степановна. — Он бросил Вхутемас и стал брать уроки ксилографии у моего мужа, Алексея Ильича Кравченко, в одной группе с Редемейстером и ныне здравствующей Саррой Шор. Смотрите! Вот фотографии участников этой группы за работой. Вот они разыгрывают шуточные интермедии, до которых Валентин был весьма охоч. В начале 1927 года он уехал продолжать образование в Париж. Когда Алексей Ильич был со мной в Париже, мы посетили Валентина. Он по-спартански жил в мансарде и, не выпуская штихеля из рук, с утра до ночи

резал и резал на дереве, совершенствуя свою технику».

Эта беседа пролила свет на многое. Круг поисков и встреч расширялся, как круги на воде. Встречи с людьми, знавшими художника, следовали одна за другой.

Материала набралось достаточно, и доклад о Ле Кампионе состоялся 16 ноября 1971 г. в музее А. С. Пушкина. Одновременно музеем были переданы гравюры художника. Кончился акт передачи. Стою, окруженный группой людей, задающих без конца вопросы. Ко мне обращается женщина, терпеливо ожидавшая своей очереди: «Вы можете со мной поговорить?». Отходим в сторону. «Откуда Вы так хорошо знаете нашу семью? Я двоюродная сестра Валентина». Так состоялось наше знакомство с Верой Карловной Метнер-Тарасовой, замечательной женщиной, передавшей безвозмездно в дар государству унаследованный ею обширный архив дяди, композитора Н. К. Метнера. Архив хранится теперь в Москве, в Музее музыкальной культуры им. М. И. Глинки. Том писем Н. К. Метнера недавно издан.

У нее оказалось 380 гравюр Ле Кампиона (иллюстрации к книгам и книжные знаки). Впоследствии она их передала в дар Музею изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Она же помогала мне уточнить неясные места в биографии этого интересного художника, связавшего свое творчество с библиофилами Франции.

В возрасте 7 лет будущий художник получил от своей бабушки, француженки Жюстин Ле Кампион, подарок — пластилин. С этого времени он увлекся лепкой. Лепил неустанно, находя, что рисовать на плоском листе бумаги не так интересно, как лепить маленьких человечков из пластилина — участников историй, которые придумывал сам. Он также выводил на сцену персонажей Жюль Верна, Уэллса, Фенимора Купера и других авторов прочитанных книг.

«...Я жил среди этих персонажей, маленьких, но рельефных, которые подчинялись моей воле и моим замыслам», — писал впоследствии Ле Кампион. «Лепя из глины, я чувствовал себя богом-отцом», — писал он в другом письме. Возможно, что раннее увлечение скульптурой привело его в дальнейшем к увлечению ксилографией, так как ксилография благодаря пространственному моделированию материала и отпечатку на плоской поверхности листа находится где-то между скульптурой и рисунком.

Живя с 1918 по 1920 г. в Харькове, он становится свидетелем бурных событий гражданской войны на Украине. Они остро запечатлелись в его сознании, и много лет спустя он создал интересную серию гравюр «Революция». В 1920 г. Битт вернулся в Москву. У него возникло желание серьезно заняться живописью и рисунком. Он учился в Художественном училище Ф. И. Рерберга. В 1922 г. после

окончания трудовой школы он поступает на графический факультет Вхутемаса, но вскоре его оставляет.

В 1923 г. он увидел гравюры А. И. Кравченко, которые, как он пишет в одном из своих писем, «мне открыли материал, о котором я мечтал. Дерево с его фактурой всецело захватило меня». Можно предполагать, что это произошло на XVII выставке Союза русских художников, где экспонировались такие выдающиеся произведения А. И. Кравченко, как гравюры к «Повелителю блох» Э. Т. А. Гофмана, к «Деревянной королеве» Л. Леонова и т. д.

Уверовав в искусство А. И. Кравченко, он поступает к нему в группу и, на первых порах не подавая особых надежд, обучается гравированию на дереве сухой иглой и офорту.

В январе 1927 г. молодой художник переезжает в Париж, чтобы продолжить художественное образование у знаменитого мастера тоновой гравюры Стефана Паннемакера. Об этом периоде обучения у него не осталось ярких впечатлений, и он упоминает о нем в своих письмах редко и мало. Да и в гравюрах тех лет не чувствуется рождения нового ни в изобразительных приемах, ни в эмоциональном восприятии.

Все внимание молодого художника было сосредоточено на развитии гибкости руки, совершенствовании техники штриха. Необычайное трудолюбие, воля, вера в творческие принципы своего любимого учителя А. И. Кравченко в конечном итоге принесли свои плоды, и Ле Кампион занял достойное место среди французских художников-гравюров.

Его искусство — своеобразный синтез московской графической техники 20-х годов с традициями французской классической гравюры XVII—XVIII вв. Вырабатывая свой стиль, свой творческий почерк, он стремился придать гра-

вюре унаследованную от А. И. Кравченко эмоциональную выразительность формы, романтическую взволнованность, экспрессию.

Женившись на француженке и приняв фамилию своей бабки Ле Кампион, он поселился вблизи Парижа в маленьком городке Плесси Робинсон и посвятил свое творчество всецело гравюре на дереве, создавая иллюстрации к книгам и книжные знаки.

Как бы предчувствуя короткую жизнь, он стремился оставить след на земле и лихорадочно работал, стараясь извлечь из дерева все тембровые богатства.

Среди многочисленных книжных работ Ле Кампиона значительное место принадлежит библиофильским изданиям. Библиофильские общества Франции, Англии, Швейцарии заказывали ему иллюстрирование и оформление высокохудожественных, дорогих изданий.

Широкую известность приобрел плод его трехлетнего труда — 137 гравюр к роману Анатоля Франса «Боги жаждут», изданному в Париже в 1946 г. Издание было высоко оценено западноевропейской критикой, и сам художник был им удовлетворен. Это было чисто библиофильское издание:

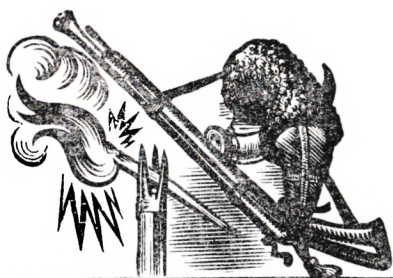
6 экземпляров—на японской бумаге, с вложением трех рисунков и одной гравюры только для данного экземпляра;
20 экз. с № 1 по 20 с вложением двух рисунков;
30 экз. с 21 по 50 с вложением одного рисунка;
394 экз. с 51 по 444 без вложений.

Кроме того, было выпущено 25 сброшюрованных экземпляров специально для сотрудников издательства.

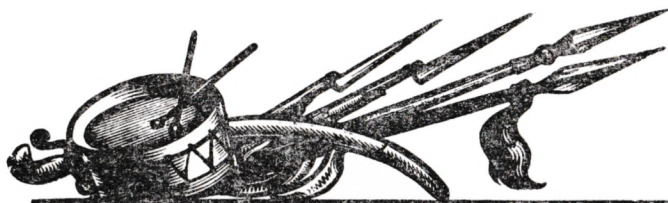
Мне известны два экземпляра этого редкого издания, находящиеся у московских собирателей. В государственных книгохранилищах Москвы его нет.

Близкое и дорогое с детских лет имя А. С. Пушкина привлекло художника к работе над пушкинской темой. В 1937 г. он создает к «Истории Пугачева» портрет поэта, портрет Е. И. Пугачева и серию иллюстраций и заставок. Тогда же к статье пушкиниста, профессора М. Л. Гофмана «Пугачев Пушкина», написанной для одного из парижских журналов, были выполнены заголовок и буква.

Спустя 15 лет художник вновь возвращается к теме Пугачева и по заказу Библиофильского общества бумажников в предместье Парижа выполняет иллюстрации, книжные украшения и макет библиофильского издания «Капитанской дочки» А. С. Пушкина (в переводе на французский язык Луи Виардо). Книга вышла в 1953 г. тиражом 175 экз., из них 25 экз. на особой бумаге (для руководителей общества) и 150 экз. на кремовой веленовой бумаге для остальных членов. Доски были проданы с аукциона в пользу общества. Вдова художника, крайне стесненная в средствах, смогла на аукционе выкупить всего три доски.

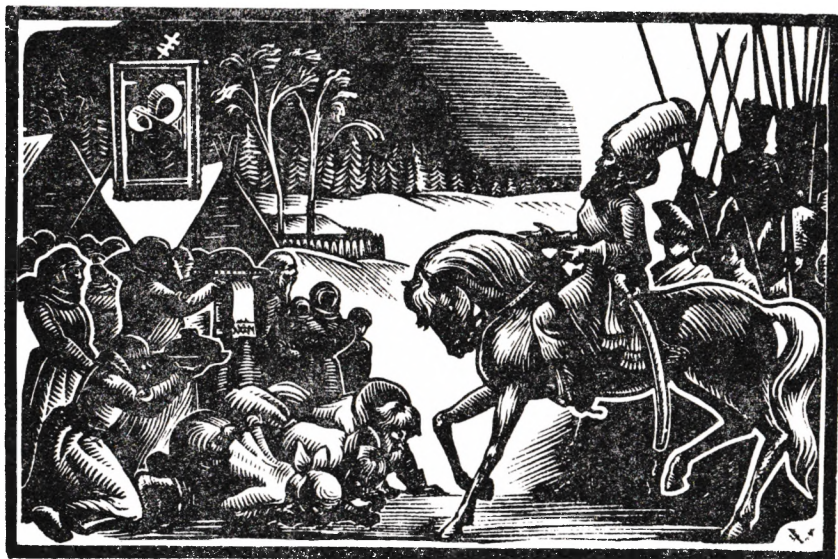
Это последняя работа художника, которую можно назвать его лебединой песней. Смерть помешала художнику закончить ее. Из 47 задуманных гравюр художник успел нарезать 38. Поэтому издатели включили в книгу и 9 эскизов неосуществленных гравюр.

Макет книги выполнен строго и просто, в характерной библиофильской манере: изящный футляр с вложенными в него отдельными тетрадями-главами. К каждой главе — изящная заставка и буква.

Будучи природным иллюстратором и обладая завидным даром воображения, художник тонко прочувствовал авторский текст и создал насыщенные, динамические композиции. Его мастерство в передаче движения граничит с искусством театрального режиссера.

Иллюстрируя любимого поэта, художник показал глубокое знание костюма (он прекрасно знал костюмы античности и Возрождения, XVIII века и эпохи Французской Революции), оружия, предметов быта. Он был весь погружен в эпоху повести.

Не ограничившись полосными гравюрами, Ле Кампион ввел на поля иллюстрации ремарки-миниатюры, либо продолжающие развитие действия, либо изображающие оружие или бытовые детали. Этот прием увеличил выразительность силуэта основной гравюры.

На последней работе художника лежит печать вдохновения и любви.

25 октября 1952 г. Ле Кампион скончался, не увидев своего труда в законченном виде. Его памяти посвятили гравюры многие художники Бельгии, Венгрии, Дании, Чехословакии, Франции и других стран. Поэты посвятили его памяти стихи. Многие журналы экслибрисистов напечатали о нем статьи видных искусствоведов, воздавших должное выдающемуся книжному графику.

Графическое наследие Ле Кампиона — дар его вдовы Жанны Ле Кампион и В.К. Метнер-Тарасовой — передано московским музеям на совместных заседаниях Московского клуба экслибрисистов с музеем А. С. Пушкина (16 ноября 1971 г.) и Отделом гравюры и рисунка Государственного музея изобразительных искусств (12 мая 1972 г.). В залах Отдела гравюры и рисунка ГМИИ была развернута выставка книжных иллюстраций и книжных знаков художника. К заседаниям Московский клуб экслибрисистов выпустил памятки (гравюры художника и краткая его биография).

В конце 1972 г. вдова художника передала в дар Государственному Эрмитажу остальную часть хранившегося у нее творческого наследия (свыше 500 гравюр, главным образом авторских оттисков).

24 мая 1975 г. в Ленинграде, в Государственном Эрмитаже была открыта выставка произведений Ле Кампиона, на которую была приглашена Министерством культуры СССР вдова художника. Ей было предоставлено почетное право разрезать ленточку выставки. К выставке был издан богато иллюстрированный каталог, подготовленный искусствоведом Ю. Русаковым.

Москва

ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ РЕДКОСТИ

Старейший город Забайкалья — Нерчинск, ему более 300 лет. Многие десятилетия он был важнейшим культурным, в частности книжным центром Восточной Сибири. Здесь рано, начиная с первого нерчинского ссыльного — знаменитого протопопа Аввакума, — появились грамотеи и ценители книги.

После открытия навигацкой школы (1754), а затем городского (1804) и духовного (1818) училищ книга вошла в постоянный обиход нерчинцев. Значительные личные библиотеки в 1820—1830-х гг. имели медики Гриб, М. С. Кремков и Ф. К. Джунковский, учителя И. И. Голубцов, Н. Н. Попов, а затем В. И. Седаков и В. П. Першин. От нерчинского учителя А. А. Мордвинова декабрист В. К. Кюхельбекер часто получал в Акшу свежие журналы, а также книжные новинки из домашней библиотеки нерчинца И. А. Юренского¹.

Еще в 1820 г. нерчинцы в складчину основали библиотеку: «получаются целые груды журналов, существует обычай собираться друг у друга для чтения и прочего»². Эта, видимо, первая в Си-

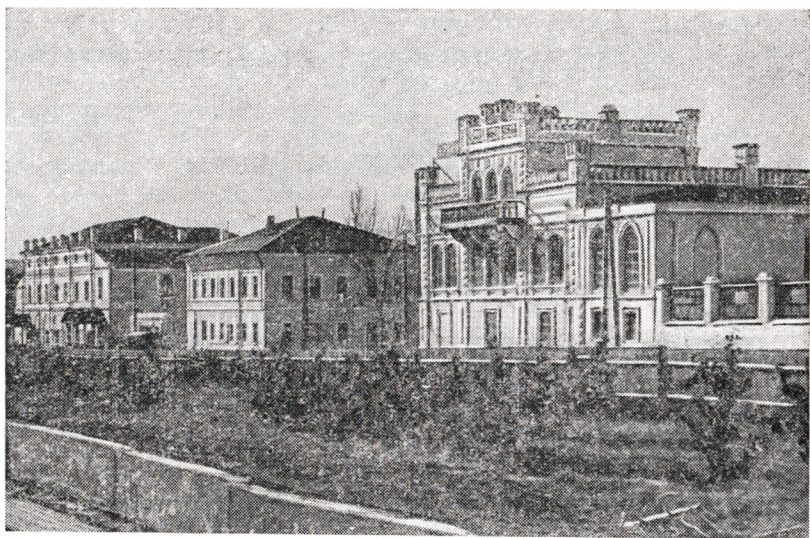
бири общественная библиотека и своеобразный клуб книголюбов существовали почти 30 лет.

С 1851 г. центром Забайкалья стала Чита. Но еще добрых двадцать лет лучшей библиотекой здесь располагал нерчинский краевед и библиофил Михаил Андреевич Зензинов (1805—1873). Он собирал книги по истории, ботанике и медицине. Многие ученые, писатели и путешественники (П. А. Кропоткин, Р. К. Маак, С. В. Максимов, А. Ф. Миддендорф, М. П. Погодин, И. С. Поляков, Н. М. Пржевальский, П. А. Словцов, Н. С. Турчанинов, Ф. Б. Фишер и другие) присылали ему свои труды. Эти сочинения, наряду с полученными от декабристов И. И. Горбачевского, Бестужевых и Д. И. Завалишина, составляли главное достояние Зензинова. Он хлопотал (правда, безуспешно) о приобретении библиотеки декабриста М. С. Лунина (более 400 томов), погибшего в Акатуе.

Когда Зензинов неожиданно умер, его библиотека, коллекции и архив остались безнадзорными. Лишь незначительная часть книг с автографами попала в создававшуюся тогда в Нерчинске библиотеку его племянника — купца Михаила Дмитриевича Бутина. Остальные книги валялись в сыром амбаре и почти все погибли.

¹ «Литературное наследство», т. 59. М., 1954, с. 487.

² Петряев Е. Д. Нерчинск. Чита, 1959, с. 32.

Нерчинск. Дворец М. Д. Бутина

М. Д. Бутин родился в 1836 г., окончил только городское училище, но смолodu любил книги и много занимался самообразованием. Став во главе «Торгового дома братьев Бутиных» (с 1866 г.), он почти четверть века задавал тон всей жизни края. Работоспособный, умный и энергичный, он ездил «набираться опыта и знаний» в Америку, Францию, Италию, даже в Португалию. Не без оснований его называли «забайкальским Демидовым». Облик его напоминает знакомые нам фигуры А. А. Бахрушина, Н. В. Мешкова, С. И. Мамонтова, С. Т. Морозова, П. М. Третьякова, много сделавших для русской культуры. Бутину привелось встречаться с декабристами, с петрашевцами и другими политическими ссыльными. Он много читал, сам написал ряд статей о торговых путях и экономике Сибири. Его, очень редкие теперь,

«Письма из Америки» (Спб., 1872, 77 с.) вышли с 34 отличными фотографиями Н. Ермолина. «Письма» продиктованы желанием «поделиться убеждением о необходимости и возможности скорейшего проведения железной дороги по территории Сибири». Книга вызвала много откликов и в Америке.

Затраты Бутина на культурные учреждения и благоустройство Нерчинска были весьма велики. В 70-х гг. говорили, что «Нерчинск все больше делается Бутинском». Свой дворец, который и сейчас украшает город, Бутин построил под руководством видных мастеров. Библиотека занимала рядом с кабинетом огромную и хорошо обставленную комнату в два яруса (с антресолями). Кроме многочисленных шкафов, имелись специальные этажерки для гравюр и альбомов и витрины для минералогического и нумизматического музеев. У длинного

стола помещался огромный глобус, на стенах висели карты и портреты (в том числе работы К. Маковского).

Беллетристика, поэзия, драматургия и книги по искусству насчитывали до 8 тысяч томов. Большой раздел составляли сочинения по юридическим, политическим и торгово-промышленным вопросам (в том числе первое русское издание «Капитала» К. Маркса). Были и запрещенные книги (например, лондонские издания Герцена) и рукописные обличительные памфлеты, тогда часто обсуждавшиеся в сибирских «салонах» («Золотая пшеничка», «Сибирские боги», «Встреча нового бога» и пр.).

У Бутина служили многие специалисты с широким европейским образованием и даже политические ссылки. В библиотеку поступала иностранная литература. В 1881 г. при библиотеке и типографии возникло содружество читателей — «чайный клуб» для того, как говорилось в первом уставе, чтобы «доставить своим членам, представителям трудовой жизни, возможность, беседуя за стаканом чая, посвящать свободное время обзору текущих событий (литературные новости, политические известия, депеши, газеты и проч.)». Организатором был Алексей Ильич Шумихин (ок. 1858 — ок. 1912), управляющий типографией Бутина (она находилась в одном здании с библиотекой). Это был начитанный и очень доброжелательный человек, хорошо владевший пером и кистью. Его остроумные сатирические стихи и карикатуры пользовались широкой известностью у нерчинцев. Шумихин сотрудничал и в газетах.

Участники клуба (И. В. Багашев, И. Е. Благовещенский, Т. М. Масюков и другие) вознамерились даже издавать общественно-литературную газету «Нер-

А. К. Кузнецов

чинский телефон». Редакторство брал на себя Шумихин. Но после 1 марта 1881 г. (когда был убит Александр II), обстановка в стране сильно изменилась. И хотя первый номер газеты напечатали, выход ее не состоялся. «Чайный клуб» вызывал подозрения, несмотря на шуточный характер его устава. Надзор усиливался.

В 1882 г. американские моряки с «Жанетты», побывавшие в Нерчинске, писали о библиотеке Бутина: «Мы заметили несколько главных европейских и американских журналов, в которых статьи, относящиеся к русской политике, тщательно вымараны петербургской цензурой».

Некоторые издания (в том числе и Герцена) нередко доходили до Нерчинска через Амур или Кяхту в коробках с чаем. Листы «Колокола», доставленные таким образом, сохранялись например,

у нерчинца В. В. Мильера еще в 1954 г.

Поселенный в Нерчинске, после каторжных работ на Каре, печавец А. К. Кузнецов (1845—1928) писал: «Всесильный здесь Бутин — золотопромышленник и крупный торговец, имеющий железоделательный завод, хотя, как и всякий купец, прежде всего эксплуататор, но как человек — хороший и в этом отношении ничего не имеет общего с нашими коммерсантами»³.

Бутин любил музыку и даже упражнялся в композиции. Он открыл в Нерчинске музыкальную школу, создал оркестр, отделение русского музыкального общества. Между прочим, в школе учился игре на скрипке сын декабриста А. Н. Луцкого — Михаил. В библиотеке было множество нот и книг о музыке.

Сестра Бутина — Т. Д. Мауриц (1837—1924) занималась садом, акклиматизацией плодовых деревьев и цветоводством, публиковала итоги опытов, в последние годы своей жизни переписывалась с И. В. Мичуриным.

После 1884 г. М. Д. Бутин жил преимущественно в Иркутске. Дела фирмы пошатнулись. В Нерчинске остался старший брат — Николай Дмитриевич (1825—1892), тихий и скромный человек. Он охотно исполнял все годы обязанности библиотекаря: вел каталог, даже сам переплетал книги, следил за выпиской новинок, показывал их в «чайном клубе», где имел много друзей. Но большую часть времени он посвящал чтению. В свирепые забайкальские морозы он до поздней ночи сидел в библиотеке у открытой печки, обложившись книгами, от-

рываясь от чтения только для того, чтобы подкинуть в огонь новую порцию мелко расколотых чурочек. Таким его запомнили старожилы. Сохранился его портрет, написанный местным художником Н. Тюриным.

Оба брата заботились о внешнем виде своих книг. Владельческие и другие записи и пометы на книгах почти не делались. В первые годы изредка ставилась печатка. Художественного экслибриса не было. Устроенная Бутиним переплетная мастерская при уездном училище пользовалась в 80-х годах хорошей репутацией и получала заказы даже из Читы. С тех пор стал привычным черный коленкоровый переплет, дешевый и прочный.

После смерти Н. Д. Бутина библиотека пришла в упадок⁴. Львиную долю капиталов фирмы хищническими приемами присвоили иркутские ростовщики и московский предприниматель Л. А. Михельсон.

До последнего момента М. Д. Бутин не хотел расставаться с библиотекой, надеясь снова начать в Нерчинске прежнюю активную деятельность. Но вернулся он сюда уже тяжело больным и вскоре умер. По завещанию библиотека перешла Нерчинскому реальному училищу (около 4500 названий, более 20 тыс. томов). К этому моменту (1908) бутинские редкости уже «растаяли». Некоторые попали в Красноярск (видимо, к Юдину), другие в Иркутск, Читу и даже в столицу. Одна из бутинских книг отыскалась у ленинградских букинистов... в 1953 г.

⁴ Историю своего разорения М. Д. Бутин изложил в книге «Сибирь и ее дореформенные судьбы». СПб., 1898. 473 с.; 7 с. табл.; изд. 2-е. СПб., 1900. 195 с.; 1 с. табл.

³ Жуков Н. Н. Жизнь и деятельность А. К. Кузнецова. — В кн.: Памяти А. К. Кузнецова. Чита, 1929, с. 23.

Жемчужиной библиотеки был огромный, почти пудовый альбом, размером в лист, в красивом кожаном переплете с золотым обрезом и тиснением на крышках и корешке. Страницы альбома — из белого и тонкого, но очень плотного картона. На страницах наклеены дипломы, почетные листы и отзывы, которыми Бутин был отмечен. Он состоял членом-корреспондентом обществ: географического, технического, музыкального, содействия промышленности и торговле, статистических комитетов Забайкальского и Иркутского, членом Парижской национальной промышленной академии, Европейского научного общества в Париже, Итальянского общества поощрения торговли и промышленности и пр. Среди его наград были золотые медали общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Итальянского и Европейского научных обществ, серебряная медаль географического общества и всемирной выставки 1878 г.

Теперь альбом — настоящий шедевр полиграфического и переплетного мастерства — хранится в фондах Нерчинского краеведческого музея. Некоторые листы альбома вырваны и изрезаны, но по списку, напечатанному на первом листе, можно судить о полном составе. На многих листах — автографы виднейших деятелей науки и культуры XIX в. Альбом достоин специального изучения и описания.

Эпопея промышленной и культурной деятельности Бутина была полна драматических неожиданностей. Одна из печальных глав — гибель библиотеки, когда-то са-

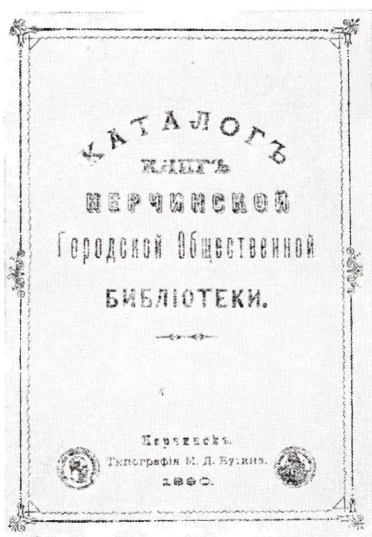
Н. С. Романов

мой большой в Сибири, имевшей более 30 тысяч томов, подобранных с любовью и умением.

Историей бутинской библиотеки занимался выдающийся сибирский книговед и библиограф Нит Степанович Романов (1871—1942). В 1903 г. он специально побывал в Забайкалье, а позднее написал очерк «Библиофил М. Д. Бутин»⁵. К сожалению, многочисленные статьи Н. С. Романова о букинстах, книжниках и библиотеках остались в рукописях и погребены в архивах, а имя этого подвижника культуры — «сибирского Н. Ф. Федорова» почти забыто. Его портрет удалось разыскать с большим трудом только при содействии проф. В. П. Трушкина (Иркутск).

В бутинском книжном собрании самым ценным (помимо библиофильских уникалов) Н. С. Романов считал коллекцию местных (Кяхта, Чита, Благовещенск, Ха-

⁵ Вер Н. С. Нит Степанович Романов. Биобиблиографический очерк. — «Новая Сибирь», 1946, № 17.

*Каталог Нерчинской библиотеки
(1890)*

Печать Нерчинской библиотеки (1896)

исполняется 90 лет. Его основал А. К. Кузнецов в 1886 г. Одновременно возникла и Нерчинская городская общественная библиотека. Вначале она существовала при музее, но потом отделилась и стала самостоятельной. Сведений о ней было мало. Но вот нерчинский краевед и старожил Василий Михайлович Суриков (1883—1974) недавно в старых бумагах где-то на чердаке нашел полуистлевшую книжицу в зеленой обложке: «Каталог Нерчинской городской общественной библиотеки» (Нерчинск, типография М. Д. Бутина, 1890, 100 с.). Этого каталога нет в наших библиотеках, его не имел даже знаменитый библиофил Д. В. Ульяновский, старательно собиравший подобные издания.

Каталог позволяет узнать, что на заре своего существования Нерчинская библиотека весьма пополнилась благодаря книжным пожертвованиям горожан. Через три года в библиотеке, кроме беллетристики (477 названий), детских и «народных» изданий (337), уже были серьезные сочинения по истории (97), медицине (224), естествознанию (127), сельскому хозяйству (83), политической экономии (40 названий, в том числе: Воронцов В. П. «Судьбы капитализма в России», Зибер Н. «Давид Рикардо и Карл Маркс», Милль Д. С. «Основания политической экономии»). Имелись также уже редкие тогда работы местных авторов: Паршин В. П. «Поездка в Забайкальский край», Щукин Н. «Якуты» и другие.

Старые справочные и библиографические издания («Ботанический словарь» Н. И. Анненкова, «Байкальско-даурская флора» Н. С. Турчанинова, указатели статей газеты «Сибирь» и др.) попали в городскую библиотеку, видимо, из библиотек Юренского, Зензинова и Бутина. В каталоге отмечено свыше 80 книг

баровка) изданий, включая и некоторые из напечатанных в Нерчинске (например, «Извлечение из летописей» в память 300-летия Сибири, 1882 г.). Далеко не все эти издания учтены сибирской библиографией, так как они не доходили до столичных книгохранилищ, а в Иркутске либо сгорели во время пожара 1879 г., либо вообще не собирались.

Очень немногие издания еще можно встретить в библиотеке Нерчинского музея. В 1976 г. музею

*Vous conjurois de faire en sorte que je traitasse
si dignement cette divine parole, que je ne
Pekorasse jamais en la moindre chose; mais
que je la fesse entrer dans l'esprit et dans le
cœur de mes auditeurs, toute pure, comme elle
est sortie de votre sein Virginal.*

*Maintenant je vous demande les memes grâces
Vierge immaculée, pour ceux qui méditeront*

M. Blanchard and M. F. L.

Автограф М. Бестужева

на иностранных языках (сочинения Карлейля, Милля, Мошотта, Прудона, Рошера, Фохта и др.).

Из редкостей встречаем «Рассказы и повести старого моряка» (М., 1860) декабриста Н. А. Бестужева. Возможно, что эту книгу в свое время прислали Зензинову из Селенгинска, где у него было много знакомых.

Помимо описания фондов, в каталоге даны правила для читателей и перечислены фамилии членов комитета библиотеки. Среди них старые приятели по «чайному клубу» и видные нерчинские педагоги и краеведы И. В. Багашев, И. Е. Благовещенский, А. К. Кузнецов, А. Н. Малевич, Г. А. Стуков, И. И. Шари и другие. В последующие годы фонды не раз обновлялись. Многие книги были утрачены, кое-что попало в музей и в Читу, но и сейчас нерчинцы могут блеснуть редкостями. А библиотека и по сей день находится в бывшем дворце Бутина...

У декабристов в казематах Читы и Петровского завода было множество книг. Значительная часть

их осталась в Петровском и уже в 1870-х гг. разошлась по рукам. Тогда немногие книги встречались в Кяхте, Чите, Селенгинске и даже в Сретенске. В Нерчинске они вскоре затерялись. Когда город лишился лучшей части буторинской библиотеки, ушли не только редкие издания по искусству и труды классиков сибиреведения, но и какие-то книги декабристов.

Бесспорным доказательством того, что данная книга была в каземате декабристов, считается надпись коменданта на титульном листе: «Читал (или «видал») Лепарский». В других случаях, когда на книгах есть только автограф декабриста (обычно без даты), приходится выяснять многие подробности. Так, например, на книге Джемса Томсона «Времена года» (французский перевод поэмы, Париж, 1742) есть автограф: «На память от М. Бестужева». Кому адресована книга — пока неясно. По внешним признакам (переплет, бумага форзацев, цвет чернил) и по «окружению» уточняется, что она была в каземате Петровского завода, видимо, после смерти Лепарского (1837) до

расставания Бестужева с товарищами (1839).

Сейчас около десятка точно атрибутированных декабристских книг (все на иностранных языках) хранится в Читинской областной библиотеке имени А. С. Пушкина и в Читинском музее. В музее находится и переписанная с печатного издания знаменитая «Новейшая и подробнейшая со всякой точностью обработанная поваренная книга, или опытные: кухмистер, приспешник, кандинтор и дистиллятор» (М., 1818). Это большая книга форматом в писчий лист, переписана разными почерками. Кто из декабристов принимал в этом участие, пока не выяснено.

Украшением читинской коллекции был трактат немецкого врача и философа И. Г. Циммермана «Уединение, его влияние на разум и чувство» (французский перевод в двух томах, Париж, 1817). В читинском экземпляре оказались автографы Лепарского, декабристов П. А. Муханова и И. И. Пущина. На одной из страниц И. И. Пущин записал пушкинское стихотворение «Мой первый друг, мой друг бесценный».

На полях книги Циммермана до сорока карандашных пометок⁶. К великому сожалению в конце 1950-х гг. по какой-то нелепой случайности этот драгоценный томик оказался утраченным. Сохранились лишь снимки некоторых страниц. А читинский автограф И. И. Пущина открывает последнее издание его «Записок»⁷.

О другой редкости — уже упоминавшейся книге Н. А. Бестужева — нерчинский учитель

А. Н. Малевич вспоминал, что на книге была какая-то «семейная» надпись. Книга на дом не выдавалась, но ее все же «зачитали».

В 1955 г. ленинградский библиофил Михаил Алексеевич Сергеев (1886—1965), показывая свои удивительные книжные сокровища, сказал мне, что ему не удастся выяснить подробности о прежнем владельце одной книги, которую не смог добыть даже Н. П. Смирнов-Сокольский. А книга оказалась «Рассказами старого моряка» Бестужева. На отдельном листе, вклеенном в книгу после титула, писарским почерком и не очень грамотно давалась справка об авторе книги:

Капитан-лейтенант Николай Александрович Бестужев 1-й, осужденный Верховным уголовным судом 10 июля 1826 года за бунт 14 декабря 1825 года по 2-му разряду в каторжную работу вечно. При предварительном допросе на другой день возмущения (15 дек.) во дворце, в присутствии государя Николая Павловича, который проникнувши (!) в ответах Николая Александровича, выразившими высокую любовь к отечеству, сказал ему: «Вы знаете, что все в моей воле, что я могу простить Вас, и если бы мог увериться в том, что впредь буду иметь в Вас верного слугу, я готов простить Вас». — «Ваше величество! — отвечал Бестужев, — в том и несчастье, что Вы все можете сделать, что Вы выше закона, а наша цель и желание были, чтоб впредь жребий Ваших подданных зависел от закона, а не от произвола».

Решение суда было представлено 11 июля на конфирмацию Государя и наказания, хотя немного, но всем были облегчены Государем, кроме Бестужева.

Этот разговор с царем несколько отличается от уже известных

⁶ Петряев Е. Д. Вперед — огни. Чита, 1968, с. 27—30.

⁷ Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1956, с. 5.

версий, переданных декабристами Н. И. Лорером и А. Е. Розеном⁸.

На отдельном листе, вклеенном в конце книги, тем же почерком вписаны стихи-поздравление по случаю именин якутского купца Федота Федотовича от имени «прощенного на поселение Николая Бестужева»:

Я, пробужденный ранним звоном,
За вас угоднику хочу
Поставить с набожным поклоном
Мою смиренную свечу.
И как елей к отцу святому
Моя молитва потечет:
«Да здравствует, утеха дому,
Одноименник твой Федот!
Вели, чтоб на него дождили
Рубли рекой, да повели,
Чтобы всегда сохранны были
Его кони и корабли.
Чтоб у него велось приятелям
вино,

А бедным лишние копейки,
Росло сторицею зерно,
Плодились куры и индейки,
И продолжи как лепту вновь
Его к нам дружбу и любовь.
Чтоб пол прекрасный говорил:
«Федот Федотыч очень мил».

Далее шло несколько строк интимного свойства.

Библиотека М. А. Сергеева после его смерти была оценена букинистом П. Н. Мартыновым и через Лавку писателей продана. Книгу Бестужева купил известный ленинградский библиофил В. А. Крылов. Недавно он подарил эту книгу мне. Выяснилось, что ее прислал М. А. Сергееву кто-то из сибирских старожилов. Записи были сделаны в Кяхте или Селенгинске, где Бестужевы встречались с купцами, имевшими связи и с Якутском (Ф. Ф. Чемякин, Кандинские и другие).

Сейчас в Ново-Селенгинске создан музей «Декабристы в Буря-

тии». В связи с этим идут деятельные поиски декабристских реликвий, в том числе книг, которые были у декабристов на поселении.

В фондах краеведческого музея имени М. Н. Хангалова в Улан-Удэ найден томик «Академических чтений о хронических болезнях», изданный академиком Федором Уденом (часть 1, изд. 2-е, Спб., 1818). Надпись на титульном листе «Димитрий Ильинский» указывает, что книга принадлежала врачу декабристов Димитрию Захаровичу Ильинскому. (Портрет Ильинского работы Н. А. Бестужева впервые воспроизведен в заметке П. П. Ширмакова — «Известия», 1962, 24 ноября, № 279). Как известно, Ильинский (1805—1842) вел с декабристами бесконечные философские беседы, много читал и старался наверстать упущенное в своем образовании. Внешне книга очень скромна: картонный корешок без отстав и каптала покрыт темно-зеленой мраморной бумагой, а крышки — серой с расплывшимися красноватыми пятнами. Книжный блок обрезан почти вровень с крышками. Бумага на форзацах с филигранями: «1830» и медведь с секирой (ярославский герб). Такая же бумага, судя по образцам казематской переписки (в Читинском архиве), была в обиходе Петровского завода в 1830-х гг. Переплет бедный: явно неоставало материалов, особенно для самодельной мраморной бумаги. Можно с полной уверенностью сказать, что книгу переплетал кто-то из узников каземата, скорее всего Андрей Иванович Борисов, который еще в Чите считался мастером этого дела.

Другие редкие книги (Рихтер В. «История медицины в России», Ч.1. М., 1814; Нелюбин А. «Фармакография», Спб., 1830 и Шпренгель К. «Лекарственный», в пе-

⁸ Воспоминания Бестужевых. М.—Л., 1951, с. 718.

реводе А. Иовского, М., 1820), судя по надписям, принадлежали Петру Андреевичу Кельбергу (1818—1896) — селенгинскому медику и другу Бестужевых. На форзаце книги Рихтера М. А. Бестужев сделал «почтенному автору» существенное замечание: «Да простят меня ученые люди, если скажу, что книга... есть краткая биография всех медиков, бывших в России до наших времен, а не история медицины — как науки...»

Кельберг, видимо, часто пользовался книгой Шпренгеля во время экскурсий: между страницами, где описан прострел, даже засушен цветок этого растения (забайкальского «ургуя»). На титульном листе Кельберг отметил: «Цена 11 рублей 75 копеек». Конечно, такая дороговизна не позволяла создавать библиотеки даже тем, кто всей душой тянулся к книге.

С Бестужевыми Кельберг был связан более 25 лет. Вместе с Николаем Александровичем они написали известный очерк «Гусиное озеро». В семье Бестужевых получили первоначальное образование все четыре сына Кельберга. При его участии в 80-х гг. вокруг могил Бестужевых и К. П. Торсона возвели каменную ограду. Она стоит и сейчас. Когда Кельберг умер, его похоронили рядом с этой оградой, недалеко от Ильинского. Могилы медиков вскоре затерялись. Никто не сберег бумаги Кельберга, рукописи его трудов, письма декабристов и автограф стихотворения, которое он повторял на могиле друзей:

Где Селенга долиной протекает,
Где Селенгинск уже давно забыт,
На берегу пустынном одиноко
Надгробный памятник Бестужевым стоит.

Вокруг него безлюдно и безмолвно,
Лишь Селенга в ночной тиши бурлит
И, в берега со стоном ударяясь,
О днях минувших людям говорит,
Что здесь, в глуши, в заброшенной могиле
Лежит Бестужевых изгнанников семья,
Что здесь они навеки водрузили
Своих страданий крест во славу бытия...

Сын редактора газеты «Восточное обозрение» Ивана Ивановича Попова — Александр Иванович (1886—1966), сообщивший мне это стихотворение, добавил, что оно было записано со слов Кельберга-старика.

Из библиотеки Кельберга пока нашлись только упомянутые три книги. Имя его даже в Селенгинске уже забыто⁹.

Из книжных реликвий музея в Улан-Удэ следует отметить немецкую хрестоматию А. Аллерса (М., 1809) с надписью: «В знак памяти В. Давыдову от А. Сниженского». Хрестоматия принадлежала декабристу В. Л. Давыдову, возможно, еще до ссылки его в Сибирь. Кто такой А. Сниженский — не выяснено. Сохранился второй том большого немецко-английского лексикона Аделунга и Эберса (Лейпциг, 1798) с автографом «Paul Thorszon», присланный декабристу К. П. Торсону, вероятно, в Селенгинск.

Из старинных сибирских библиотек в музей попали книги: «Савариев торговый лексикон» (Иркутск, В. И. Соболев), «Словарь» Щекатова (Верхнеудинск, А. и П. Налетовы), греко-латинский словарь, сочинения Вольтера и Лактанция (Верхнеудинск,

⁹ Петряев Е. Д. Люди и судьбы. Чита, 1957, с. 7—19.

А. Лавровский). На «Истории Сибири» Миллера (из библиотеки Калашникова — отца известного сибирского писателя) отмечено: «Марья Красногорова под писала своеручно 1805 года мая». Интересно бы выяснить биографию этой сибирской читательницы Миллера.

Недавно музей приобрел знаменитый альманах А. Бестужева и К. Рылеева «Полярная звезда» (Спб., 1825). На корешке томика — инициалы первого владельца «М. Д.», а на форзаце расшифровано: «Давыдовского».

Не удалось отыскать следов некогда богатых верхнеудинских библиотек А. М. Курбатова (ок. 1800—1874) и Н. В. Паршина (1830—1878) — близких друзей поэта и педагога Д. П. Давыдова (1811—1888), автора байкальского гимна «Славное море». Пока нет подробностей о книжных и личных связях поэта с декабристами.

В Кяхте, в фондах музея имени В. А. Обручева, хранятся многие издания декабристской поры: книги с автографами востоковедов Иакинфа Бичурина, Е. И. Сычевского, сенатора Корнилова (с посвящением историку Петру Григорьевичу Буткову), видных деятелей Кяхты П. А. Голяховского (директора таможни), Николая Матвеевича Игумнова (1781—1867), устроителя кругобайкальского тракта, П. А. Петухова (пограничного начальника в 1820—1850 гг.).

В пору хозяйственного подъема здесь выходила первая забайкальская газета «Кяхтинский листок», в которой сотрудничал М. А. Бестужев (№ 6, 7 июня 1862 г.). Тогда молодые учителя оживляли общество. Они относились, как писал Бестужев, «с теплой любовью к своей обязанности». Книги шли сюда обоями. Так были куплены иркутские библиотеки Н. Н. Пестерева

и М. П. Шестунова. В одной накладной от 17 октября 1860 г., например, отмечалось: «Книги, принадлежащие кяхтинскому градоначальству, принятые в Иркутске от чиновника особых поручений Кокошкина, отправлены в Кяхту с крестьянином Лукою Власовым — всего 11 мест или 75 пудов»¹⁰. Кстати, этот же Ф. Ф. Кокошкин хлопотал в Кяхте о продаже бестужевских книг¹¹.

Позднее кяхтинские книжные богатства лишь в малой части хранились в общественной библиотеке, и только случайные экземпляры уцелели в местном музее. Музей был создан позднее нерчинского. Учителя, врачи, народолюбцы И. И. Попов, чайковец Н. А. Чарушин и другие приложили много усилий для развертывания экспозиций и пополнения фондов. Теперь музей — один из интереснейших в Сибири. Он имеет ценнейшую библиотеку. И все же множество замечательных книг, которые были в библиотеках кяхтинских «тузов» (Н. Л. Молчанова, А. М. Лушникова и других) утрачено. Не уцелел, например, «Енисейский альманах» (1828), имевшийся у А. Я. Немчинова, нет «Кяхтинского листка»...

Недостаток библиографических сведений сильно затрудняет изучение судеб старых забайкальских личных библиотек. В Нерчинске, скажем, мы находим издания середины XIX в. с печатным экслибрисом «Из библиотеки К. С. Воронова», но никаких подробностей о Воронове, о его библиотеке, о связях его с Нерчинском пока нет. В Чите встречаются книги с экслибрисами Байбородина (Кяхта) или Болдакова (Иркутск). Такие «фона-

¹⁰ Кяхтинский музей. Бумаги И. В. Багашева, № 60.

¹¹ «Ист. вестник», 1908, № 11, с. 547.

рики» указывают на возможность встречи с книжными кладами, которыми славились эти старые и известные личные библиотеки.

Широкие поиски книжных редкостей в Забайкалье несомненно принесут для истории нашей культуры много важного и неожиданного.

Киров

Леонид Мартынов

* * *

А красноречивей всех молчат
Книги, славно изданы, честь честью
Переплетены, чтоб до внучат
Достояться с Достоевским вместе
И затем поведать все, о чем
Написавший не сказал ни слова,
Но как будто озарил лучом
Бездну молчаливого былого.

С. Голицын
В. Маштафаров

И. ГОЛЫШЕВ — ПЕРВЫЙ ЛИТОГРАФ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ РОССИИ

В 1857 г. прибыл из Москвы к своим родителям в Богоявленскую слободу Мстеру Вязниковского уезда Владимирской губернии двадцатилетний паренек Ваня Гольшев.

Его отец Александр Кузьмич, крепостной крестьянин, происходил из семьи, издавна занимавшейся иконописанием. Он владел небольшой иконописной мастерской и, благодаря настойчивости и денежным средствам, смог устроить сына, проявлявшего способности к рисованию, в московскую «рисовальную школу», которая называлась Строгановской.

Четыре года учился там хилый, болезненный мальчик, ежедневно ходил по десять верст пешком и кроме живописи и рисования освоил литографское мастерство рисования на камнях с последующим печатанием цветных картинок.

Закончив школу, он прибыл в Мстеру, захватив с собой 30 камней с 60 рисунками.

Старинная слобода Мстера на правом берегу Клязьмы когда-то была вотчиной князей Ромодановских и славилась своим великолепным, середины XVII в., Богоявленским собором. Жители Мстеры, как и жители слободы Холуй того же Вязниковского уезда и села Палех соседнего Шуйского уезда, издавна занимались иконописанием. Они разделялись на две враждующие группы — старообрядцев и православных.

В 1857 г. все они — старообрядцы и православные, зажиточные и бедные — были крепостными одного из самых богатых помещиков Владимирской губернии, ретрограда, министра юстиции, яростного противника освобождения крестьян — графа Виктора Никитича Панина.

Александр Кузьмич попытался за большую сумму откупиться с семьей «на волю», но граф «принципиально» никого из своих крепостных рабов ни за какие суммы не отпускал на волю никогда.

По возвращении в Мстеру на Ваню Гольшева обрушились крупные неприятности. Наверно, виною тому было враждебное отношение к его отцу местных старообрядцев, а также франтоватый вид одетого «по-городскому» Вани. «Мир» порешил отдать юношу в солдаты — «чтобы проучить московского школьника», как почти тридцать лет спустя писал его биограф — председатель Владимирского губернского статистического комитета Н. С. Стромилов¹.

¹ «Двадцатипятилетний юбилей учено-литературной и художественной деятельности Ивана Александровича Гольшева» под ред. Н. С. Стромилова, Владимир, 1887.

Отцу Вани стоило немало хлопот откупиться от рекрутчины.

В следующем, 1858 г., получив разрешение, отец и сын основали первую в провинциальной России литографию, стали выпускать цветные картинки. Картинки были разного содержания — прежде всего религиозные, а также на бытовые и сказочные сюжеты — «лубочные».

Отец вложил в предприятие деньги и предоставил помещение, сын вложил свою энергию и знание технических приемов, а также передал привезенные из Москвы литографские камни.

Начинание казалось рискованным, для глухой провинции невиданным. А дело пошло. Но потом начались непрерывные ссоры между отцом и сыном. В 1871 г. сын отделился от отца, получив всего шесть камней и 38 руб. Но у сына была энергия и смекалка, и он, основав свое предприятие, быстро поправил дела. Его стали почитительно величать Иваном Александровичем. В его мастерской на пяти ручных станках выпускалось ежедневно до трех тысяч картинок, которые раскрашивали женщины с девочками-помощницами.

В 30 верстах на северо-запад от Мстеры находилась Алексинская волость Ковровского уезда. Жители ее издавна были теми самыми офенями-коробейниками, которых прославил Некрасов. Разъезжая и расхаживая по всей Российской империи, они продавали по деревням разную галантерею, «ситец и парчу», а также книги и картинки; товары получали в кредит от московских купцов, дешевыми изданиями их снабжал, в частности, И. Д. Сытин.

Снабжал офеней и Гольшев. Крестьяне охотно покупали его картинки и украшали ими стены своих изб.

В 1860 г. Гольшев познакомился с редактором «Владимирских губернских ведомостей» К. Н. Тихонравовым. Это был замечательный энтузиаст, знаток и страстный любитель родной ему владимирской старины. Газету, выходявшую много лет под его редакцией, и сейчас интересно читать — столько там статей и заметок по истории, археологии и этнографии Владимирской губернии.

Видимо, под влиянием Тихонравова Гольшев с увлечением принялся изучать историю родного края. Он усиленно пополнял свои знания, много читал. С 1861 г. он стал первым из крестьян — членом губернского статистического комитета. В следующем, 1862 г. он поместил первую статью в «Ведомостях» и с тех пор сделался постоянным корреспондентом газеты.

В своей литографии он печатал не только цветные картинки, но и дешевые книжки с иллюстрациями, иногда раскрашенными. Книжки были религиозные, гадательные, сонники, песенники, сказки, с рассказами из русской истории, из мира животных. Все эти издания, полезные и вовсе бесполезные, расхваливались бойкими офенями и имели у непритязательного сельского читателя большой успех, а Гольшеву давали немалый доход.

О его деятельности узнал Николай Алексеевич Некрасов. Летом 1861 г. он заехал к нему в Мстеру. Об этом существует рассказ Гольшева в передаче А. С. Пругавина:

«Некрасов долго сидел у нас, подробно расспрашивая о книжной торговле офеней и ходебщиков. Затем, напившись чаю, он просил показать ему наш магазин; в магазине он внимательно пересматривал народные книги и картины. При этом он сообщил мне о своем намерении заняться изданием для народа особых книжек, которые он предлагал составлять из своих стихотворений и распространять через офеней.

Пряничная доска 1776 г. работы
Матвея Ворошина. Литография
И. А. Гольшева. 1874 г.

Пряничная доска «Детский пряник».
Литография И. А. Гольшева.
1874 г.

По моему совету Некрасов решил, что брошюры с его стихами будут издаваться в виде маленьких книжек, в формате обыкновенной лубочной листовки [книжка в один печатный лист] в красной обложке и будут называться «красными книжками», причем офени должны продавать их не дороже 3 копеек за экземпляр...»²

В книге «Переписка И. А. Гольшева с разными учеными людьми», выпущенной не для продажи всего в 100 экземплярах во Владимире в 1898 г., приводится письмо Некрасова Гольшеву от 28 марта 1862 г.:

«Милостивый государь, посылаю Вам 1500 экземпляров моих стихотворений, назначаемых для народа. На обороте каждой книжки выставлена цена — 3 копейки за экземпляр, — потому я желал бы, чтобы книжки не продавались дороже: чтобы из 3-х копеек одна поступала в Вашу пользу и две в пользу офеней (продавцов); книжка, таким образом, и выйдет в три копейки, не дороже. После пасхи я пришлю к Вам еще другие, о которых мы тогда и поговорим.

Желаю Вам полнейшего успеха в Ваших делах.

Н. Некрасов».

В письме от 1 августа 1863 г. Гольшев высказывает Некрасову свое мнение о «Красных книжках»:

² Пругавин А. С. Книгоноши и офени. Очерк. — «Сев. вестник», кн. 4, 1893, с. 120.

«Вы вполне удовлетворяете Вашими прекрасными изданиями требование меньшинства, даете возможность пользоваться бедному сословию полезными Вашими книжками и украшаете народную книжную торговлю...»

Не всегда ладилось у Гольшеша с печатанием картинок и книжек. Особенно строгой была духовная цензура, случались придирки по пустякам. Гольшеш выпустил всего 2 «красные книжки». Издание было запрещено цензурой. А владимирский губернатор отменил и продажу уже вышедших книжек в деревнях и на ярмарках.

Стромилов так писал о препятствиях, чинимых Гольшешу:

«Сколько бюстителей за печатным делом и книжной торговлей! Местные власти — в лице волостного правления, от старшины до урядника, десятского и сотского, наезжие — от исправника до станowego, губернского чиновника, цензурные комитеты, казенная палата, земство и, наконец, полиция...»

С 1870 г. Гольшеш издает серию — 10 больших цветных альбомов со своими собственными зарисовками с натуры.

В наши дни эти роскошные издания, появившиеся на свет в глухой Мстере, представляют исключительную библиографическую редкость. Лучшие из них: «Атлас рисунков с старинных пряничных досок», 1874 г., 20 листов; «Памятники старинной русской резьбы по дереву», 1877, 20 листов; «Памятники деревянных церковных сооружений», 1879 г., 21 лист, «Альбом русских древностей», 1881 г., 40 листов.

Гольшеш был не столько художником, сколько добросовестным и тщательным копировщиком с натуры.

Эти альбомы особенно интересны для изучающих историю деревянного зодчества и историю предметов народного творчества.

Большая часть деревянных церквей, которые воспроизведены в альбоме Гольшеша, давно за ветхостью разобраны. Не существует и кружевная, затейливая резьба с добродушными львами и смешными русалками-фараонками, которая когда-то украшала избы в слободе Холуй и которую еще сто лет тому назад Гольшеш называл «старинной». А резные пряничные доски теперь можно обнаружить разве что в музеях.

Гольшеш издал еще 18 книг, большею частью исторического содержания. Отметим книги: «Борковская пустынь» (возле Холуя), 1868 г. и «Богоявленская слобода Мстера», 1865 г. В обеих воспроизводятся рисунки Гольшеша с его текстом.

Издание альбомов и подобных книг не приносило ему никаких доходов, прибыль давало лишь печатание картинок и дешевых изданий. Альбомы Гольшеш выпускал по своей действительно искренней любви к владимирской старине и по своему тщеславию. Это тщеславие навязчиво проглядывает в его письмах к разным людям.

Впрочем, это тщеславие отчасти можно понять. Ведь Гольшеш был крестьянин и, значит, человек юридически почти бесправный. Тот же вязниковский исправник или становой пристав мог его вызвать (и вызывал) за 25 верст в уездный город в любую погоду, мог накричать на него (и кричал), даже подвергнуть телесному наказанию (нет, не наказывал). Это бесправие, естественно, тяготило Гольшеша, а самый третьестепенный орден избавлял его от многих унижений.

Наконец, в 1884 г. он получил звание потомственного почетного гражданина.

К этому времени он был членом многих обществ: Общества истории и древностей Российских, Московского Археологического общества, Спб. Археологического общества, Спб. Географического общества. Он по-

местил до 400 историко-краеведческих статей и заметок, не только во «Владимирских губернских ведомостях», но и в петербургских и московских изданиях. Многие из статей иллюстрированы его же рисунками.

Он скончался в 1896 г. После его смерти вдова ликвидировала предприятие.

Голышев в свое время был известен как автор, художник и издатель красочных альбомов, как любитель и популяризатор владимирской старины. Биограф Голышева Строилов сравнивает его с Ломоносовым. Разумеется, это сравнение чрезмерно. Но жизненный путь крестьянина-самоучки, своеобразная личность его со всеми достоинствами и недостатками заслуживает того, чтобы рассказать о нем современным книголюбам.

Москва

СТРАННОЕ И УДИВИТЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

Первенец провинциальной российской журналистики «Уединенный пешехонец» давно интересует книголюбов. Как известно, выходил он в Ярославле в 1786 г. В следующем, 1787 г. журнал назывался «Ежемесячное сочинение». Это было новое издание. А потом и совсем перестал выходить. «Уединенный пешехонец» считается памятником ярославской литературной старины.

Подробное описание «Уединенного пешехонца» дано Ник. Смирновым-Сокольским в его книге «Моя библиотека» (т. 2, М., 1969, с. 121).

Инициатором и организатором журнала «Уединенный пешехонец» был небольшой кружок образованной молодежи, группировавшейся вокруг известного екатерининского вельможи, воспитанного Державиным, ярославского наместника А. П. Мельгунова. Редактором этого первого в России провинциального журнала стал Василий Демьянович Санковский. Наиболее достоверным источником биографических данных о нем является основанная на тщательных архивных разысканиях, большая и обстоятельная статья известного поэта-демократа Л. Н. Трефолева «Первый русский провинциальный журнал „Уединенный пешехонец“, напечатанная в «Русском

архиве» в 1879 г. (№ 9, стр. 88—135). В ней широко использованы материалы его первой статьи «Ярославский стихотворец Василий Демьянович Санковский», опубликованной в «Ярославских губернских ведомостях», неофициальная часть, в 1870 г. (№ 41, 48, 49).

В. Д. Санковский родился в 1741 г. на Украине. Учился он сначала в Киевской, а затем в московской духовной академии. Поэтому предполагают, что его родители были духовного звания. В Москве Василий Демьянович близко познакомился с поэтом М. Херасковым, ставшим вскоре директором Московского университета. Вполне возможно, что под его влиянием В. Д. Санковский, закончив духовную академию, поступил в Московский университет. Учился он очень хорошо и закончил его в 1763 г. с золотой медалью.

Еще студентом В. Д. Санковский занялся литературным творчеством. В журнале М. Хераскова «Полезное увеселение» он напечатал нравоучительное стихотворение «Несчастье надо сносить терпеливо». В последующие годы в журналах «Полезное увеселение» (1760—1762 гг.) и «Свободные часы» (1763 г.) нередко появляются стихотворения В. Д. Санковского.

В 1764 г. в Петербурге он начинает издавать свой журнал «Доброе намерение». Он печатает в нем любовные и сатирические стихи, оды, элегии, мифологические рассказы, переводы из античных поэтов. Журнал выходил всего один год и по неизвестным причинам прекратил свое существование.

После этого В. Д. Санковский поступает на службу в коммерц-коллегию переводчиком. Продолжает заниматься литературой и печатает перевод двух песен «Энеиды» Вергилия.

В 1779 г. В. Санковский приезжает в Ярославль. Наместник — филантроп и покровитель искусств А. П. Мельгунов встретил его благосклонно и назначил секретарем Приказа общественного призрения. В. Санковский хорошо показал себя в служебных делах, активно участвовал в организации главного народного училища, в котором стал преподавать «закон божий, историю российской, а также всеобщую». Ярославские чиновники Н. Ф. Уваров, А. Н. Хомутов, Н. И. Коковцев открыли первую в Ярославле типографию. И в январе 1786 г. в Ярославле вышел первый номер первого в России провинциального губернского ежемесячного журнала «Уединенный пошехонец».

В 1788 г. умирает А. П. Мельгунов. В этом же году закрылось «Ежемесячное сочинение...» В. Санковский подает в отставку, ссылаясь на слабость зрения. Он уезжает из Ярославля, служит судьей в Угличе. Известно, где и в каком году он умер. В одной из заметок Л. Н. Трефолев сообщает, что В. Д. Санковский скончался в страшной бедности, забытый своими литературными друзьями. Так закончилась жизнь первого редактора и издателя первого русского провинциального журнала.

Иметь в своей библиотеке комплект «Уединенного пошехонца» — мечта многих библиофилов. Мечтал об этом и я. Но увы... Я так и не встретил на своем пути ярославского журнала.

Но мне повезло в другом.

В мае 1959 г. в букинистическом магазине в проезде МХАТа — теперь он называется «Пушкинская лавка» — я вдруг увидел написанный от руки титульный лист, где было крупно обозначено «Уединенный пошехонец». Равнодушно я скользнул по нему взглядом и... вышел из магазина. Пронзенный неясной, смутной догадкой, внезапно вернулся. Мне достали из витрины книгу в переплете. Я поглядел ее более внимательно и уже не выпустил из рук. Домой я примчался в состоянии, близком к шоковому. В одном переплете — все двенадцать номеров журнала!.. Знаю, что старая книга разошлась во мнениях: одни говорили, что это — переиздание, так сказать, типографская копия. Другие — их было меньшинство — не очень уверенно считали, что это подлинный комплект 1786 г. Побывав в отделе редких книг Ленинской библиотеки, и, увидев там подлинный, хотя и неполный, комплект 1786 г., понял, что мне попалось в руки переиздание журнала. Однако ни в генеральном каталоге библиотеки, ни в отделе редких книг это издание-переиздание не числилось. Где же, когда и кем было совершено это переиздание?

На одном из заседаний Клуба книголюбов при Центральном доме литераторов я показал этот раритет. Ни у кого из присутствующих (несколько десятков человек) не было такой книги и они не знали о ее существовании. Некоторые из них работали над историей журнала «Уединенный пошехонец», но о таком переиздании или ничего не знали, или

слышали что-то не очень определенное.

Итак, в моей библиотеке, как я уже сказал, есть комплект журнала «Уединенный пошехонец» 1786 г. Подчеркиваю: *полный комплект* — все двенадцать номеров. Книга в хорошем состоянии, в прочном переплете с кожаным корешком. На нем тиснение «Уединенный пошехонец», 1786 инициалы владельца «Н. П.» На титульном листе — хорошо сохранившаяся надпись фиолетовыми чернилами: «Из книг д-ра Н. Павловского, Ярославль, 1891 г.».

В «Рассказах о книгах» Ник. Смирнов-Сокольский пишет в примечании к статье «Первенцы русской провинциальной журналистики», что «по указанию в каталоге Л. И. Жевержеева («Опись моего собрания», Пг., 1915, № 2466) Л. Трефолев переиздал «Уединенного пошехонца» на 304 страницах с печатью только на одной стороне листа». И дальше (курсив мой): «*Никогда этого переиздания не видел и нигде о нем, кроме каталога Жевержеева, не читал*» (с. 164).

В справочнике «Русская периодическая печать», 1702—1894 гг., (М., 1959 г.) на с. 74 есть заметка о журнале «Уединенный пошехонец», но о переиздании тоже ничего не сказано.

Я начал поиски...

В «Краеведческих записках» Ярославского областного краеведческого музея (вып. 1, 1956 г.) находим статью А. В. Девяткиной — зав. библиографическим отделом Ярославской областной библиотеки. В ней дается характеристика некоторых материалов журнала. В конце статьи автор пишет: «Еще в середине XIX века журнал стал библиографической редкостью. Полный комплект его номеров едва ли имеется сейчас хотя бы в одном книгохранилище страны. Насколько

нам известно, в Государственной библиотеке имени В. И. Ленина нет номеров «Пошехонца» за март и январь, а в Ярославском областном краеведческом музее отсутствуют номера за февраль, март и декабрь». Она ссылается на работу Н. Г. Огурцова «Опыт местной библиографии» — очень редкое издание, где дан полный перечень содержания журнала (Ярославль, 1924 г., с. 286—287).

А. В. Девяткина пишет: «Поэт и историк Ярославского края Л. Н. Трефолев имел единственный полный комплект, принадлежавший ранее редактору журнала В. Д. Санковскому. Пользуясь им, Трефолев в 1883 году подготовил для переиздания по предварительной подписке весь текст журнала, даже с сохранением орфографии, но довести дело до конца ему не удалось. Надежды поэта на поддержку любителей книжной старины, к которым он опубликовал соответствующее обращение, не оправдались: подписчиков оказалось слишком недостаточно, чтобы окупить расходы, связанные с переизданием, и оно не состоялось» (с. 186—187). Обращение было опубликовано в «Вестнике Ярославского земства» в 1882 г., с. 118—120. Л. Н. Трефолев писал, что переиздание выйдет в свет в марте 1883 г. в количестве 400—500 экз. Он считал, что именно таким был тираж «Уединенного пошехонца».

В «Сводном каталоге русской книги XVIII века. 1725—1800» (М., 1966) сообщается, что в 1883 г. Л. Н. Трефолев пытался перепечатать журнал, но, по-видимому, вышел только «корректорный экземпляр». Откуда взяты эти сведения, в справочнике, к сожалению, не указано.

Литературовед И. Айзеншток считает, что Л. Н. Трефолев перепечатал «Уединенный пошехонец». Автор книги приводит

из писем поэта несколько важных сведений. Задумав свое издание в конце 70-х годов, он приступил к нему в 1882 г. В письме к редактору «Исторического вестника» Шубинскому 24 мая 1882 г. Трефолев писал: «Мое библиографическое дело помаленьку устроилось: имею больше 450 подписчиков. Жаль только, что из них, как я имею некоторые основания думать, найдутся и такие господа, которые ограничатся одними общаниями, а денег не вышлют.» 3 июня 1883 г. он просит Шубинского поместить в одной из петербургских газет заметку о переиздании. «Мне стыдненько прибегать к таким способам, но что же сделать, когда так приходится поступать, скрепя сердце? Обманывают... обманывают меня порядочно! — Но я сделаю свое дело, т. е. возобновлю «Уединенного пошехонца» — во что бы то ни стало». (См.: Айзеншток И. Поэт-демократ Л. Н. Трефолев, Ярославль, 1954, с. 63—64).

Видимо, издателю встретились новые трудности. Об этом он пишет казанскому библиографу П. П. Васильеву 3 декабря 1882 г. Он жалуется, что «русская публика» довольно плохо отзывается на его предложение о переиздании журнала «Уединенный пошехонец». «Ваша, например, многолюдная и университетская к тому же Казань откликнулась мне в количестве 10-ти или 12-ти человек... Это еще хорошо. В других университетских городах значительно хуже. Общий итог: около 250 подписчиков, тогда как для самого скромного экономического издания книги в 20 или более печатных листов требуется более 460 рублей. Ergo: нужно мне пожелать, чтобы состоялась подписка, по крайней мере, на 350 экз. ... и уже не требовать от издателя, т. е. от меня, совершенно невозможного».

Готовясь к переизданию, Л. Н. Трефолев напечатал ряд статей о «Пошехонце» и перепечатал некоторые его материалы. В «Русском архиве» опубликована его статья «Первый русский провинциальный журнал „Уединенный пошехонец“, в «Историческом вестнике», № 10, 1882 г., в этом же году — в «Южном крае». В 1883 г. он помещает несколько публикаций в «Вестнике Ярославского земства» и в этом же году здесь же перепечатывает наиболее характерные выдержки из журнала и полностью — экономические очерки о городах и уездах.

И. Айзеншток пишет, что «... в начале восьмидесятых годов он (Трефолев) даже предпринял на свои крайне ограниченные средства переиздание «Уединенного пошехонца» и осуществил его (1885 г.), несмотря на то, что общественная поддержка этому начинанию оказалась недостаточной и ненадежной» (с. 63). Переиздание было приурочено к столетию выхода журнала.

Авторы А. В. Астафьев и Н. А. Астафьева в книге «Писатели Ярославского края до 1917 г.» (Ярославль, 1974) пишут: «В „Описи моего собрания“ Л. И. Жевержеева (правильно — Жевержеева. — А. П.) указывается, что Трефолев переиздал „Уединенный пошехонец“ с печатью на одной стороне листа. Но это, вероятно, были только гранки, так как до сих пор нигде не обнаружено ни одного экземпляра этого издания» (с. 69).

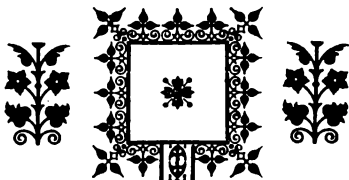
Теперь все эти утверждения, догадки, предположения остались позади. Экземпляр, купленный мною в «Пушкинской лавке», убедительно доказывает, что «Уединенный пошехонец» был переиздан в 1885 г., т. е. девятью лет тому назад в Ярославле. Это издание стало по существу такой же библиографической ред-

костью, а может быть, даже большей, чем оригинальное издание 1786 г. Пока известен только один экземпляр.

Переиздание не было факсимильным. По формату оно почти в полтора раза больше, чем выходившее в 1786 г. На титульном листе нигде не указано, что это переиздание, не показаны место и год печати, нет фамилии его издателей; не указаны тираж, цена. В 1883 г. в период подготовки журнала к перепечатке (Л. Н. Трефолов называл ее

вторым изданием), публикуя выдержки из журнала в «Вестнике Ярославского земства», он обещал дать биографию В. Д. Санковского в предисловии и снабдить все материалы примечаниями. В моем экземпляре нет ни того, ни другого. Нет в моем экземпляре и цензурного разрешения на выпуск. Оглавление помещено в конце каждого ежесычного журнала. Общего указателя по всей книге нет. Странное и удивительное редкое издание!

Москва

Книжный
развал

УНИКАЛЬНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР «МИРГОРОДА»

Я люблю держать в руках книги, изданные во времена Пушкина и Гоголя. Они издавались с большой любовью и вкусом — на плотной, слегка сероватой бумаге, отпечатанные крупным четким шрифтом, с большими полями и изящными заставками. Эта любовь однажды была вознаграждена настоящим открытием.

Через столетие после выхода из печати сборника Н. В. Гоголя «Миргород. Повести, служащие продолжением «Вечеров на хуторе близ Диканьки» зимой 1935 г. я, тогда еще начинающий текстолог, должен был подготовить для нового академического издания сочинений Н. В. Гоголя несколько повестей, в том числе «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Эту повесть Гоголь напечатал первоначально в альманахе Смирдина «Новоселье» (ч. 2-я, 1834 г.), а затем включил в издание «Миргорода». Известно было только то, что по сравнению с «Новосельем» Гоголь сделал при перепечатке повести незначительные стилистические изменения. Следовало еще раз проверить, не осталось ли чего-либо незамеченного Н. Тихонравовым, текстологом, великолепным знатоком Гоголя.

Я был молод и очень гордился порученной мне работой. Принялся я за нее в Библиотеке Академии наук на Васильевском острове в Ленинграде. В этом прекрасном здании всегда много света, воздуха. Мне подали книгу — «Миргород» 1835 г., совсем новую на вид, аккуратно переплетенную. Раскрыв книгу на «Повести о том, как поссорился...», я с удовольствием обнаружил вместо привычного текста совершенно незнакомые мне строки. Строки не известного до сих пор «Предисловия». Его не было в «Ново-

селье», оно не встречалось ни в одном из изданий «Миргорода». Я буквально не поверил своим глазам. Передомной был уникальный экземпляр, в котором сохранилось по каким-то причинам изъятые в остальных экземплярах предисловие. Несомненно, оно из-за своего издевательского характера было запрещено и сохранилось случайно в экземпляре Библиотеки Академии наук, получившей, видимо, этот экземпляр как обязательный еще до выхода всего тиража.

Напомню текст предисловия: «Долгом почитаю предуведомить, что происшествие, описанное в этой повести, относится к очень давнему времени. Притом оно совершенная выдумка. Теперь Миргород совсем не то. Строения другие; лужа среди города давно уже высохла и все сановники: Судья, Подсудок и Городничий люди почтенные и благонамеренные».

Появление этого предисловия становится понятно, если вспомнить, что при печатании повести в «Новоселье» цензура настояла на изъятии ряда «неблагонамеренных» мест. Цензор А. В. Никитенко записал в своем дневнике 14 апреля 1834 г.: «Был у Плетнева. Видел там Гоголя: он сердит на меня за некоторые непропущенные места в его повести, печатаемой в «Новоселье». Бедный литератор! Бедный цензор!» Предисловие — прямой ответ на эти цензурные придирки. Гоголь хотел воспользоваться тем, что цензором «Миргорода» был В. Н. Семенов, с которым у него были дружеские отношения, а А. В. Никитенко как раз в это время (вторую половину декабря) отбывал наказание на гауптвахте. Возможно, по возвращении Никитенко принял меры к изъятию этого полемического предисловия.

Это предисловие было включено в основной текст академического издания. Даже такие строгие ревнители текстологии, как В. В. Гиппиус и Б. М. Эйхенбаум, признали это вполне закономерным. Однако в изданиях Гоголя, вышедших в последнее время, предисловие не включают в основной текст, вынося его в примечания. И напрасно. Оно придает повести сатирическую остроту, его «неблагонамеренность» делает вполне очевидной причину изъятия его в уже отпечатанной книге. Уникальный экземпляр Библиотеки Академии наук — документальное подтверждение этому.

КНИГА С АВТОГРАФОМ ДЕРЖАВИНА

В Москве, в Отделе редких книг Ленинской библиотеки и в Государственном литературном музее имеется последнее прижизненное издание произведений Г. Р. Державина, пятый том которого вышел в мае 1816 г., незадолго до смерти поэта (он умер в июле 1816 г.). Это издание печаталось под руководством и при непосредственном участии писателя. Близкий друг поэта Евгений Болховитинов писал: «Ныне *сам он готовит* (курсив мой.— Г. К.) полное и великолепное с весьма многими виньетами издание всех своих творений в шести частях»¹.

В 1808 г. появились первые четыре тома (Спб., типография Шнора), и последним при жизни поэта появился пятый том (Спб., типография Плавильщикова). Этот том поэт надписывал и дарил друзьям и близким. Так, из писем, изданных Гротом, известно, что Державин подарил пятый том Евгению Болховитинову² и молодому В. А. Жуковскому³. Экземпляр с автографом, приготовленный, по-видимому, для подарка, имеется в Государственном литературном музее. В Отделе редких книг Ленинской библиотеки (инв. № 6244 и 34/127) хранятся еще две такие книги из четырех экземпляров этого издания с автографом, отличающимся лишь оттенком чернил, но на том же месте шмуцтитула. Была эта книга и в собрании И. Н. Розанова.

Стихотворения в пятом томе расположены не по хронологическому порядку. Том начинается стихотворением

¹ «Друг просвещения», М., 1806, № 3, с. 287.

² Державин Г. Р. Полн. собр. соч. Под ред. Я. К. Грога. Спб., 1876, т. 6, с. 389, письмо 1271.

³ Там же, с. 383, письмо 1108.

СОЧИНЕНИЯ

ДЕРЖАВИНА.

Автограф Г. Р. Державина на
последнем прижизненном томе
«Сочинений»

«Истина», содержит стихотворения, посвященные событиям Отечественной войны 1812 г. Среди них стихотворение «На парение Орла», посвященное М. И. Кутузову, «Гимн лироэпический на прогнание французов» и др. Заканчивает книгу Державин одним из любимейших своих стихотворений — «Полигимний». Сквозь весь том проходит мысль о бессмертии поэта. Право на бессмертие дает ему религиозно-философская или героическая тематика произведений.

Книга интересна также и тем, что, как свидетельствует Е. Болховитинов, иллюстрации в ней по замыслу выражают творческую волю поэта.

Академику Я. Гроту удалось найти между бумагами Державина особые тетради и отдельные листы, посвященные объяснению рисунков, писанные в разное время поэтом и его друзьями Капнистом, Львовым, Олениным.

Друзья внимательно обдумывали сюжеты для рисунков, стараясь не повторять в них содержание стихотворений. Оленин писал:

«Изограф однако не повторяет автора... старался художник домолвить карандашом то, что словами стихотворец не мог или не хотел сказать, оставляя иногда тонкий смысл или таинственное значение на собственное проищание читателя...»

Державин мечтал увидеть свои сочинения с рисунками, исполненными его другом — изографом Олениным. Он заботился о гравировании их, посылая свои сочинения с рисунками к лучшим граверам в Лондон и в Лейпциг, но

услуги верной ждать не должно
от иностранных слабых рук.

«Сочинения мои, — писал он Капнисту в письме от 21 марта 1804 г., — из Англии возвращены в первобытном состоянии, потому что к одному тому за виньеты просили там 12 000 рублей: то не по карману дорого и для того здесь теперь прилагаю старание о напечатании их»⁴.

В издании 1808—1816 гг. Державину удалось осуществить только 11 рисунков из 515 задуманных. В предисловии к первому тому Державин писал: «Не мог я, по желанию моему, украсить всех моих сочинений картинками за недостатком художников, предоставляя то будущему времени».

Желание поэта исполнил академик Грот, издав в 1864—1865 гг. в Императорской Академии наук «Сочинения Державина с объяснительными примечаниями и рисунками, найденными в рукописях поэта».

Приветствуя это издание, Ф. И. Буслаев писал: «Иллюстрация становится предметом первой важности для литературной критики, когда рисунки к литературному произведению составлены самим автором его, или под непосредственным его наблюдением и в сообществе с его друзьями и единомышленниками.

В такой иллюстрации поэт как бы продолжает творческую идею, дополняет очерками то, чего не мог выразить словами...

Иллюстрация вместе с тем устанавливает для критика точку зрения, которую сам поэт указывает в рисунке к своему произведению»⁵.

Из 11 иллюстраций, которые Державин увидел в издании 1808—1816 гг., три находятся именно в пятом томе. Они не были объяснены самим поэтом, их не разбирали позднее Я. К. Грот и Ф. И. Буслаев.

Эти рисунки нетрудно разгадать, зная, что главным источником иллюстраций служила знаменитая книга «Эмблемы и символы», изданная впервые по приказу Петра I в 1705 г. в Амстердаме, переиздававшаяся затем в 1788 и 1811 гг. в Петербурге Нестором Максимовичем Амбодиком⁶.

⁴ Державин Г. Р. Полн. собр. соч. Под ред. Я. К. Грота. Спб, 1876, т. 6, с. 163, письмо № 1030.

⁵ Буслаев Ф. «Новые иллюстрированные издания» по поводу изданных Я. Гротом т. I и II сочинений Державина с рисунками, найденными в рукописях поэта. — «Русский вестник», 1869, с. 731.

⁶ «Эмблемы и символы», изданные на русском, латинском, французском, английском и немецком языках, объясненные прежде в Амстердаме, а ныне умноженные и исправленные Нестором Макси-

Этот сборник вводил русского человека в мир мифологических аллегорических представлений классицизма. В книге Нестора Амбодика 840 аллегорических изображений. Она давала иконологическое описание добродетелей и пороков (гл. 2), науки и искусства (гл. 3), «мнимых божков язычников» — Аполлона, Минервы и других (гл. 4). Книга объясняла, что означают иносказательно растения, животные, вещи, указывала, как изображать государственные гербы, как представить государство.

«Империя Российская, Россия, представляется в образе жены величественного вида в златотканной мантии, в короне императорской, со стоящим возле нее щитом» («Эмблемы и символы», с. LXII).

Такой изобразил ее Ломоносов в XXVIII оде «К живописцу»:

Одень, одень ее в порфиру,
Дай скипетр, возложи венец,
Как должно ей законы миру
И распрям предписать конец.

На титульном листе сочинений М. В. Ломоносова, изданных в 1757 г., мы видим «младую нимфу в лавровом венце и с лирою», олицетворяющую «Стихотворство, или Поэзию» («Эмблемы и символы», с. XXIV).

Эмблему № 724 — два обнимающихся купидона, символ «взаимообразной любви», — встречаем на титульном листе сочинений Богдановича 1809 г.

Множество эмблем, заимствованных из этого сборника, мы видим у Г. Р. Державина. Посмотрим, как «Эмблемы и символы» помогают понять смысл иллюстраций пятого тома сочинений Державина.

Прежде всего обратим внимание на титульный лист, который в XVIII в. являлся нередко идейной характеристикой книги, как бы ее «увертюрой»⁷.

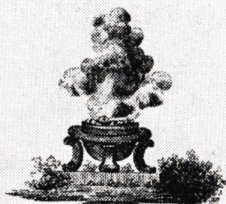
Под простым и строгим заголовком «Сочинения Державина» помещено такое изображение: на жертвеннике, окруженном неувядаемыми цветами, стоит наполненный горящими углями курительный сосуд, из него поднимается клуб дыма.

мовичем Амбодиком, с виньетками и изображениями. Спб., 1788. Печаталось в Императорской типографии.

⁷ Сидоров А. А. История оформления русской книги, М.—Л., 1946, с. 212—234.

СОЧИНЕНИЯ
ДЕРЖАВИНА

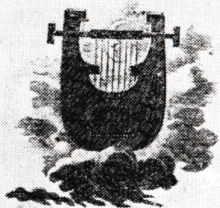
Часть V.

62 Сочинений
+ 8+6 25. 1816

Пятый том «Сочинений»
Державина. Титульный лист

Зримое въ мечѣхъ, горитъ въ образахъ,
Ахъ! какъ солнце, явилъ престола!
Слышу шобой, мое выраженье
И очаровательна мечта
Всю душу мою напоминаетъ
Ихъ языкъ стихомъ и словомъ. —
Буду я, буду безжестокъ!

Последняя страница
пятого тома

Курительный сосуд по «Эмблемам и символам» (№ 48) означает: «Полезное с приятным совокуплено». Горящее «уголье», указывает Амбодик на стр. XXII, — знак чело-веколюбия, пучок невянущих трав — бессмертия. Жер-твенник по «Эмблемам и символам» — символ незабвенной памяти.

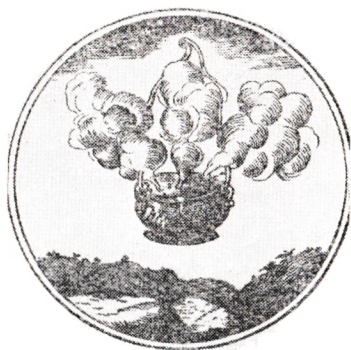
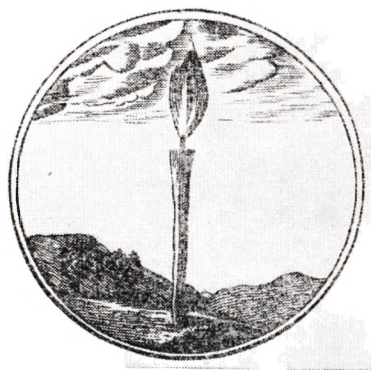
И мы узнаем в этой виньетке любимую мысль Держа-вина: «Весь я не уму...»

Второй рисунок — иллюстрация к стихотворению «Ис-тина» (1812 г.), которым Державин открывал пятый том:

О Истина! о голос света!
Тебя, бессмертная, пою...

.....
Да от безверных удалюсь,
Нейду с лукавыми в совет
И в сонм льстецов, — а прилеплюся
К друзьям Твоим, твой чтящим свет⁸.

⁸ Державин Г. Р. Сочинения, ч. 5, 1816, с. 1. Книга с автографом в ГЛМ. № 84—5, 80305.

Эмблемы из книги «Эмблемы и символы»

Истина была светильником поэта. Она, по мнению Державина, складывается из трех начал: это и правда, и вера, и совесть. Этому произведению Державин придавал, по видимому, особое значение, так как счел нужным иллюстрировать именно его из 57 стихотворений книги, открывая ее такою виньеткой:⁹

На огромном шаре в облаках стоит высокая женщина в длинном белом платье, чуть открывающем пальцы босых ног. На плечах ее покрывало и длинная расстилающаяся в облаках темная мантилья. Правой рукой она обнимает огромный, уходящий в облака крест, а левой держит горящую свечу, вокруг которой начертаны слова: «и тьма его необъятна, свет во тьме светится».

В сборнике «Эмблемы и символы» читаем:

«Истина, или правда, дочь времени и мать добродетели, изображается... иногда... попирающею шар ногами»¹⁰.

«Вера представляется... женою, стоящею на облаках, в одежде простой и препоясанной... покрывало у ней с чела спущено назад и лежит по плечам, сверх ее одежды длинная мантия, расстилающаяся по облакам так, что токмо босых ног персты видны»¹¹.

⁹ Там же.

¹⁰ «Эмблемы и символы», 1788, с. XV — XVI.

¹¹ Там же, с. XIII — XIV.

Эмблема № 47 — «зажженный факел» — «он светит во тьме».

Светильник горящий — знак мудрости¹².

Третья виньетка книги с автографом поэта служит концовкой пятого тома. На ней изображена парящая в облаках лира (с. 239).

Лира по «Эмблемам и символам» — знак Аполлона, бога света, муз и стихотворства¹³.

В XXXIV стихотворении книги («Эхо») поэт говорит: «в век бессмертно эхо лир».

«Чрез Муз живут пииты в век»¹⁴.

И в этом рисунке мы также узнаем сокровенную мысль поэта: «...Героев и певцов вселенна не забудет».

Державин подчеркивает мысль о бессмертии своей поэзии иллюстрациями и расположением стихотворений и в первых четырех томах.

«Мои стихи, ежели кому кажутся крепкими, как полынное вино, то они, однако, так же здравы и спасительны», — писал Державин в «Анекдоте» (1796 г.) по поводу стихотворения «Властителем и судьям».

«...Истина одна только творит героев бессмертными»¹⁵.

В пятом томе своих сочинений Державин рисунками, созданными по его замыслу, и стихотворениями «Истина» и «Полигимнии» утверждал высокое достоинство подлинного поэта, долг которого «в мир правду вещать».

Последняя книга с автографом Державина — предсмертное завещание поэта XVIII века грядущим поколениям.

«Во всем, что сделано и делается человеком, — писал А. М. Горький в статье «Как я учился писать»¹⁶, — в каждой вещи заключается душа; всего больше этой чистой и благородной души в науке, в искусстве, всего красноречивее и понятнее говорит она — в книгах».

¹² Там же, с. 12.

¹³ Там же, с. XXV.

¹⁴ Державин Г. Р. Сочинения, ч. 5, Спб., 1816, с. 168.

¹⁵ Державин Г. Р. Полн. собр. соч. с объяснительными примечаниями Я. Грота. Спб, 1864, т. I, с. 114.

¹⁶ Горький А. М. Как я учился писать. — «Несобранные литературно-критические статьи». М., 1941, с. 481.

ДЕВЯТАЯ ТРАГЕДИЯ СУМАРОКОВА

27 июня 1774 г. в «Санкт-Петербургских Ведомостях» в разделе «Продажа» появилось объявление:

«В Луговой Миллионной улице в доме директора Познякова у переплетчика Торно продается новонапечатанная трагедия «Мстислав», господина Сумарокова, ценою по 60 копеек экземпляр».

«Мстислав» — последняя из девяти трагедий первого русского драматурга и создателя первого русского профессионального театра Александра Петровича Сумарокова.

Летом и осенью объявления о продаже «Мстислава» и других произведений Сумарокова регулярно появлялись в «Санкт-Петербургских Ведомостях».

1774 год — одиннадцатый год пышного царствования Екатерины II. Идет к концу очередная побе-

доносная война с Турцией. А на Волге в разгаре пугачевщина. Опустошена Казань, повстанцы двигаются к Пензе и Саратову. Под угрозой Нижний Новгород и Москва.

Сумарокову в то время было уже под шестьдесят. Он жил в Москве, принимая самое активное участие в театральной жизни обеих столиц. Но в 1774 г. он приехал в Петербург на премьеру своей трагедии «Мстислав». Тут-то он и напечатал трагедию отдельной книжкой.

Трагедия Сумарокова посвящена Мстиславу — легендарному тьмутараканскому князю «иже зареза Редедю пред пълкы касожьскими», как упоминается в «Слове о полку Игореве». Для Сумарокова Мстислав — идеал смелого и благородного правителя.

Трагедия эта в послед-

них изданиях Сумарокова не печаталась, современному читателю почти не известна. Эта напечатанная в восьмую долю листа брошюрка имеет большее значение для истории русского театра, чем для характеристики творчества ее автора. На ее последней странице напечатано — «Конец трагедии», но это еще не конец книги. На следующем листе — шестнадцать строчек стихотворения, адресованных Ивану Афанасьевичу Дмитревскому, сподвижнику Федора Волкова, ставшему после смерти своего товарища «первым российским придворного театра актером», а написано оно на смерть актрисы Троепольской.

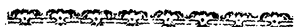
И. А. Дмитревский прожил долгую жизнь, его хорошо изученная биография — это история русского театра со времен его основания до двадцатых годов XIX в. В «Мстиславе» Дмитревский играл главную роль.

Гораздо меньше известно об одной из первых русских актрис Татьяне Михайловне Троепольской. Играть она начала, по видимому, в вольной труппе театра Локателли в Москве, а в 1762 г. перешла на сцену основанного Вол-

МСТИСЛАВЪ ТРАГЕДІЯ

АЛЕКСАНДРА СУМАРОКОВА.

Представлена въ первый разъ майя
16 дня на императорскоѣ
театрѣ
въ санктпетербургѣ
1774.

при императорской академіи наукъ
въ санктпетербургѣ.
1774 года.

*Титульная лист трагедии
А. П. Сумарокова*

ковым и Сумароковым петербургского императорского театра.

С большим успехом сыграла Троепольская Ильмену в трагедии Сумарокова «Синав и Трувор» еще в 1766 году. Обладая разносторонним дарованием, она исполняла роли в пьесах Корнеля, Мольера, Вольтера, Федора Волкова и других старинных и современных ей авторов.

Имя Троепольской современники ставили рядом с именем Дмитревского. Первый русский театраль-

ный журнал «Драматический вестник» писал много лет спустя, в 1808 г.: «Троепольская была первою придворного театра актрисой трагической, которая соединяла красоту и благородство с приятнейшим голосом и редкою чувствительностью».

Существует предание, что Троепольская умерла скоропостижно в день премьеры «Мстислава», перед выходом на сцену. Однако точная дата ее смерти неизвестна, в Большой Советской Энциклопедии — «1773 или 1774», а в Театральной Энциклопедии — «1774».

Последняя страница «Мстислава», как мне кажется, проливает новый свет на дату и обстоятельства смерти Троепольской.

Выходной лист трагедии говорит — «Мстислав» трагедия Александра Сумарокова. Представлена в первый раз мая 16 дня на императорском театре в Санкт-Петербурге 1774».

Первое объявление о продаже этой книги, как мы уже знаем, появилось в «Санкт-Петербургских ведомостях» 27 июня 1774 г. Следовательно, книга напечатана после премьеры пьесы. Таким образом, до 16 мая 1774 г. Троепольская, исполнявшая в

«Мстиславе» роль Ольги, была жива.

Смерть исполнительницы в день спектакля, как говорит предание, сорвала бы премьеру. Кроме того, Сумароков в своей элегии не преминул бы отметить это печальное совпадение.

Когда же все-таки умерла Троепольская? Первое и, как мне известно, единственное отдельное издание «Мстислава» дает точный ответ на этот вопрос.

Послание Дмитриевскому начинается словами «В сей день скончалася...» А под стихами стоит точная дата «Июня 18 дня 1774 года». Надо сказать, что почти все стихотворения Сумарокова не датированы. Не датирован и сам «Мстислав». Под небольшим же стихотворением стоит дата, набранная, кстати, шрифтом более крупным, чем самый текст.

Трагедия занимает 61 страницу, элегия — еще одну страницу, но уже не нумерованную. Для удобства набора и брошюровки на каждой странице трагедии внизу, как было принято в то время, напечатан первый слог первого слова следующей страницы. На 61-й странице этого нет. Видимо, персона-

I. ДМИТРЕВСКОМУ.

Въ сей день скончалася, и нѣтъ ея теперь,
 Прекрасна женщина и мельпомены дщерь,
 И охладѣли ужъ ея младыя члѣны,
 И тронопольской нѣтъ, сей новыя намены.
 Елиза да живетъ на свѣтѣ больше лѣтъ,
 Она осталася, но тронопольской нѣтъ,
 Живущія игрой къ увеселенью свѣта:
 Ей памянь вѣчная, елизѣ многи лѣта;
 Да веселишъ она игрою нашъ народъ,
 И чѣмъбы миръ изрекъ: елизѣ соимъ годъ.
 А ты мой вѣрный другъ играющій намъ мисти-
 слава,
 Кѣмъ днесь умножилася моя въ россѣи слава:
 Спирайся чѣмъбы нашъ театръ не палъ на вѣкъ.
 А такъ какъ жалостливый и добрый человекъ,
 Восплачь, восплачь о той со мной, и восплачься,
 Которой ролъ всѣ на свѣтѣ окончанъ!

*

*

А. С.

*

ЮНЯ 18 ДНЯ 1774.

чально она была последней. Чиста и обратная сторона 61-й страницы. Все это говорит о том, что элегия допечатана позднее текста трагедии на отдельном листке, уже перед выходом книги. Очевидно, узнав о смерти Троепольской, Сумароков (он задержался после премьеры в Петербурге) написал элегию и приказал напечатать ее в «Мстиславе», оказав-

шемся последней трагедией и для него и для Троепольской.

Итак, 18 июня 1774 г. представляется бесспорной датой смерти Татьяны Михайловны Троепольской. Возможно, Троепольская действительно умерла скоропостижно перед спектаклем, но это было уже не первое представление «Мстислава».

Ленинград

«...В ПОЛЬЗУ ГОЛОДАЮЩИХ ПОВОЛЖЬЯ»

В архиве Книжной палаты УССР хранится литографированное издание поэмы Александра Блока «Двенадцать», вышедшее в Харькове в 1921 г.

...Плотная обложка. В черной рамке — репродукция известного портрета Александра Блока, написанного К. А. Сомовым.

Под портретом надпись: «Весь труд по изданию жертвуется редакцией «Живая правда» и рабочими 2-й сов. худ. литографии в пользу голодающих Поволжья».

Новому, советскому читателю был близок призыв поэта «всем телом, всем сердцем, всем сознанием» слушать Революцию. Стихотворения и поэмы Александра Блока во время гражданской войны и в самом начале 20-х гг. выходили отдельными изданиями, печатались на страницах газет и журналов в Киеве, Харькове, Одессе, Севастополе и других городах Украины. В приложении к органу ЦК КП(б)У «Коммунист» подчеркивалась необходимость «...собрать всего Александра Блока во всех его рассеянных произведениях, объяснить их рабочему классу, передать их ему как его собственное культурное завоевание, потому что Блок жил и умер в революции¹».

Печатаются статьи о Блоке, рецензии на книги о нем. Организуются лекции, вечера, посвященные Александру Блоку. В начале апреля 1918 г. в мастерских Художественного цеха поэт Георгий Шенгели прочел лекцию о Блоке. В 1920 г. его стихи читали в Одессе в помещении Крестьянского Дворца.

В 1921 г. на страницах украинских советских газет и журналов немало стихов, очерков и статей публиковалось под рубрикой «На борьбу с голодом». Собирались средства в фонд помощи пострадавшим от неурожая. 17 августа 1921 г. в Харькове был открыт Дом прессы. На открытии А. В. Луначарский прочитал свою новую пьесу «Освобожденный Дон-Кихот». Весь сбор пошел в пользу голодающих.

7 сентября 1921 г. «Вісті ЦВК УРСР» сообщили, что воскресенье, 11 сентября, пройдет под лозунгом «Харьковская пресса — Поволжью». В этот день все местные газеты выйдут и поступят в продажу (сбор — в пользу голодающих). Будет выпущена вечерняя газета с участием лучших литературных сил Харькова, а в саду «Грядущее» состоится вечер лите-

¹ «Коммунист». Еженедельное приложение к газете «Коммунист» (Харьков), 1921, 11 авг.

Обложка поэмы А. Блока

раторов. В сентябре и октябре 1921 г. харьковские печатники организовали воскресники в помощь голодающим, выпустили пять номеров газеты «Печатник — Поволжью», устроили пять спектаклей в пользу голодающих детей.

Тем же 7 сентября 1921 г. датировано письмо в коллегию Всеиздата: «Комиссия по устройству дня „Печатник — Поволжью“ просит зарегистрировать и разрешить заказ на издание для продажи в день «Печатник — Поволжью» поэм «Двенадцать» и «Скифы» А. Блока в количестве 1800 экземпляров.

Зав. агитпропом ЦК.

Зав. отделом печати и пропаганды.

Председатель комиссии по устройству дня «Печать — Поволжью»².

В левом верхнем углу документа — резолюция: «Издание разрешается. 8/IX».

Средства, вырученные от продажи книги, решено было использовать для помощи голодающим.

Газета «Пролетарий» писала:

«Сотрудники устной газеты на автомобилях будут давать живую устную газету по площадям и улицам, призывая граждан оказывать максимальную помощь Поволжью... В продажу... поступит «Двенадцать» Александра Блока с портретом автора»³.

Поэма Блока «Двенадцать» («Скифы» не успели включить в книгу) была выпущена на общественных началах — рабочими Второй советской художественной литографии Харькова и редакции «Живой правды» (так называлась «Устная газета» агитпропа Харьковского губкома КП/б/У).

В своей малоизвестной статье о Блоке Эдуард Багрицкий писал: «Ал. Блок первым увидел за кровью, забрызгавшей улицы, за низким густым дымом пожаров и огнем выстрелов ясный лик революции»⁴.

Вот почему таким своевременным оказалось литографическое издание поэмы Блока в 1921 г.

² ЦГАОР УССР, ф. 177, оп. I, д. 151, л. 120.

³ «Харьковщина — голодающим». — «Пролетарий», 1921, 11 сент.

⁴ Э. Б. Александр Блок. (К годовщине со дня смерти). — «Известия» (Одесса), 1922, 13 авг. (Криптонимом «Э. Б.» подписаны некоторые другие газетные материалы поэта).

Е. Немировский

КНИГА, НАПЕЧАТАННАЯ НА ТАБЕЛЬ-КАЛЕНДАРЕ

Дарственная надпись: «Дорогому товарищу по оружию Е. Л. Немировскому жертвую грехи своей молодости».

Подпись — «Н. Проскурнин» и дата — «7 августа 1953 г.».

Что касается самой книги, то она напечатана еще в 1919 г. Попала она в мою библиотеку таким образом.

В те далекие уже годы меня и друга моего Льва Теплова, ныне покойного, волновала история Ивана Смерда Половца — легендарного врача киевского князя Владимира Красное Солнышко. Еще в XVII в. было опубликовано письмо Смерда к князю, в котором врач рассказывал о своем опасном путешествии к берегам Нила. Заканчивалось послание так: «Писал я это железными литерами, вырезанными на 12 медных досках».

Основываясь на этих словах, журналист А. Филиппов предположил, что Иван Смерд не писал, но... печатал свое послание. А так как книгопечатания в X столетии еще не было, то именно Смерда и следует считать изобретателем этого замечательного искусства. Статья А. Филиппова, опубликованная 30 апреля 1895 г. в газете «Новое время», так и называлась: «Кто был действительным родоначальником книгопечатания на Руси?»

Мой рассказ — не о Смерде. Скажу лишь, что послание его князю Владимиру многие ученые считали поддельным. Сколько-нибудь досконально вопрос изучен не был. И если судить объективно, остается открытым по сей день.

В марте 1949 г. Лев Теплов, в ту пору — студент Московского полиграфического института, опубликовал в институтской многотиражке статью «Иван Смерд — изобретатель книгопечатания», которая наделала много шума в московских научных кругах. В одном из следующих номеров газеты на нее откликнулся член-корреспондент Академии наук СССР А. А. Сидоров. В том же номере была напечатана и моя «Библиография к письму Смерда».

Пополнять эту библиографию я продолжал и в дальнейшем.

Историкам книжного дела хорошо знакомы «Материалы для библиографии Ивана Федорова», составленные скромнейшей, но глубоко эрудированной Александрой Петровной Лебедеванской (1889—1965) и опубликованные в сборнике «Иван Федоров первопечатник» (М.—Л., 1935). В этом превосходном указателе литературы по истории русского первопечатания я нашел следующее библиографическое описание: «Проскурин

Книга, напечатанная на табель-календаре

Н. П. Изобретение книгопечатания в России. Ростов-на-Дону, 1918». И сразу засомневался — уж не о Смерде ли идет речь в этой книге?

Но вот беда — книги не было ни в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, ни в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ни во многих других библиотеках, в которые я обращался.

Да и сама Александра Петровна, которую я посетил в Ленинграде, книги не видела. Описание в «Материалах» отмечено звездочкой — так Лебедянская отмечала немногие издания, которые ей не удалось найти в крупнейших книгохранилищах города на Неве.

В начале 50-х годов, когда я стал сотрудником Научно-исследовательского института полиграфического машиностроения, я познакомился с Николаем Павловичем Проскуряниным (1888—1966) — маленьким сухоньким старичком, работавшим в Отделе новых шрифтов.

Несмотря на название отдела, Николай Павлович интересовался лишь старыми шрифтами. Он составил богатейшую картотеку шрифтов всех времен и народов. Картотека эта, к слову, по сей день не издана и все еще пылится в архивах института. Будет невозвратимой потерей для науки, если при очередном переезде ее сдадут в макулатуру.

С Проскуряниным мы подружились. Я тогда работал над историей полиграфической техники в СССР. Николай Павлович нередко рассказывал мне о тех стародавних временах, когда в первые послереволюционные годы он организовал в своем родном Ростове-на-Дону Полиграфическую школу. Он заведовал школой, читал в ней лекции и сам писал для своих учеников учебные пособия.

Тогда-то я и вспомнил о книге Н. П. Проскурянина, зарегистрированной в указателе А. П. Лебедянской. Быть может, Александра Петровна ошиблась, и вместо «Проскурин» следует читать «Проскурнин».

Я спросил об этом Николая Павловича. Он улыбнулся и ничего не ответил. А на следующий день принес брошюру, на обложке которой под линогравюрой, изображавшей первого европейского типографа Иоганна Гутенберга, стояло: «Н. П. Проскурнин. Изобретение книгопечатания и начало его в России». Значит, и название книги А. П. Лебедянской перепала неправильно!

Я раскрыл брошюру и... удивился. Текста на первой странице не было. Передо мной — табель-календарь на январь 1919 г. Красным выделены праздники — «Новый год», «Богоявление». Внизу же примечание: «Посты отмечены зеленым фоном».

Заметив мое недоумение, Николай Павлович сказал: «Переверните страницу!»

Я так и сделал. И увидел на обороте текст под заголовком «Как создалась печатная книга». А дальше, на третьей странице, опять табель-календарь — теперь уже на февраль 1919 г.

Всего в книжке 12 листов — по числу месяцев. Текст напечатан лишь на одной стороне листа. Вторую занимает табель-календарь на 1919 год.

Зачем понадобилось печатать книжку на календаре? — подумал я.

Как бы отвечая на мой вопрос, Николай Павлович сказал: «С бумагой в ту пору было трудно!»

Заведуя Полиграфической школой, Н. П. Проскурнин одновременно работал техноруком типографии Южно-Донского союза кредитных обществ. На складе типографии лежал нереализованный своевременно тираж старого табель-календаря. Обратные стороны листов были пустыми. Николай Павлович решил использовать их.

Так появилась своеобразная, единственная в своем роде книжка. Она очень редка. Один экземпляр, уже впоследствии, Н. П. Проскурнин подарил Отделу редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Несколько экземпляров оставалось у него дома. Судьба их мне неизвестна. Говорят, после смерти Николая Павловича, переезжая на новую квартиру, семья его уничтожила многочисленные папки с архивом покойного.

Москва

В. Аверихин

ЭКСЛИБРИС В СИБИРИ ЗАМЕТКИ КОЛЛЕКЦИОНЕРА

О времени появления экслибриса в Сибири мы располагаем лишь отрывочными сведениями.

В 1969 г. в Новосибирске вышла книга «Из истории книги, библиотечного дела и библиографии Сибири». В сборнике опубликован очерк В. С. Манассеина «Книжные собрания г. Иркутска в XVIII и 1-й половине XIX века». В нем обстоятельно рассказано о библиотеках, собранных иркутскими библиофилами, и содержится свидетельство, что сибирякам-библиофилам прошлого, в частности жившим в Иркутске, был хорошо знаком обычай помечать свои книги экслибрисом. В. С. Манассеин пишет: «От всех перечисленных библиотек, равно как и от многих других, существовавших в Иркутске в первой половине XIX века (Сибирякова, Стрыкова, Протопопова, Пежемского и др.), сохранились только изредка встречающиеся в Иркутске отдельные книги с рукописными экслибрисами их бывших владельцев».

Далее он сообщает о рукописном экслибрисе академика А. М. Карамышева, сибиряка по происхождению, в конце XVIII в. жившего в Иркутске. Книги его солидной научной библиотеки имели экслибрис на французском языке «de Karamysheff».

«Из книг Ивана Зеркалеева» — такую отметку делал на своих

книгах в конце XVIII в. чиновник И. С. Зеркалеев, собравший большую библиотеку.

Значительные книжные собрания в XVIII в. имели духовные лица: Иннокентий Нерунович, Иван Миткевич. На всех их книгах также сделаны рукописные экслибрисы.

Заведующий отделом редких книг и рукописей научной библиотеки Иркутского университета А. Г. Боннер в статье «Коллекция книг В. Н. Баснина в научной библиотеке Иркутского университета» сообщает о владельческих надписях на книгах этого крупного библиофила. На некоторых из них есть даже рукописные суперэкслибрисы.

Дореволюционным русским библиофилам были хорошо известны книжные знаки знаменитого красноярского библиофила Г. В. Юдина (см. «Альманах библиофила», вып. 1, М., 1973, с. 254—256).

Известны также экслибрисы омского писателя А. Сорокина. У него было три книжных знака. На четырехугольном ярлыке (86 × 67 мм) — портрет владельца на фоне паутины с пауком. Внизу раскрытая книга. Второй экслибрис изготовлен по рисунку художника В. Эттеля в 1910 г. На нем — поднимающийся в гору нагой мужчина с крестом на спине. Надпись «Антон Сорокин». На третьем экслибрисе писате-

ля — горящая свеча; капли стеарина, падая, образуют надпись «Антон Сорокин».

Книжные ярлыки, штемпельные знаки имели библиотеки многих учебных и военных заведений, различные учреждения и библиотеки. Коллекционированием и изучением их никто не занимался.

Только после революции появился первый сибирский коллекционер экслибрисов. Это известный исследователь Сибири, поэт, ученый, путешественник, человек необычайно разносторонних знаний Петр Людовикович Драверт (1879—1945).

Увлечение экслибрисом к нему перешло по наследству. Книжные знаки собирал еще его отец Л. С. Драверт. Эту коллекцию Петр Людовикович продолжал пополнять до конца своей жизни. В ней было немало редких русских экслибрисов, хорошо представлена Сибирь, особенно омские книжные знаки.

О библиофильской и коллекционерской страсти ученого свидетельствует одно из его писем. «Недавно улыбнулось маленькое счастье, — пишет Драверт ленинградскому коллекционеру Б. А. Вилинбахову. — Шел по улице. Вижу, в канаве лежит какой-то старый растрепанный переплет от книги. На всякий случай поднял, а там сохранившийся ярлык» (Архив автора. Письмо П. Драверта от 10 октября 1940 г.) Драверт сообщает об этом книжном знаке, принадлежавшем библиотеке чайной Омского резервного пехотного батальона, определяет, что он напечатан в 80-х годах прошлого века.

Собственный экслибрис был и у самого П. Л. Драверта. Он сделан омским художником Е. А. Крутиковым в 1933 г. Это одноцветная линогравюра 75×60 мм. Тираж книжного знака невелик — 250 экземпляров. От-

печатан он на бумаге пяти цветов: светло-зеленой, зеленой, желтой, красной, фиолетовой. Книжный знак ученого довольно сложен по композиции. Изображен кусок руды, геологический молоток, книга и свиток. Эту символику подкрепляет латинская надпись «Сочиняй и работай молотком».

Книжные штемпели довольно часто встречаются на книгах старых сибирских библиофилов, в частности живших в городах бывшей Енисейской губернии. Известный красноярский краевед К. В. Богданович обнаружил в Центральной городской библиотеке имени М. Горького в Красноярске более 70 таких оттисков. Все они принадлежали частным лицам. О своей находке К. В. Богданович сделал доклад на 7-м заседании красноярского общества экслибрисистов (30 ноября 1968 г.).

Наиболее часто встречаются здесь книги со штемпелем: «Никита Виссарионович Скорняков» и с книжным ярлыком «Публичная библиотека Н. В. Скорнякова». В библиотеке Н. В. Скорнякова были значительные собрания книг по истории и географии, особенно Сибири и Дальнего Востока. Были здесь также книги по литературоведению, искусству, общественно-политическим и естественным наукам, энциклопедические словари, журналы. Хорошо представлена и классика, отечественная и зарубежная.

Эту частную публичную библиотеку в сентябре 1898 г. посетил В. И. Ленин. Здесь он установил контакты с красноярскими марксистами, среди которых был и сын Скорнякова, Леонид Никитич Скорняков.

В Центральной библиотеке имени М. Горького были найдены также книги со штемпельными знаками «Библиотека Комарова. Красноярск». А. Ф. Комаров был владельцем книжного магазина

и имел кроме библиотечного книгопродавческий штемпель «Учебные пособия и книги. Магазин А. Ф. Комарова в Красноярске».

«Емельян Федорович Кудрявцев» — такой штемпель на своих книгах ставил владелец типографии и издатель газеты «Енисей» — одной из первых частных газет в городе.

Свой штемпельный знак имел и Петр Ананьевич Красиков, красноярский марксист, на квартире которого жил В. И. Ленин в сентябре 1898 г. Штемпельные знаки были и у других красноярских библиофилов, чьи книги по разным причинам оказались потом в Центральной городской библиотеке имени М. Горького. В числе их — врач П. И. Коновалов, горный инженер Я. М. Макеро, адвокат И. А. Ицин, инженер В. А. Смирнов и другие.

Немало книг со штемпельными знаками и в Минусинской библиотеке краеведческого музея, которую основал в 1877 г. замечательный ученый и естествоиспытатель Н. М. Мартыанов. Здесь сохраняются книги с экслибрисом известного сибирского ученого-просветителя И. Т. Савенкова. В 1907—1911 гг. Иван Тимофеевич Савенков заведовал музеем. Немало книг И. Т. Савенкова и в Центральной библиотеке имени М. Горького в Красноярске.

На некоторых книгах библиотеки Минусинского краеведческого музея можно видеть штемпели Н. В. Федорова, сына минусинского первопечатника. Отличный фотограф, он оставил родному городу тысячи негативов. Книжки Н. В. Федорова говорят о большом кругозоре и начитанности их хозяина.

Штемпельные знаки имели многие учебные заведения Минусинска и уезда. В библиотеке краеведческого музея хранятся книги, когда-то принадлежавшие минусинской учительской семина-

рии, ученической библиотеке реального училища, минусинскому городскому четырехклассному училищу, двухклассному училищу (село Шошинское Минусинского уезда), обществу приказчиков Минусинска и уезда и другим.

Коллекционерам страны хорошо известно имя Петра Митрофановича Богданова (1907—1968), замечательного человека, библиофила и выдающегося пропагандиста экслибриса. П. М. Богданов был инициатором создания при Кемеровском областном отделении ВОФ секции экслибристов, а затем при областной организации «Знание» — секции книжной графики. Он был бессменным секретарем этой секции, отдавал любимому делу все свободное время.

Под руководством Богданова в Кемерове прошла 21 выставка книжного знака. К ним были изданы каталоги, проспекты, буклеты, большая часть которых составлена им. Многие эти издания теперь — библиографическая редкость.

П. М. Богданов собрал после П. Л. Драверта самую большую коллекцию экслибрисов в Сибири. К концу 1968 г. она насчитывала около 12 тысяч экземпляров. Богданов вел переписку и обмен коллекционными материалами с 200 корреспондентами, был членом Московского клуба экслибристов, почетным членом Красноярского общества экслибристов.

В Кемерове продолжается деятельность многочисленной группы профессиональных и самодеятельных художников, которую все эти годы возглавлял художник и коллекционер Михаил Андреевич Паньков. Он сделал более 300 экслибрисов для библиофилов Сибири и других городов страны. Все кемеровские выставки прошли при его участии. М. А. Паньков составил ряд ка-

Художник А. Аносов. Иркутск

Художник В. Марьин. Томск

талогов, проспектов и буклетов об экслибрисах, изданных здесь в последние годы.

В феврале 1968 г. было создано Красноярское общество экслибрисистов (КОЭ).

В апреле 1971 г. появилась в Сибири и первая детская экслибрисная организация — кружок юных экслибрисистов в красноярской школе-интернате № 6.

В 1974 г. начал работу клуб экслибрисистов Новосибирска. Он объединил в своих рядах местных книголюбов и любителей книжного знака. Во главе клуба стоит энтузиаст экслибриса в Новосибирске инженер А. Мякин.

Экслибрисы в настоящее время создаются во многих городах Сибири, в том числе в Красноярске, Кемерове, Кызыле, Иркутске, Томске, Ачинске, Новосибирске.

Более 10 лет трудится в жанре малой графики красноярский художник В. Свалов. Он сделал за это время более 100 экслибрисов. Все они нарезаны на дереве. Сюжеты книжных знаков самые разнообразные. Здесь Красноярск

с его живописными окрестностями, знаменитый государственный заповедник «Красноярские столбы», исторические, краеведческие, литературные, медицинские и другие мотивы, близкие владельцам библиотек. Экслибрисы художника экспонировались на многих выставках в нашей стране и за рубежом.

Хорошо знакомо книголюбам и любителям искусства имя томского художника В. Марьина. На экслибрисах В. Марьина запечатлен Томск и достопримечательные места этого старейшего сибирского города, в частности его деревянная архитектура. Портретная серия посвящается В. И. Ленину, писателям и поэтам, общественным деятелям. На книжных миниатюрах также виды других городов страны, символические изображения, отображены различные события, связанные с жизнью и работой библиофилов, которым художник сделал экслибрисы.

Художник работает с ювелирным, филигранным мастерством. Его экслибрисы изящны и поэтичны.

Значительная часть (более 80 знаков) сделаны им в цинкографии. Есть несколько офортов.

В последнее время В. Марьин успешно осваивает линогравюру — нарезано более 20 знаков.

Заслуженное признание приобрело за последние годы у книголюбов имя иркутского графика А. Аносова. Уже в первых его экслибрисах можно было заметить, что он глубоко понимает специфику книжного знака. Гравюры его отличаются четко организованная композиция, исключительная выразительность рисунка и живость образов. Как правило, его знаки не загружены деталями. Символика их понятна и близка каждому. Всего Аносов создал около 100 книжных миниатюр. Все, за исключением шести офортов, — гравюры на пластике.

Острый глаз художника умеет схватить самую суть владельца библиотеки. Экслибрисы рассказывают о профессиях людей, основных чертах их характе-

ров, увлечениях и даже человеческих слабостях. Художник делал экслибрисы в основном для творческой интеллигенции Иркутска, художников и писателей.

Много и плодотворно работают в области малой графики кемеровские художники Н. Кофанов, В. Зверев, красноярский график С. Туров, художник ачинского городского драматического театра В. Дубинский, художественный редактор тувинского республиканского книжного издательства И. Кузнецов. Немало знаков для красноярских книголюбов сделала Татьяна Алексеевна Волонцевич, художник-любитель. В середине 60-х годов появились первые экслибрисы и у книголюбов Братска. Они были подготовлены самостоятельными художниками города.

Красноярск

РАДУЕТ, КАК НОВАЯ

Когда мне или моим коллегам, изучающим русскую детскую книжку 20-х и 30-х годов, надо посмотреть какое-нибудь издание тех лет, мы идем в солидную научную библиотеку или в отдел редких книг публичной библиотеки, называемый обычно музеем книги. Только там и можно теперь найти старое издание в хорошем, неповрежденном виде. («Почетная смерть детской книжки, — шутя сказал однажды Маршак, — быть просмотренной, прочитанной — и разорванной навсегда».)

Когда же я держу в руках старую детскую книжку и в тишине читального зала перелистываю ее, то мной, помимо восхищения (если книжка действительно хороша), владеет еще одно чувство: какая жалость, что современные дети не могут ее увидеть! Да, они знают ту же сказку или те же стихи в другом, позднейшем оформлении. Оно, разумеется, новее, но ведь новее — не всегда лучше. И справедливо ли, что только знатоки, исследователи могут наслаждаться красивой детской книжкой 20—30-х годов?..

Книжки Маршака с рисунками Лебедева. Книжки Корнея Чуковского с иллюстрациями Юрия Анненкова, Ре-ми, Владимира Конашевича. Книжки Виталия Бианки с рисунками Валентина Курдова, Юрия Васнецова, Евгения Чарушина... Всё это у нас давно именуют классикой и в том или ином виде переиздают постоянно. Но согласитесь, что шарм, обаяние *первого* издания особенные. И как обидно, что его нельзя воспроизвести, повторить!

«А почему, собственно, нельзя?.. — подумали несколько лет назад искусствовед Юрий Герчук и редактор издательства «Советский художник» Владимир Лапшин. —

Обложка 1922 г.

Наверное, можно». И вот в этом издательстве, под редакцией Юрия Герчука, начала выходить серия «Избранные детские книги советских художников». Первый цикл этой серии посвящен одному из самых знаменитых художников детской книги Владимиру Лебедеву (1891—1967).

Уже вышли «Слонёнок» Редьярда Киплинга (перевод Корнея Чуковского), «Мороженое» и «Цирк» Маршака и анонсированы «Вчера и сегодня», «О глупом мышонке», «Багаж» и другие книжки Маршака с иллюстрациями Лебедева.

Как воспроизводятся эти книги? Факсимильно, в том же формате, в том же цвете и примерно на такой же бумаге.

На обороте обложки киплинговского «Слонёнка» можно прочесть:

Настоящее издание напечатано
в 15-ой Государственной типографии
(бывш. Голике и Вильборг),
при ближайшем содействии В. И. Анисимова,
в январе 1922 года.

А внизу:

... 1.500 экз.

И вот мы видим буквально повторенное издание 1922 года, но тираж его уже не тысяча пятьсот экземпляров, а сто тысяч. А тиражи переизданных книжек «Мороженое» и «Цирк» и того больше — двести тысяч. Дети могут радоваться.

Но не забудем, что это не простое переиздание, а научное. И каждый факсимильно воспроизведенный экземпляр вшит в другую книжку, в которой дан подробный научный комментарий.

Из чего состоит этот комментарий? Возьмем для примера комментарий к «Слонёнку». Во-первых, из общей за-

Обложка 1925 г.

Обложка 1925 г.

метки «Детские книги В.В. Лебедева», рассказывающей о вкладе художника в искусство детской иллюстрированной книжки. Во-вторых, из критической статьи «О „Слонёнке“», анализирующей «виртуозный и цельный графический язык» лебедевских рисунков. В-третьих, из обзорной статьи «„Слонёнок“ В. Лебедева и критика», дающей представление о том, что и как писала художественная критика разных лет об этой книге. В-четвертых, из дотошно составленной «Библиографии», в которой названы и бегло оценены все издания «Слонёнка» с иллюстрациями В. В. Лебедева, а также русские издания «Слонёнка» с рисунками других художников (а на полях — несколько картинок, в том числе иллюстрация самого Кипплинга). Наконец (впрочем, с этого-то и начинается комментатор), приводятся основные даты жизни и творчества художника.

Такой тщательный и любовный комментарий я бы назвал коротко: «Всё о „Слонёнке“ Лебедева».

Юрий Герчук весьма точно характеризует графический язык книжки и столь же точно объясняет природу удаи иллюстратора.

«Живые, иронические, открытые — эти иллюстрации впитали в себя результаты напряженной работы художника над движением и пластикой в его натуральных набросках, над формой, фактурой и материалом — в кубистических, а порой и беспредметных холстах и рисунках, над плакатной экспрессией и лаконизмом „Окон РОСТА“».

Хотя, говорит искусствовед, книжка впервые издана пятьдесят лет назад и с тех пор многие талантливые художники брались иллюстрировать сказки Киплинга, «все же старые-старые рисунки Владимира Васильевича Лебедева к „Слонёнку“ ничуть не потускнели и не устарели рядом с новыми изданиями. Озорные, бойкие, радостные, они и сегодня способны озадачить критика (не слишком ли это сложно для ребенка?) и многому научить художника».

Опыт московского издательства «Советский художник» оказался заразительным. Почти одновременно с ним ленинградское издательство «Художник РСФСР» начало выпускать свою серию лучших детских книг 20-х и 30-х годов, также в факсимильном воспроизведении. Уже появились «Цирк» С. Маршака и В. Лебедева (так в 20-е годы обозначалось на обложке имя художника рядом с именем писателя), их же «Как рубанок сделал рубанок» и «Мороженое».

И тираж этих книжек очень большой: от 300 000 («Цирк» и «Мороженое») до полумиллиона экземпляров («Как рубанок сделал рубанок»).

Правда, серия ленинградского издательства существенно отличается от московской. Она без научного комментария. Лишь на задней стороне новой картонной обложки, как бы предохраняющей факсимильное издание, помещена фотография художника и небольшая, да и не слишком глубокая заметка об иллюстрациях в данной книжке.

Адресована эта заметка, конечно, взрослому. Дети ее читать не станут.

А раз так, мне гораздо больше по душе форма, избранная в московском издательстве. Там предпринято действительно научное издание старых детских книг.

Теперь мало кто, кроме специалистов, помнит о существовавших в 20-е годы частных издательствах «Эпоха» (там вышел «Слонёнок») и «Радуга» (все остальные книжки, о которых пишу). И вот нынешние государственные из-

дательства, уже в 70-е годы поставили перед собой благородную цель — дать в руки нового поколения прекрасные старые книжки.

Правда, когда книжка переиздается в первую очередь ради рисунков, может возникнуть вопрос: а не терпит ли читатель урон из-за того, что текст воспроизводится в том виде, каким был в первом издании, а не в окончательной авторской редакции? Это вопрос не праздный, и для книжек Маршака особенно.

Самые большие разночтения — в «Мороженом». Позже этот текст стал отточеннее, сильнее (что, впрочем, бывало у Маршака не всегда).

Да, в этом смысле у современного читателя есть некоторые потери. И все же выигрыш несравненно больше.

Мой знакомый (кстати сказать, он тоже написал комментарий к одной из таких книжек) рассказывал мне с огорчением, что какой-то читатель (единственный — на сто тысяч) вернул комментарий в издательство, вырвав его и оставив себе — а вернее, для своего ребенка — только факсимильно переизданную книжку. Коллегу, по-моему, этот жест даже обидел. А я подумал: да это ж лучшее подтверждение, что сама книжка жива, нравится и ее не хотят сдавать в архив! Значит, она читается, смотрится, радуется, как новая, будто и не было этих десятилетий, когда она была мало кому доступна и ее могли видеть лишь ценители на полках музея.

Москва

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ХРОНИКА

Десять сезонов Секции Библиофилов

Секция Библиофилов была организована в Ленинградском обществе коллекционеров в 1965 г. одним из старейших собирателей экслибрисов и книг Г. А. Голубенским. Он стал первым ее председателем. Первый пригласительный билет Секции был датирован 26 октября 1965 г. В связи с тяжелым заболеванием Г. А. Голубенский вскоре был вынужден отойти от этой работы, и правление Общества предложило возглавить Секцию собирателю книг о море капитану I ранга в отставке Я. Б. Рабиновичу. Он руководит секцией до настоящего времени.

Один из показателей работы Секции — практически непрерывный рост суммарной и средней посещаемости основных мероприятий Секции.

Первые два сезона Секция работала во Дворце культуры им. С. М. Кирова, там же печатались и пригласительные билеты. Это было сложно. Начиная с третьего сезона дирекция Ленкниги (директор — С. В. Капустин, заместитель — П. И. Титов) предоставила для работы Секции превосходное помещение конференц-зала Дома книги и обеспечила печатание наших билетов. С этого времени в нашей работе не было срывов, невзирая на реорганизацию и перестройки. (В 1966 г. Ленинградское общество коллекционеров было влито в состав ленинградского отделения Всесоюзного общества филателистов. В 1972 г. ЛОК вновь восстановили, а наша Секция опять вошла в него. Наконец в 1974 г. Секция целиком вошла в состав ВОК — общества, о создании которого все мы столь долго мечтали).

Всю работу Секции организует и направляет Бюро, избираемое на два года и состоящее из 9—11 человек. Большая часть членов Бюро работает в нем с самого начала.

Кроме своей основной работы Секция ведет большую внесекционную работу в ряде магазинов-клубов (например, в магазине № 100 «Политическая книга», № 58 «Ленинград» и др.), участвует во всех мероприятиях по пропаганде советской книги, организуемых Ленкнигой, а также Лениздатом и др., на предприятиях («Светлана», «Союз»), в вузах (ЛГУ, ЛИК и др.), в техникумах и средних школах (в Книжном техникуме, Нахимовском училище) и, разумеется, во всех массовых мероприятиях.

Эмблема Секции Библиофилов с 1965 по 1974 год

I СЕЗОН

1. 26 X 1965 Л. И. Борисов, писатель — «Встречи с А. Грином и А. Куприным».
2. 16 XI 1965 С. В. Белов, канд. филол. наук, литературовед — «Анна Григорьевна Достоевская и ее роль в истории русской культуры».
А. Ф. Достоевский — воспоминания.
3. 14 XII 1965 Ф. Н. Малыгин — «Мемуары в моем собрании книг».
4. 10 I 1966 Общее собрание книголюбов Ленинграда.
5. 08 II 1966 Г. А. Голубенский — «Графика А. И. Калашникова».
6. 15 II 1966 Д. И. Котельников — «Политическая сатира эпохи первой русской революции».
7. 25 IV 1966 Встреча с редакцией и авторским активом журнала «В мире книг». Выступления Б. Г. Завьялова, зам. гл. редактора, П. Н. Беркова, чл.-корр. АН СССР, проф. ЛГУ, Джемса Паттерсона, поэта.
8. 24 V 1966 Объединенное собрание Секции с факультетом журналистики ЛГУ, посвященное Дню печати. Выступление декана факультета А. Ф. Бережного, доцентов В. Г. Березина и Л. Э. Дарустина.

II СЕЗОН

9. 23 IX 1966 П. Н. Берков — «Библиофильство и библиография».
10. 07 X 1966 В. А. Мануйлов, проф. ЛГУ, д-р филол. наук, — «Культурное значение и некоторые особенности личных библиотек».
11. 21 X 1966 Встреча с редакцией и авторами Лениздата. Выступления гл. редактора Д. Т. Хренкова, работников редакции П. Ф. Копытина, И. М. Афоничева.
12. 18 XI 1966 Л. О. Раковский, писатель, — «Как я стал книголюбом».
13. 23 XI 1966 Встреча библиофилов с посетителями книжного магазина-салона «Буревестник».
14. 02 XII 1966 Я. Б. Рабинович, председатель СБ, — «Русская морская библиотека».
15. 16 XII 1966 А. Г. Ирлин, член бюро СБ, — «Мое собрание материалов о жизни и деятельности И. Г. Эренбурга».
16. 06 I 1967 А. А. Кроленко, бывш. директор изд-ва «Academia», — «Радости и огорчения книголюбца».
17. 20 I 1967 Н. Н. Розов, канд. филол. наук, главный библиотекарь ГПБ — «Рассказы о древнерусских книгах, книжниках и книголюбцах».
18. 03 II 1967 Встреча книголюбов. Рассказ о своих собраниях.
19. 17 II 1967 Встреча с редакцией и авторами «Книжного обозрения». Выступления гл. редактора А. И. Овсянникова, писателей Ю. Арбата, Л. Озерова (Москва).
20. 03 III 1967 Встреча книголюбов. Рассказ о своих собраниях.
21. 17 III 1967 Объединенное собрание с Секцией книги и графики ЛДУ им. М. Горького. Открытие клуба афоризмистов.
22. 07 IV 1967 К. П. Авдеев, канд. филол. наук, доц. — «В мире экслибрисов».
23. 21 IV 1967 М. С. Альтман, д-р филол. наук, проф. ЛГУ, — «Писатели — герои литературных произведений».
24. 05 V 1967 А. А. Кроленко — «Изд-во Academia. Книги и люди».
25. 19 V 1967 Н. Г. Стрижак — «Книжные знаки Е. Голяховского».
26. 02 VI 1967 Я. Б. Рабинович — «Отчет о работе за истекший сезон. Сбор предложений на третий сезон».

III СЕЗОН

27. 13 IX 1967 П. И. Титов, зам. директора Ленкниги, — «О состоянии и перспективах книжной торговли в Ленинграде».
28. 27 IX 1967 Ж. К. Павлова — главный хранитель б-ки, канд. искусств., — «Библиотека Государственного Эрмитажа».
29. 11 X 1967 И. Н. Липович, искусствовед, чл. ЛОССХ, — «Ленинградская книжная графика за 50 лет».
30. 25 X 1967 М. Б. Вознесенский, начальник Лен. Управления по делам печати — «Книгоиздательское дело в нашей стране с 1917 по 1967 г.»
31. 15 XI 1967 П. Н. Берков — «Афористические жанры, их собиранье и изучение».
32. 24 XI 1967 А. И. Копанев, канд. ист. наук, — «Библиотека Академии наук СССР».

33. 08 XII 1967 В. Н. Грусланов, писатель, — «Мои собрания революционных и боевых реликвий, книг, журналов, рукописей и документов».
34. 22 XII 1967 О. П. Лихачева, ст. библиотекарь БАН, — «Собрание русских книжных знаков в библиотеке Академии наук СССР».
35. 12 I 1968 Ленинградские отделения издательств «Искусство», «Советский писатель», «Музыка» в 1968 г. Выступления главных редакторов: Л. Е. Кошевой («Искусство»), М. М. Смирнова («Советский писатель»), О. П. Коловского («Музыка»).
36. 26 I 1968 Л. И. Борисов — «Писатели-библиофилы».
37. 9 II 1968 М. С. Альтман — «Искусство чтения».
38. 26 II 1968 П. Н. Мартынов, старейший букинист-антиктвар, — «Русские букинистические каталоги».
39. 01 III 1968 И. Д. Вавилов, пред. ЛО ВОФ, — «Оружием сатиры».
40. 15 III 1968 П. Н. Мартынов — «Антиктварно-букинистическая торговля 20—30-х годов».
41. 29 III 1968 К. П. Авдеев — «Книга в жизни И. С. Тургенева и героев его произведений».
42. 5 IV 1968 К. Д. Муратова, д-р филол. наук, — «Горький и книга».
43. 19 IV 1968 Л. А. Рапина, преп. лит-ры, А. Н. Лурье, доц. ЛГПИ им. А. И. Герцена, В. М. Володарская, зав. абонементом б-ки им. В. В. Маяковского, Св. Еф. Арро, референт Ленкниги, — «Молодежь и книга».
44. 17 V 1968 В. А. Мануилов — «Книга и поэт» (библиотека М. А. Волошина).

IV СЕЗОН

45. 07 X 1968 Л. Л. Альбина, гл. библиотекарь ГПБ, канд. истор. наук — «Библиотека Вольтера».
46. 14 X 1968 П. Н. Берков — «История советского библиофильства».
47. 28 X 1968 Е. О. Путилова, доц. ЛГПИ, канд. филол. наук, — «Комсомольско-молодежная литература за 50 лет».
48. 4 XI 1968 П. Н. Мартынов — «Воспоминания о «Международной книге» и «Академкниге».
49. 11 XI 1968 К. П. Авдеев — «Природа, люди, жизнь в произведениях И. С. Тургенева».
50. 25 XI 1968 Т. А. Быкова, гл. библиотекарь ГПБ, — «Русское книгопечатание первой четверти XVIII века».
51. 2 XII 1968 В. С. Потапов, журналист, — «Мое книжное собрание».
52. 9 XII 1968 С. В. Капустин, директор Ленкниги, — «Ленкнига к столетию со дня рождения Владимира Ильича Ленина».
53. 23 XII 1968 П. Н. Мартынов — «Ленинградский библиофил М. А. Сергеев и его замечательное собрание».
54. 06 I 1969 А. Д. Балабуха, писатель, — «Современная научно-фантастическая литература».
55. 13 I 1969 Издательские планы на 1969 г. ленинградских отделений издательств «Художественная литература», «Советский писатель», «Детская литература». Выступления главных редакторов отделений Г. М. Смирновой, А. Н. Чепурова, А. А. Агапова.

56. 27 I 1969 А. Н. Левицкий — «Творчество А. И. Калашникова» (с выставкой и при участии художника).
57. 03 II 1969 Л. А. Мандрыкина, гл. библиотекарь ГПБ, канд. ист. наук, — «Отзвуки восстания декабристов в народных массах».
58. 10 II 1969 О. Б. Враская, зав. отд. эстампов ГПБ, канд. пед. наук, — «Собрание графики ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина».
59. 24 II 1969 А. И. Архипов, зав. сект. ЦВМБ, — «Центральная военно-морская библиотека — сокровищница морской книги».
60. 03 III 1969 Встреча книголюбов. Рассказ о своих собраниях.
61. 10 III 1969 С. В. Белов — «Моя коллекция материалов о жизни и творчестве Ф. М. Достоевского».
62. 24 III 1969 Ю. В. Киркин, канд. пед. наук, — «А. С. Грин в печати».
63. 07 IV 1969 Встреча книголюбов. Рассказ о своих собраниях.
64. 14 IV 1969 М. С. Альтман — «О литературных псевдонимах».
65. 28 IV 1969 Объединенное заседание с Секцией книги и графики ЛДУ им. А. М. Горького, посвященное памяти старейшего букиниста-антиквара Петра Николаевича Мартынова. С докладом о его жизни и деятельности выступил П. Н. Берков.
66. 05 V 1969 П. Н. Берков — «Библиотека Владимира Ильича Ленина».
67. 12 V 1969 Т. А. Быкова — «Вновь обнаруженная первая газета Академии наук в Петербурге».
68. 26 V 1969 Л. В. Успенский, писатель, — Избранные главы из «Записок старого петербуржца».

V СЕЗОН

69. 29 IX 1969 Д. Т. Хренков — «Лениздат в 1970 г.» Я. Б. Рабинович — Отчет о работе Секции Библиофилов ЛО ВОФ в сезоне 1968—1969 гг. Перевыборы Бюро Секции.
70. 06 X 1969 Е. Ф. Капланский — «Миниатюрные издания».
71. 13 X 1969 Ю. К. Бегунов, ст. науч. сотр. ИРЛИ АН СССР, канд. филол. наук, — «Путешествие за древними рукописями».
72. 27 X 1969 С. В. Белов — «Русский издатель П. П. Сойкин».
73. 3 XI 1969 А. Н. Левицкий — «Советские графики на четвертой международной выставке книжного знака 1969 г. в Мальборке (ПНР)».
74. 10 XI 1969 А. Х. Горфункель, зав. отд. редкой книги биб-ки ЛГУ, д-р истор. наук, — «Отдел редких книг научной библиотеки ЛГУ им. А. А. Жданова».
75. 24 XI 1969 И. В. Верхов, зам. нач. отд. торговли Ленкниги, — «Букинистическая книжная торговля и перспективы ее развития».
76. 01 XII 1969 А. Д. Балабуха — «Библиотека советской и зарубежной научно-фантастической литературы».
77. 08 XII 1969 Е. П. Брандис, писатель, канд. филол. наук, — «Рассказы о литературных находках».

78. 22 XII 1969 И. Е. Баренбаум, проф. ЛИК им. Н. К. Крупской, д-р филол. наук, — «Владимир Ильич Ленин и издательское дело партии большевиков».
79. 05 I 1970 Д. И. Котельников — «Обзор новых поступлений в собрания Д. И. Котельникова и А. Б. Лоева» — Сатирическая периодическая печать Первой русской революции (1905—1907 гг.).
80. 12 I 1970 Вечер памяти П. Н. Беркова. С докладом «Жизнь и деятельность Павла Наумовича Беркова» и воспоминаниями выступили: академик Д. С. Лихачев, Т. А. Быкова и д-р филол. наук И. З. Серман.
81. 26 I 1970 Л. М. Равич, доц. ЛИК, канд. пед. наук, — «П. А. Ефремов — книговед, библиограф, редактор».
82. 02 II 1970 Е. Б. Белодубровский, журналист, — «Новое о забытом».
83. 09 II 1970 Вс. А. Рождественский, писатель, — «Книги в моей жизни и творчестве».
84. 23 II 1970 Вс. А. Азаров, писатель, — «Война, люди и стихи».
85. 02 III 1970 М. Д. Фишелев, искусствовед, — «Некоторые библиофильские издания 1969 г.»
86. 09 III 1970 И. Е. Баренбаум — «Русские женщины-издатели в борьбе за прогрессивную книгу».
87. 23 III 1970 Т. И. Бочкарева, доц. ЛГПИ, канд. пед. наук, — «Психология чтения у подростков».
88. 06 IV 1970 Л. М. Равич — «Жизнь и деятельность книговеда Г. Н. Геннади».
89. 13 IV 1970 К. П. Авдеев — «Александр Блок и прижизненные публикации его произведений».
90. 27 IV 1970 Л. О. Раковский — Избранные главы из воспоминаний книголюбца — «Книги и годы».
91. 4 V 1970 П. Е. Корнилов, канд. искусствоведения, А. А. Кроленко, А. К. Мартенс, М. Д. Фишелев, — «Воспоминания о Ленинградском Обществе Библиофилов (ЛОБ)».
92. 14 V 1970 М. С. Лесман — Обсуждение выставки «Из истории революционно-освободительного движения в России».
93. 25 V 1970 Я. В. Рабинович — «Итоги работы Секции Библиофилов ЛО ВОФ за пять сезонов — 1965—1970 гг.»

VI СЕЗОН

94. 28 IX 1970 М. Л. Слонимский, писатель, — «Избранные главы из книги литературных воспоминаний».
95. 12 X 1970 И. Н. Фирсов, директор ЦГИА, — «Центральный государственный исторический архив СССР».
96. 27 X 1970 И. Е. Баренбаум — «Прогрессивный русский книгоиздатель Ф. Ф. Павленков».
97. 03 XI 1970 Л. М. Равич — «Е. И. Якушкин — библиофил и книговед».
98. 10 XI 1970 Л. И. Борисов — Избранные главы из книги «За круглым столом прошлого».
99. 23 XI 1970 А. М. Гордин, писатель, — «Иллюстрированные издания басен И. А. Крылова».
100. 7 XII 1970 А. Д. Балабуха — «Научная фантастика в книгах издательства «Мир» (1962—1970 гг.).

101. 14 XII 1970 С. А. Фомичев, ст. науч. сотр. ИРЛИ, канд. филол. наук, — «Издания сочинений А. С. Грибоедова».
102. 28 XII 1970 В. Э. Вацуро, канд. филол. наук, — «Новое о А. С. Пушкине и М. Ю. Лермонтове».
103. 04 I 1971 Б. В. Шейнкман — «Человечество о Бетховене».
104. 11 I 1971 В. А. Петрицкий, ученый секретарь СБ, канд. филол. наук, доцент ЛТА, член Союза журналистов СССР, — «Социология современного читателя».
105. 25 I 1971 В. М. Шкирматов, канд. техн. наук, — «Советские карикатуристы в борьбе за мир».
106. 1 II 1971 Встреча книголюбов. Рассказ о своих собраниях.
107. 08 II 1971 В. А. Мануйлов — «Лермонтовская энциклопедия».
108. 18 II 1971 Н. В. Варбанец, науч. сотр. ГПБ. — «На заре книгопечатания». Выездное собрание в кабинете инкунабул ГПБ.
109. 01 III 1971 С. Б. Люблинский, книговед, — «Русские демократические издательства на рубеже XIX — XX вв. (издательство О. Н. Поповой и М. И. Водовозовой)».
110. 15 III 1971 В. Н. Орлов, писатель, — «Александр Блок».
111. 29 III 1971 В. А. Петрицкий — «Альберт Швейцер — гуманист, ученый, библиофил».
112. 5 IV 1971 И. Ф. Мартынов, науч. сотр. БАН, канд. пед. наук, — «Выдающийся русский просветитель и издатель Н. И. Новиков».
113. 12 IV 1971 И. З. Серман — «Д. И. Фонвизин и издания его произведений».
114. 26 IV 1971 А. П. Ломан, ст. науч. сотр. ИРЛИ, — «Прижизненные издания произведений Сергея Есенина».
115. 3 V 1971 Е. Б. Белодубровский, — «А. Грин в периодической печати».
116. 10 V 1971 Н. Г. Маркова, зав. б-кой, — «Библиотека Центрального государственного исторического архива СССР».
117. 24 V 1971 Заккрытие шестого сезона. «Ни дня без книги!» Встреча с редакцией и авторами «Книжного обозрения». У нас в гостях писатели А. К. Югов, В. Г. Лидин, Е. И. Осетров и гл. редактор газеты А. И. Овсянников.

VII СЕЗОН

118. 27 IX 1971 О. Н. Шестинский, секретарь ЛО ССП, — «О V съезде писателей и работе ленинградской организации».
119. 4 X 1971 С. А. Рейсер, проф., д-р филол. наук, — «История распространения романа Н. Г. Чернышевского — «Что делать?» в России и за рубежом».
120. 11 X 1971 Д. Т. Хренков — «Над рукописями Виссариона Саянова» (по материалам выходящей книги).
121. 25 X 1971 Л. В. Успенский — Избранные главы из второй части «Записок старого петербуржца».
122. 01 XI 1971 Общее собрание, посвященное памяти известного библиофила, ученого секретаря СБ Игоря Орестовича Эрама. С докладами и воспоминаниями выступил В. А. Петрицкий, С. В. Белов, К. П. Авдеев, М. С. Лесман, Я. Б. Рабинович.

123. 15 XI 1971 А. С. Мыльников, проф., д-р истор. наук, — «Сокровища рукописных фондов ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина».
124. 29 XI 1971 Л. М. Равич — «Александр Николаевич Афанасьев и журнал „Библиографические записки“».
125. 06 XII 1971 С. В. Белов — «Русские издатели братья М. и С. Сабашниковы».
126. 13 XII 1971 Отчетно-перевыборное собрание. Доклад Я. Б. Рабиновича. Перевыборы состава Бюро СБ.
127. 27 XII 1971 И. Б. Семенов — «Рассказ о моем музыкальном собрании книг, портретов и автографов».
128. 03 I 1972 Встреча библиофилов: рассказы о своих собраниях, информация о новых поступлениях, демонстрация раритетов.
129. 13 I 1972 О. В. Ломан, директор музея, — «150 лет со дня рождения Н. А. Некрасова и 25 лет работы Музея-квартиры» (выездное заседание).
130. 24 I 1972 Я. Б. Рабинович — «Книги о первом русском кругосветном путешествии» (с демонстрацией раритетов).
131. 7 II 1972 И. Е. Баренбаум — «Острожская библия» 1581 г. в Хабаровской библиотеке.
132. 14 II 1972 А. С. Мыльников — «Неопубликованная рукопись В. В. Стасова по Русской истории XVIII века».
133. 23 II 1972 М. С. Лесман — «Рассказы о редких книгах».
134. 6 III 1972 В. П. Будорагин, науч. сотр. ИРЛИ — «Старинные рукописи и книги на Русском Севере».
135. 13 III 1972 А. А. Гозенпуд, д-р филол. наук, — «Библиотека Ф. И. Стравинского».
136. 27 III 1972 Объединенное собрание совместно с Секцией книги и графики ЛДУ, посвященное памяти букиниста-антиквара Ивана Сергеевича Наумова. С докладом и воспоминаниями выступили И. В. Верхов, А. А. Тимофеев, Т. А. Быкова, Л. В. Морозов, М. С. Лесман, А. А. Фурсенко, А. Д. Столяр, П. Е. Корнилов, Л. Е. Борщевский, В. А. Петрицкий, Я. Б. Рабинович.
137. 03 IV 1972 С. П. Луппов, ст. н. с. БАН, д-р ист. наук, — «Книга в России первой четверти XVIII века».
138. 10 IV 1972 М. И. Гилельсон, канд. филол. наук, — «А. С. Пушкин — читатель записок Дашковой».
139. 24 IV 1972 В. А. Петрицкий — «Некоторые аспекты психологии и истории библиофильства».
140. 15 V 1972 А. Х. Горфункель — «Петровские издания в Отделе редкой книги библиотеки им. А. М. Горького Ленинградского университета им. А. А. Жданова».
141. 29 V 1972 М. Б. Вознесенский — «Ленинград и Международный год книги».

VIII СЕЗОН

142. 25 IX 1972 Г. И. Бржежинский, Директор Дома книги, — «Ленинградский Дом книги. История. Структура. Организация. Перспективы».

143. 02 X 1972 В. М. Акимов, канд. филол. наук, — «А. К. Воронский — редактор и издатель».
144. 09 X 1972 Л. М. Равич — «А. С. Пушкин в трудах русских библиофилов XIX века».
145. 23 X 1972 П. И. Титов, директор Бибколлектора, — «Библиотечный коллектор Ленкниги. История. Структура. Организация. Перспективы развития».
146. 13 XI 1972 В. А. Петрицкий — «Собрание книг и автографов Председателя Народной Палаты ГДР Геральда Гёттингга».
147. 20 XI 1972 С. М. Бабинцев, книговед, канд. пед. наук, — «Моя Крыловиана» (с демонстрацией раритетов).
148. 27 XI 1972 С. С. Ланда, д-р ист. наук, — «Судьба одной книги» («Рукопись, найденная в Сарагосе» Яна Потоцкого).
149. 11 XII 1972 Я. Б. Добкин — «Встречи с Дон-Кихотом» (с демонстрацией иллюстративных материалов).
150. 18 XII 1972 М. А. Тарасов, ученый секретарь ГПБ, канд. пед. наук, — «Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина».
151. 25 XII 1972 В. А. Петрицкий — «Антикварная книжная торговля в ГДР».
152. 08 I 1973 М. С. Лесман — «Моя Лениниана». Передача коллекции в дар ГПНТБ Сибирского отделения АН СССР.
153. 15 I 1973 В. В. Крамер, аспирант ЛИК, — «С. Д. Полторацкий — библиофил и библиограф».
154. 29 I 1973 Л. О. Раковский — Чтение избранных глав из книги «Воспоминания и дела» (записки литератора и книголюбца).
155. 05 II 1973 В. А. Петрицкий «Веймар — город Гете, Шиллера, Листа, Швейцера. Гете — библиофил».
156. 12 II 1973 С. М. Бабинцев — «Нелегальное издание комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».
157. 26 II 1973 С. В. Белов — «Новые материалы о Ф. М. Достоевском».
158. 05 III 1973 И. Н. Курбатова, зав. Домом Плеханова, канд. ист. наук, — «Библиотека Георгия Валентиновича Плеханова».
159. 12 III 1973 А. М. Блинов, директор ЛГАЛИ — «Ленинградский государственный архив литературы и искусства. История. Структура. Перспективы развития».
160. 26 III 1973 Встреча книголюбов. Рассказ о своих собраниях.
161. 2 IV 1973 И. Я. Айзеншток, проф., — «Книги и книжники 20-х годов».
162. 9 IV 1973 И. З. Серман — «Неизданные и неизвестные книги В. К. Тредиаковского».
163. 23 IV 1973 А. С. Мыльников — «Рукописная книга после Гутенберга».
164. 7 V 1973 В. А. Петрицкий — «Жизнь книги».
165. 14 V 1973 А. Ю. Вейс, литературовед, — «О книгах, не выявленных биографами писателей».
166. 28 V 1973 В. А. Мануйлов — Чтение повести «Отречение».
167. 28 V 1973 В. А. Крылов — «Листки из старинных альбомов».

IX СЕЗОН

167. 24 IX 1973 М. Б. Вознесенский, нач. Лен. Упр. Госкомиздата — «Ленинградские издательства и книготорговля в 1974 году».
168. 01 X 1973 В. А. Крылов — «Из моего собрания альбомов (художники М. Т. Марков и С. Ф. Галактионов)».
169. 08 X 1973 А. С. Мыльников, Председатель ЛО ВОК, д-р ист. наук, проф., — «Русские книги в библиотеке чешского ученого-библиофила Йозефа Юнгмана».
170. 15 X 1973 П. Н. Персюк, чл. бюро СБ, Н. А. Никифорова, Л. М. Соскин — о своих книжных собраниях.
171. 22 X 1973 Л. О. Раковский — Чтение глав из печатающейся книги «Воспоминания и дела».
172. 29 X 1973 Л. Л. Альбина — «Вольтер — историк Петра Великого».
173. 12 XI 1973 С. М. Вяземский, ученый, — «Мое собрание по истории Ленинграда».
174. 19 XI 1973 А. Е. Гершман, Я. С. Сидорин, канд. техн. наук, — о своих книжных собраниях.
175. 25 XI 1973 С. М. Бабинцев — «Книги с автографами в собраниях ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина».
176. 3 XII 1973 Л. П. Кузьмина, зав. биб-кой, — «Библиотека Всесоюзного музея Александра Сергеевича Пушкина».
177. 10 XII 1973 Г. С. Гор, писатель, — «Книга в моей жизни».
178. 17 XII 1973 И. Д. Зеленская, А. А. Демин, Л. Я. Яновский — о своих книжных собраниях.
179. 24 XII 1973 Л. В. Успенский — Чтение глав из новой книги.
180. 7 I 1974 Е. Г. Кьяндская (внучка изобретателя радио А. С. Попова) — «Библиотека Александра Степановича Попова».
181. 14 I 1974 М. Б. Вознесенский — «Ленинградские издательства в 1974 г.».
182. 21 I 1974 Г. И. Иофик, член бюро СБ, Вл. А. Петрицкий — о своих книжных собраниях.
183. 28 I 1974 Т. Д. Айзенберг, член ЛО НТО полиграфии и издательств, — «Ленинградские книжники в годы Великой Отечественной войны».
184. 4 II 1974 А. С. Коровченко — «Ялтинский Смирдин» (книгопродавец Синани И. А.)
185. 11 II 1974 И. М. Меттер, писатель, — «Книга и автор».
186. 18 II 1974 А. Г. Ирлин, С. А. Наумов — о своих книжных собраниях.
187. 25 II 1974 В. А. Мануйлов — «Пушкин и книга».
188. 4 III 1974 А. М. Гордин — «Новое издание воспоминаний А. П. Керн об А. С. Пушкине».
189. 11 III 1974 Н. Д. Кондратьев, писатель, — «Поиски и находки в документальной прозе».
190. 18 III 1974 И. К. Григорьев — «Моя библиотека».
191. 25 III 1974 Л. А. Рождественская-Кроленко — «Воспоминания об издательстве «Academia». Вступительное слово В. А. Мануйлова.

192. 01 IV 1974 А. П. Могилянский, ст. н. с., «Павел Елисеевич Щеголев и его издание «Медного всадника» (Голике и Вильборг, 1923).
193. 8 IV 1974 В. А. Петрицкий — «Владимир Германович Лидин — поэт книги, старейшина советских книголюбов».
194. 15 IV 1974 Л. Г. Кальнина, Н. П. Кошелев, букинист-антиквар, — о своих собраниях.
195. 22 IV 1974 Д. Н. Аль, писатель — «Новеллы о книгах и рукописях».
196. 6 V 1974 А. Л. Гольдберг, гл. библиотекарь ГПБ, канд. ист. наук, — «Книжные сокровища коллекции «Россика» в ГПБ».
197. 13 V 1974 В. М. Глинка, писатель, — «Работа над историческими романами для юношества».
198. 20 V 1974 А. А. Тимофеев — «О своем книжном собрании».
199. 27 V 1974 М. А. Дудин, поэт, — «Книга и поэзия».

X СЕЗОН

200. 30 IX 1974 Открытие десятого сезона — двухсотое собрание секции.
Вступительное слово I-го зам. председателя ЛО ВОК — Н. Я. Борисова.
А. И. Маркушевич — академик, вице-президент АПН СССР — «Открытия в собственной библиотеке». Выступления: зам. директора Ленкниги — Н. А. Дружининского, гл. редактора «Книжного обозрения» — А. И. Овсянникова, Я. Б. Рабиновича.
201. 7 X 1974 Р. Н. Сундушникова, — директор 6-ки — «Центральная городская библиотека им. В. В. Маяковского».
202. 14 X 1974 А. С. Мыльников, председатель ЛО ВОК — Информация о Всесоюзном и Всероссийском Учредительных Съездах добровольного общества любителей книги.
Кандидаты пед. наук Г. Г. Фирсов, проф. ЛИК, Т. И. Скрипкина, доц. ЛИК — «Анатолий Франс — библиофил».
203. 21 X 1974 В. А. Петрицкий — «Русский мыслитель и деятель книги Н. Ф. Федоров».
204. 28 X 1974 Е. В. Бернадская, гл. библиотекарь ГПБ, канд. ист. наук, — «Библиофил Франческо Петрарка».
205. 4 XI 1974 Д. А. Гранин, писатель, — «Книга в моей работе».
206. 11 XI 1974 С. В. Белов — «Издатели русских энциклопедий братья Гранаты».
207. 18 XI 1974 Т. Г. Красовская, директор, — «Народный книжный магазин «Свет» (научно-производственного объединения «Светлана»).
208. 25 XI 1974 С. В. Фогельсон, писатель, — «Путешествие по Италии». Чтение стихов.
209. 2 XII 1974 В. В. Захаров, канд. филол. наук, К. А. Афанасьев (составители), Н. А. Чечулина, гл. ред. Лениздата (редактор) — о книге «Полночных стран краса и диво» (антология стихов о Петербурге — Петрограде — Ленинграде).

210. 9 XII 1974 Вечер памяти П. Н. Беркова. И. З. Серман — «Павел Наумович Берков — Человек и книговед». С воспоминаниями выступили Т. А. Быкова, Н. Д. Кочеткова, С. М. Вяземский, М. С. Лесман, Я. Б. Рабинович.
211. 16 XII 1974 Л. М. Равич — «Чаадаев и московские библиофилы».
212. 23 XII 1974 Л. Н. Рахманов, писатель, — «Мои первые книги».
213. 06 I 1975 Г. И. Карманов — о своем собрании. М. З. Гордон — «Стихи о книге» Франсуа Фертио (1814—1815) — в переводах выступающего.
214. 13 I 1975 В. С. Бахтин, писатель, — «Путешествие в древнюю Русь».
215. 20 I 1975 Л. Н. Большаков, писатель (Оренбург) — «Библиофильский и литературоведческий поиск».
216. 27 I 1975 В. А. Петрицкий — Новеллы из книги «Врезанные в память письма».
217. 3 II 1975 В. В. Конецкий, писатель, — «Море и книги».
218. 10 II 1975 И. К. Григорьев — «Михаил Константинович Лемке — историк русского революционного движения, библиофил, издатель».
219. 17 II 1975 В. А. Мануйлов — «О готовящихся к выходу в свет книгах, посвященных жизни и творчеству М. Ю. Лермонтова».
220. 24 II 1975 Л. А. Рождественская-Кроленко — «О людях издательства «Academia». Заключительное слово В. А. Мануйлова».
221. 03 III 1975 А. С. Коровченко — «Русские писатели об авиации и авиаторах».
222. 10 III 1975 Ю. Е. Бирман, канд. пед. наук, — «Видный деятель русского революционного движения Н. В. Шелгунов (1824—1891) и проблемы народного чтения во второй половине XIX века»;
- И. К. Григорьев — «Революционный демократ А. А. Серно-Соловьевич (1838—1869) и другие воспитанники царскосельского лицея — революционные и общественные деятели».
223. 17 III 1975 В. А. Петрицкий — «Юбилейные издания к 100-летию со дня рождения Альберта Швейцера».
224. 24 III 1975 Е. И. Христофоров зам. гл. редактора, — «Лениздат в 1975 г.» Ю. Д. Клименченко, писатель, — главы из книги «Лонг Алек», выходящей в Лениздате.
225. 7 IV 1975 С. А. Наумов — «Книжная торговля на нижегородской ярмарке 1923 г.».
226. 14 IV 1975 Ю. П. Нюкша, зав. отделом ГПБ, д-р биол. наук, — «Современные методы консервации и реставрации книг».
227. 21 IV 1975 Г. А. Голубенский — «Мое собрание книг и экслибрисов».
228. 28 IV 1975 Встреча с редакцией журнала «Звезда». Выступления зам. гл. редактора П. В. Жура и писателя Э. С. Ставского.
229. 5 V 1975 К 30-летию Великой Победы. Ю. А. Пантелеев, адмирал, — «Балтика в дни Великой Отечественной войны»; Вс. А. Азаров, писатель, — воспоминания. Выставка книг — «Мемуары советских моряков, героев Вели-

- кой Отечественной войны» из собрания Я. Б. Рабиновича.
230. 12 V 1975 К 30-летию Великой Победы. Р. Ш. Сот, сотрудник Военно-исторического музея артиллерии, инж. войск и войск связи — «Литература о Великой Отечественной войне».
- 231 19 V 1975 Ю. В. Маретин, канд. ист. наук, — «Книги, изданные в Ленинграде в 1941—1945 гг.».
232. 26 V 1975 М. В. Савостьянова, д-р физ.-мат. наук, — «Мое собрание книг о человеке».
- Заккрытие десятого сезона Секции. Вступительное слово пред. правления ЛО ВОК А. С. Мыльникова. Доклад пред. Клуба книголюбов ЦДРИ СССР А. Ф. Иваненко — «Жизнь, отданная книге» (об И. И. Лазаревском). Сообщение нач. отдела «Книжного обозрения» К. И. Ляско о работе газеты и перспективах ее развития. Сообщение зам. гл. редактора сборников «Книга» А. П. Толстякова о работе и перспективах сборников.

Хроникү составили Я. Б. Рабинович, Г. И. Иофик

Ленинград

«ВОРОНЕЖСКИЙ БИБЛИОФИЛ»

Международный год книги был ознаменован в Воронеже — городе больших культурных традиций — созданием кружка любителей книги при научной библиотеке Воронежского государственного университета. Кружок называется «Воронежский библиофил». — Его члены — научные сотрудники и студенты воронежских вузов, писатели, журналисты, работники библиотек.

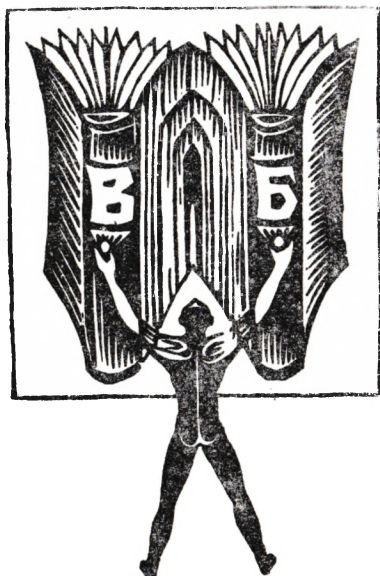
Инициатива создания кружка принадлежит кандидату филологических наук, доценту ВГУ, литературоведу О. Г. Ласунскому и сотруднице университетской библиотеки Н. М. Федосовой. Первое заседание состоялось 27 апреля 1972 г., был избран совет, в состав которого вошли: Гелий Федорович Бирюков — старший преподаватель кафедры русской литературы, Иван Васильевич Бубнов — журналист, ныне пенсионер, Геннадий Федорович Горский — проректор университета, профессор, Эдуард Иванович Пашнев — писатель, Светлана Владимировна Янц — директор научной библиотеки ВГУ. Ученым секретарем совета стала Нина Митрофановна Федосова, председателем — Олег Григорьевич Ласунский.

На ежемесячных «четвергах» рассматриваются проблемы истории и современного состояния книжного дела, теории и практики русского и советского библиофильства. Присутствующие знакомятся с редкими изданиями из фондов государственных и частных библиотек, встречаются с литераторами, краеведами, художниками, слушают сообщения о новых поступлениях в университетскую библиотеку.

К каждому заседанию выпускаются памятки. В их оформлении принимали участие известные художники П. Кузаян, А. Калашников, Н. Кузьмин, Г. Ратнер (Москва), В. Лопата (Киев), А. Кашкурович, Н. Лозовой (Минск), М. Ахунов (Воронеж), В. Марьин (Томск) и другие.

Пригласительный билет
на 12-е заседание Клуба.
Художник Н. Кузьмин

Пригласительный билет
на 13-е заседание Клуба.
Художник Н. Лозовой. Минск

Информация о деятельности кружка появлялась на страницах центральных газет «Известия», «Советская культура», «Комсомольская правда», «Книжное обозрение», журнала «В мире книг». Подробный отчет о библиофильских заседаниях не раз помещала на своих страницах воронежская областная газета «Молодой коммунар».

1972 г.

1. 27 IV. Советские библиофильские организации 1920-х годов. Сообщение О. Г. Ласунского. Показ редких изданий РОДК и ЛОБ из коллекции О. Г. Ласунского.

1972 год — Международный год книги, навыков чтения и библиотек. Устав книги, принятый в конце 1971 г. в Брюсселе. Сообщение А. В. Романенко, зам. директора Университетской библиотеки.

На первом заседании присутствовали 50 человек.

2. 25 V. Издания XVIII века. (Из фондов научной библиотеки ВГУ). Доклад Э. Я. Брун, главного библиографа научной библиотеки ВГУ.

Писатель Ю. Т. Воишев познакомил с некоторыми изданиями XVIII века из личного собрания.

3. 29 VI. Пушкин — на моей книжной полке.

Вступительное слово председателя кружка О. Г. Ласунского — «А. С. Пушкин — библиофил».

С. И. Базула, А. И. Башта, С. Г. Лазутин, А. В. Манушин, Э. И. Пашнев, А. В. Романенко, Н. М. Федосова — рассказ об интересных изданиях произведений поэта и книг о нем.

Главы из новой повести Ю. Воищева «Золотое перо».

4. 28 IX. Редкие печатные издания Воронежского края (по фондам мемориального Дома-музея И. С. Никитина, Областного государственного архива, Областной библиотеки им. И. С. Никитина, научной библиотеки ВГУ). Сообщения Г. В. Антюхина, Т. Г. Евлаковой, О. П. Захаровой.

Г. В. Антюхин рассказал о первых печатных изданиях Воронежской губернской типографии, продемонстрировал воронежские издания предреволюционных и первых лет Советской власти, Т. Г. Евлакова и О. П. Захарова сообщили о редких печатных изданиях краеведческого характера в фондах университетской и областной библиотек.

5. 26 X. Романтика книжных поисков. Устные рассказы Н. А. Никифорова, известного коллекционера, хранителя Тамбовского литературного музея на общественных началах.

6. 30 XI. Как и какую библиотеку я собираю. Сообщения Г. Ф. Бирюкова, С. Г. Богоявленского, И. В. Бубнова, Г. Ф. Горского. Об истории и принципах составления, наиболее интересных изданиях.

7. 28 декабря 1972 года. П. Н. Берков и библиофильство. Доклад О. Г. Ласунского о библиофильских интересах П. Н. Беркова, его основных работах; чтение сонетов П. Н. Беркова об экслибрисе.

1973 г.

8. 27 I. Из истории частных и общественных библиотек Воронежского края. Сообщения И. В. Бубнова, Б. Д. Грушке, О. Г. Ласунского.

И. В. Бубнов зачитал воспоминания С. М. Деноткина, в которых приводятся сведения о книжных магазинах и библиотеках в Воронеже до 1917 г.

Б. Д. Грушке — история библиотеки генерала Ивашкина-Потапова в имении Семидубравное.

О. Г. Ласунский показал свою коллекцию книжных знаков Воронежского края.

9. 22 II. «Воронежский библиофил» в гостях у Областного государственного архива. Сообщения А. И. Гайворонского, О. Ф. Дулевича, Э. П. Иноземцевой, Р. А. Рязанцевой, Л. Г. Удовенко. Сотрудники архива рассказали о зарождении и развитии архивного дела в Воронеже, о наиболее древних и ценных материалах по истории местной культуры, об основных направлениях в работе архива сейчас.

10. 29 III. Научная библиотека ВГУ. (История, фонды, ценные издания.) Сообщения О. М. Андреевой, О. В. Молодцовой, Ю. А. Ровенской, Н. М. Федосовой, И. А. Хрипуновой, С. В. Янц.

Директор библиотеки С. В. Янц рассказала о возникновении библиотеки, о ее судьбе в годы минувшей войны, о современном состоянии фондов.

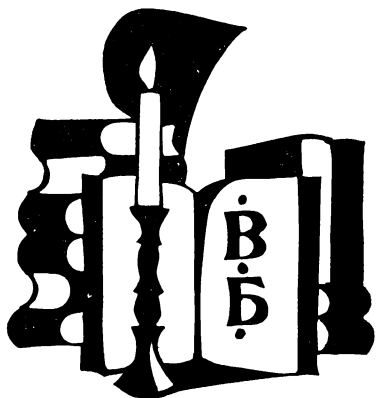
О редких изданиях, книгах из собраний ученых, хранящихся отдельными фондами, рассказали сотрудники библиотеки.

11. 26 IV. Из последних поступлений в мою библиотеку. Сообщения И. В. Бубнова, О. Г. Ласунского, Е. В. Масленникова, И. Я. Фурмана, В. Г. Чевычелова.

12. 31 V. Пушкин на книжной полке.

*Силуэт У. Г. Иваска работы
К. К. фон-Зейдлица (1894 г.)*

*Гравюра на пластике.
Художник Г. Ратнер*

Л. Г. Аронов — «Прижизненные издания А. С. Пушкина в фондах научной библиотеки ВГУ».

Студентка IV курса филологического факультета Лена Радина рассказала об альманахах пушкинской поры.

Сотрудница библиотеки В. К. Мрозовская познакомила с иллюстрированными изданиями романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

13. 27 IX. Как и какую библиотеку я собираю.

Члены кружка А. И. Башта, Б. Д. Грушке, А. И. Землянова, В. И. Кузнецов рассказали о принципах собирательства и основных разделах личных библиотек, продемонстрировали наиболее ценные экземпляры.

14. 25 X. Наше мнение об «Альманахе библиофила» (Москва, 1973).

Преподаватель ВГУ Г. Ф. Бирюков, пенсионер И. В. Бубнов, журналист В. И. Кузнецов, кандидат экономических наук Е. В. Масленников, инженер Л. П. Примаков, студенты В. М. Абакумов и Е. И. Радина дали благожелательный анализ сборника. Были высказаны и некоторые критические замечания.

15. 29 XI. Библиотека профессора. Сообщения Г. А. Волгина, Р. Э. Неймана, А. И. Немировского.

Журналист Г. А. Волгин — воспоминания о встречах с профессором — книговедом и литературоведом Н. К. Пиксановым.

Профессора ВГУ доктор химических наук Р. Э. Нейман и доктор исторических наук А. И. Немировский рассказали об истории создания и составе своих библиотек.

16. 27 XII. Книговед и библиофил Удо Георгиевич Иваск.

Доклад О. Г. Ласунского о жизни и творчестве эстонского книговеда, библиографа, библиофила.

Зачитаны воспоминания об У. Г. Иваске, присланные его дочерью Е. У. Кульпа-Иваск и племянником Ю. П. Иваском.

1974 г.

29 I. Внеочередное заседание «Воронежского библиофила». Перед участниками партактива выступили Л. Г. Аронов, Е. И. Кузнецов, В. К. Мрозовская, Н. М. Федосова, С. В. Янц. Вновь прозвучали наиболее интересные выступления прошедших заседаний.

17. 31 I. Фонды редких книг университетских библиотек Москвы, Казани, Харькова и Воронежа.

В. В. Аристов — зав. отделом редкой книги научной библиотеки им. Лобачевского Казанского университета, Л. П. Калинин — зав. отделом редкой книги Центральной научной библиотеки Харьковского университета, А. В. Романенко — зам. директора научной библиотеки ВГУ, Н. И. Сафонова — гл. библиотекарь научной библиотеки МГУ говорили о работе отделов редкой книги, о проблемах комплектования фондов, о ценных коллекциях.

18. 28 II. Как и какую библиотеку я собираю. Сообщения А. И. Князева, Е. В. Масленникова, В. П. Скобелева, И. Я. Фурмана.

19. 28 III. Книга в древнем мире.

Заседание подготовлено совместно с членами кружка исторического факультета. Студенты А. Медведев, Г. Постнов, А. Скогорев, профессор А. И. Немировский рассказали о книгах древнего Египта, о наиболее крупных библиотеках Греции и Рима.

20. 25 IV. Эстонский библиофил Ю. Б. Генс.

Сообщение О. Г. Ласунского. Дочь Ю. Б. Генса Инна Юльевна Генс (Москва) поделилась воспоминаниями об отце, рассказала о судьбе его библиотеки.

21. 30 V. А. С. Пушкину — 175 лет со дня рождения.

А. И. Князев рассказал о пушкинских музеях и памятниках в нашей стране и за рубежом. В. Ф. Панкратов познакомил с посвященными поэту экслибрисами из своей коллекции. С. В. Янц напомнила о судьбе одной из посмертных масок Пушкина, некоторое время хранившейся в университетской библиотеке.

Музыкальная композиция «Александр Сергеевич» подготовлена студентами и преподавателями филологического факультета.

22. 26 IX. И. С. Никитину — 150 лет со дня рождения.

Сообщение журналиста-краеведа В. И. Кузнецова «Никитин и книга». Выступление журналиста, коллекционера В. Ф. Панкратова — «Никитин в книжных знаках». Сотрудница библиотеки Т. М. Швора продемонстрировала дореволюционные издания произведений Никитина и литературы о нем, хранящиеся в фонде библиотеки университета. Со своей Никитинианой познакомил О. Г. Ласунский. Прозвучали стихи И. С. Никитина в исполнении сотрудницы библиотеки А. И. Земляновой.

23. 31 X. Библиотека профессора И. Н. Бороздина.

С докладом об истории создания этой уникальной библиотеки выступила вдова профессора, канд. филол. наук Полина Андреевна Бороздина (Воронеж). О книгах с автографами из бороздинской библиотеки рассказал сотрудник научной библиотеки Л. Г. Аронов.

24. 28 XI. Русский книгоиздатель И. Д. Сытин.

О Сытине и о своем собрании «Сытиняны» рассказал В. Ф. Панкратов. Об изданиях типографии И. Д. Сытина в фондах университетской библиотеки сообщение библиографа О. М. Андреевой.

25. 26 XII. Книга в нашей жизни.

Выступление известного воронежского поэта Владимира Григорьевича Гордейчева. Зачитано приветствие членам кружка от Ираклия Андроникова.

1975 г.

26. 20 II. Антикварно-книжная торговля в современной Англии. Докладчик — стажер филологического факультета Воронежского гос. университета Саймон Франклин, прибывший из Кембриджа (Великобритания). Его отец, Коллин Франклин — один из известных в сегодняшней Англии букинистов-антикваров. С. Франклин рассказал о характерных явлениях в библиофильской жизни своей страны.

О. Г. Ласунский. Джон С.-Г. Симмонс — друг русской книги. Сообщение об английском слависте-книговеде из Оксфорда.

27. 17 IV. Книги на войне и о войне. А. И. Башта и О. А. Сурговито о наиболее интересных изданиях, связанных с годами Великой Отечественной войны и хранящихся в личных библиотеках.

Профессор ВГУ А. И. Немировский — воспоминания о поэте Николае Майорове.

Сотрудница научной библиотеки университета Р. С. Гайдукова — о редких изданиях времен Великой Отечественной войны.

28. 19 VI. Н. Н. Гвоздков, А. П. Валагин, А. Н. Крутых. Как и какую библиотеку я собираю.

29. 13 XI. У нас в гостях Яков Сергеевич Сидорин (ленинградский собиратель, канд. техн. наук, воронежец по рождению и коллекционерским интересам) — книжные поиски и находки, раритеты из ценного собрания.

О. Г. Ласунский — впечатления от встречи с ленинградской библиотекой Я. С. Сидорина.

30. 25 XII. Современный книжный знак. Спорное и бесспорное.

О. Г. Ласунский, автор известной книги «Книжный знак» (Воронеж, 1967) — доклад о спорных проблемах теории и бытования современного книжного знака. В. Ф. Панкратов и Л. П. Примаков — о своих коллекциях экслибрисов.

С 1975 г. кружок «Воронежский библиофил» чередует научные заседания (с изданием памятки) и рабочие встречи книголюбов. В свет выпущены также библиографические указатели, посвященные У. Г. Иваску (1973) и отражению библиофильства на страницах русских журналов (вып. I, 1975).

С докладом о деятельности кружка в сентябре 1975 г. на научно-практической конференции вузовских библиотек Поволжья (Саратов) выступила директор научной библиотеки ВГУ С. В. Янц.

О деятельности «Воронежского библиофила» рассказано на страницах немецкого библиофильского журнала «Marginalien» (ГДР), 1975, Н. 58 в статье Фридрихы Краузе, заместителя генерального директора Немецкой государственной библиотеки (Берлин).

Хронику составила Ю. Ровенская

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Наровчатов.</i> Путешествие по книжным рекам. .	5
---	---

КНИГА И ЖИЗНЬ

<i>А. Сидоров.</i> Из воспоминаний книговеда	17
<i>В. Утков.</i> Увлечение Степана Черных	32
<i>Ст. Черных.</i> Зуагзеба и другие.	36
<i>Й. Ринчен.</i> В степях Монголии.	41
<i>А. Глухов.</i> Маленький шедевр о великой стройке .	48
<i>К. Буров.</i> Как возникла моя коллекция	54
<i>С. Вуль.</i> Клуб любителей книжных знаков	61

БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ

<i>В. Лобанов.</i> О библиотеке В. А. Жуковского . . .	73
<i>Ю. Генс.</i> Из «Заметок библиофила»	96
<i>А. Маркушевич.</i> Рассказы о книгах	108
<i>Б. Шиперович.</i> О чем говорят автографы	121
<i>А. Маслова.</i> «...из книг М. И. Венюкова»	133
<i>В. Кунин.</i> Странный флорентиец	145

ДЕЛА МИНУВШИЕ

<i>Л. Юниверг.</i> Незавершенный замысел.	157
<i>А. Иваненко.</i> «Капитанская дочка» в Париже . . .	169
<i>Евг. Петряев.</i> Забайкальские редкости	183
<i>С. Голицын, В. Маштафаров.</i> И. Голышев — первый литограф провинциальной России	195
<i>А. Прялков.</i> Странное и удивительное издание . . .	200

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

<i>Н. Степанов.</i> Уникальный экземпляр «Миргорода»	207
<i>Г. Коган.</i> Книга с автографом Державина	209
<i>А. Любавин.</i> Девятая трагедия Сумарокова	216
<i>Б. Цимеринов.</i> «...в пользу голодающих Поволжья»	221
<i>Е. Немировский.</i> Книга, напечатанная на табель- календаре	223
<i>В. Аверихин.</i> Экслибрис в Сибири	226
<i>Вл. Глоцер.</i> Радует, как новая	231

СТИХИ О КНИГАХ И КНИЖНИКАХ

<i>Вс. Рождественский</i> * * *	31
<i>Геворг Эмин.</i> Над древними рукописями	69
<i>Борис Слуцкий.</i> Большие тома.	132
<i>Новелла Матвеева.</i> Жизнь книги.	167
<i>Леонид Мартынов</i> * * *	194

ХРОНИКА

Ленинградская хроника	236
«Воронежский библиофил»	248

А 57 **Альманах библиофила. Вып. 3. М., «Книга», 1976.**
256 с. с ил. 30 000 экз.

Альманах рассказывает о современном советском библиофильстве и о прошлом библиофильства. Читатель найдет здесь рассказ о нижнетагильском рабочем—собирателе псевдонимов и воспоминания старейшего советского книговеда А. А. Сидорова, о книжных сокровищах Монгольской Народной Республики и об активной деятельности Московского клуба экслибрисистов. В разделе «Библиотеки и библиофилы»— новые данные о библиотеке поэта В. А. Жуковского и ученого географа М. И. Венюкова, рассказ об интересных автографах из собрания Ан. Тарасенкова и о знаменитом итальянском библиофиле Антонио Мальябекки. Завершается выпуск хроникой общественной жизни советских книголюбов. Издание иллюстрировано. Предназначено для любителей книги, работников печати и библиотек.

Б1001-058
А-02(01)-76 1-76

002

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА

Выпуск третий

Редактор *Э. Б. Кузьмина*

Художественный редактор *Н. Д. Карандашов*

Технический редактор *Н. И. Аврулис*

Корректор *Е. Д. Серегина*

А 13508. Сдано в набор 26.1.1976 г. Подписано к печати 16.VI.1976 г.
Формат бум. 60×84¹/₁₆. Бумага № 1.
Усл. печ. л. 14,88. Уч.-изд. л. 15,08. Тираж 30 000 экз.
Изд. № 2017. Заказ 3813. Цена 1 руб.

Издательство «Книга»
Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валуевская, 28